

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ № 124

г. Уфа

«09» декабря 2019 г.

Время проведения экспертизы:

Исследование начато: «09» сентября 2019 года в 12 час. 00 мин.

Исследование окончено: «09» декабря 2019 года в 18 час. 00 мин.

Место проведения экспертизы:

Центр лингвистических экспертиз и редактирования при кафедре общего языкознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3А.

Основания проведения экспертизы:

Постановление о назначении комплексной, психолого-лингвистической, судебной экспертизы от 23 апреля 2019 г., вынесенное старшим следователем следственного отдела УФСБ России по Республике Башкортостан капитаном юстиции Корепановым С.Н. по материалам уголовного дела № 11907800001000004.

Сведения об экспертах:

Хазимуллина Елена Евгеньевна, имеющая высшее образование по специальности «русский язык и литература» (квалификация «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы»), послевузовское образование по специальности «10.02.01 — русский язык» (ученая степень — кандидат филологических наук); повышение квалификации по программе профессиональной переподготовки «Судебная лингвистическая экспертиза: аналитико-экспертная деятельность филолога-практика»; стаж работы по специальности с 1996 г.; экспертный стаж — с 2010 г.; доцент кафедры общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы; руководитель ЦЛЭР.

Плеханова Екатерина Алексеевна, имеющая высшее образование по специальности «русский язык и литература» (квалификация «Учитель русского языка и литературы»), послевузовское образование по специальности «19.00.13 — Психология развития, акмеология» (ученая степень — кандидат психологических наук); стаж работы по специальности с 1994 г.; экспертный стаж — с 2017 г.; доцент кафедры педагогики и психологии БГПУ им. М. Акмуллы; эксперт ЦЛЭР.

1. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ:

09 сентября 2019 г. специалистам Центра лингвистических экспертиз и редактирования при кафедре общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы в соответствии с Постановлением о назначении комплексной, психолого-лингвистической, судебной экспертизы от 23 апреля 2019 г., вынесенным старшим следователем следственного отдела УФСБ России по Республике Башкортостан капитаном юстиции Корепановым С.Н. по материалам уголовного дела № 11907800001000004, поступили следующие документы:

1. Копия постановления о назначении комплексной, психолого-лингвистической, судебной экспертизы от 23 апреля 2019 г., вынесенного старшим следователем следственного отдела УФСБ России по Республике Башкортостан капитаном юстиции Корепановым С.Н. по материалам уголовного дела № 11907800001000004;

2. Копия акта осмотра интернет-сайта от 14 ноября 2018 года;

3. Оптический диск, содержащий видеофайл «Хизбы - террористы по разнарядке. ВзгляАД № 31». Диск упакован в бумажный конверт. Целостность конверта не нарушена;

4. Копия стенограммы видеофайла «Хизбы - террористы по разнарядке. ВзгляАД № 31».

Из Постановления о назначении комплексной, психолого-лингвистической, судебной экспертизы от 23 апреля 2019 г., вынесенного старшим следователем следственного отдела УФСБ России по Республике Башкортостан капитаном юстиции Корепановым С.Н. по материалам уголовного дела № 11907800001000004, известно следующее: «Следственным отделом УФСБ России по Республике Башкортостан расследуется уголовное дело № 11907800001000004 по обвинению Дильмухаметова Айрата Ахнафовича в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280 УК РФ, ч. 2 ст. 280.1 УК РФ, ч. 2 ст. 205.2 УК РФ. Расследованием дела установлено, что Дильмухаметов А.А. 06 ноября 2018 года, находясь в неустановленном месте, используя неустановленное техническое устройство, разместил в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на принадлежащем ему «видео-канале» под названием «Айрат Дильмухаметов» (<http://youtube.com/channel/UCdEUtn48dBat8Wr3QblTh-A>), и в группе «Четвертая Башкирская Республика» социальной сети «ВКонтакте» (<http://vk.com/fourthrepublic>), доступных к просмотру неограниченному кругу лиц, своё видеообращение «Хизбы - террористы по разнарядке. ВзгляАД № 31»».

« » « , ».

С целью определения наличия в вышеуказанной видеозаписи высказываний (призывов), направленных на оправдание или пропаганду терроризма, назначено проведение комплексной, психолого-лингвистической, судебной экспертизы специалистами Центра лингвистических экспертиз и редактирования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»).

Проведение экспертизы поручено кандидату филологических наук Хазимуллиной Елене Евгеньевне и кандидату психологических наук Плехановой Екатерине Алексеевне.

На экспертизу представлены:

- 1) видеоролик «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31»;
- 2) материалы копии Акта осмотра интернет-сайта от 14 ноября 2018 года.

Перед экспертами были поставлены следующие вопросы:

Вопросы эксперту-лингвисту:

1. Содержатся ли в представленной на исследование видеозаписи «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31» высказывания о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании?

2. Содержатся ли в представленной на исследование видеозаписи «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31» высказывания, направленные на формирование у лица убежденности в привлекательности идеологии терроризма, либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности?

Вопросы психологу:

Какое психологическое воздействие оказывает видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31»? На какую целевую аудиторию они направлены?

Экспертам 09 сентября 2019 г. разъяснены права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, эксперты предупреждены об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

Эксперт

Хазимуллина Е.Е.

_____

(подпись)

Эксперт

Плеханова Е.А.

_____

(подпись)

2.3. Методика психологического исследования:

Методологической основой исследования данных материалов стали:

- *положения общенаучного уровня*, что предполагает учет универсальных принципов, средств и форм научного изучения, включая общие проблемы построения исследования;

- *положения системного структурно-динамического подхода*, сущность которого заключается в изучении психологической реальности как сложной системы. Это позволяет сосредоточиться как на изучении процессов формирования системы, выявлении механизмов ее функционирования, так и на изучении механизмов, порождающих новые системные качества, которые возникают в процессе взаимодействия отдельных элементов системы и не сводятся к свойствам отдельно взятых элементов, ее образующих. Структурно-динамические основания подхода позволяют исследовать внутреннее устройство системы, внутреннюю иерархическую и функциональную взаимосвязь элементов системы, а также динамику их изменений.

При организации исследования мы опирались на следующие **методологические принципы исследования**:

- *принцип единства психики и деятельности* позволяет утверждать, что психика человека выступает как внутренний, идеальный план деятельности. Психические модели действительности, созданные в сознании человека, дают ему возможность ориентироваться в окружающей среде. Данный принцип позволяет изучить сущность психического через процессы и продукты деятельности и поведение человека;

- *принцип достаточности* требует точного определения конкретных психологических особенностей объектов психологического воздействия, на которые это воздействие направлено, и субъектов, осуществляющих это воздействие;

- *принцип целенаправленности* предполагает наличие ясно определенной цели, ради которой и организуется изучение субъекта психологического воздействия, а именно: раскрытие его внутренней сущности – мировоззрения, потребностей, мотивов и установок деятельности, специфики поведения. Исходя из четко обозначенной цели, составляется план и программа изучения субъекта психологического воздействия, которые позволяют выявить именно те личностные и групповые психологические особенности, которые определены поставленной целью;

- *принцип объективности* дает возможность рассматривать изучаемые психические факты такими, какими они являются на самом деле путем их констатации.

Опираясь на положения общенаучного и конкретно-методологического уровней, были использованы следующие **методы психологического исследования**:

« » « , ».

1) **метод наблюдения**, сущность которого заключается в намеренном, систематическом и целенаправленном восприятии и фиксации психических явлений с целью дальнейшего изучения их специфических изменений при определенных условиях, их анализа и использования для потребностей практической деятельности. В рамках данного психологического исследования использовался такой вид наблюдения, как **опосредованное наблюдение**, что предполагало использование готовых собранных материалов, представленных на видеозаписи;

2) **праксиметрический метод**, суть которого заключается в анализе продуктов деятельности человека. Данный метод реализуется опосредованно, т. е. без непосредственного общения психолога и его клиента. Специалист имеет возможность изучить продукты письменной, речевой, графической и др. деятельности человека и на их основании сделать выводы о его психологических особенностях.

При проведении данного психологического исследования, исходя из поставленных перед экспертом-психологом вопросов, в **понятийный аппарат** включены следующие научные категории:

Психологическое воздействие — это преднамеренное или непреднамеренное влияние одного или нескольких людей на психологические состояния, чувства, мысли и поступки другого человека или группы людей.

Манипуляция — тип социального, психологического воздействия, социально-психологический феномен, представляющий собой стремление изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики. Поскольку, как правило, такие методы продвигают интересы манипулятора, часто за счёт других людей, они могут считаться эксплуатационными, насильственными, нечестными и неэтичными.

Манипулятор — личность, использующая других людей для достижения своих целей.

Целевая аудитория — определенная часть потенциальных потребителей, готовых к потреблению того или иного, в данном случае, информационного продукта.

Процедура проведения психологического исследования состоит в следующем:

1. Изучение представленных материалов;
2. Отбор и анализ высказываний, комментариев, фраз, эпизодов, содержащих признаки психологического воздействия;
3. Определение целевой аудитории.

При проведении экспертизы использовалась следующая **специальная литература**:

1. Андриенко Е.В. Социальная психология. [Текст] — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 264 с.

- «   »   «   »,   ».
2. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации / Н.Н. Богомолова. [Текст] — М.: Аспект Пресс, 2010. — 191 с.
  3. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. [Текст] — М.: Эксмо, 2003. — 112 с.
  4. Гулевич О.А. Психология коммуникации / О.А. Гулевич. [Текст] — М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный ин-т, 2008. — 384 с.
  5. Закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ (с изменениями на 29 апреля 2008 г.). [Текст].
  6. Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. [Текст] — СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. — 416 с.
  7. Кондрашенко В.Т. Общая психотерапия / В.Т. Кондрашенко, Д.И. Донской. [Текст] — Минск: Навука і тэхніка, 1993. — 478 с.
  8. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). [Текст] — Минск, 1999. — 195 с.
  9. Эриксон М. Глубокий гипнотический транс / М. Эриксон, Д. Гриндер, Б. Бэндлер. [Текст] — М.: Издательство «Реноме», 2002. — 208 с.
  - 10 Чалдини Р. Психология влияния / Р. Чалдини. [Текст] — СПб.: Питер Ком, 1999. — 272 с.: (Серия «Мастера психологии»)

2.4. Содержание психологического исследования:

Объектами психологической экспертизы являются:

- 1) видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31»;
- 2) материалы копии Акта осмотра интернет-сайта от 14 ноября 2018 года.

Общая характеристика материалов:

Видеозапись «*Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31*» (в формате mp4, продолжительностью 17 мин. 17 сек.), согласно Акту осмотра от 14 ноября 2018 г., размещена на «Ютуб-канале» под названием «**Айрат Дильмухаметов**» (см. стр. 5 Акта осмотра).

ВОПРОС

Какое психологическое воздействие оказывает видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31»? На какую целевую аудиторию она направлена?

Исходя из теоретических и методологических оснований, в соответствии с разработанной программой изучения данных материалов, включающей комплекс теоретических и практических задач, а также различных процедур и технических приемов исследования, рассмотрим, оказывается ли психологическое воздействие на целевую аудиторию с помощью данной видеозаписи.

Жанр данной видеозаписи можно определить как аналитическое выступление. Автор дает свою интерпретацию событий, связанных с запретом деятельности «Хизб ут-Тахрир» в РФ, дает свою оценку деятельности этой организации и ее членов. В целом данное выступление носит обличительный характер. Основная идея заключается в оправдании деятельности запрещенной в РФ террористической организации «Хизб ут-Тахрир» и высказывании сожаления о том, что при нынешней законодательной системе невозможно оправдать ее деятельность законным путем.

Рассмотрим, с помощью каких приемов осуществляется психологическое воздействие на зрителя.

Начинается видеозапись с самопредставления Айрата Дильмухаметова («00:06 – «Программа «Взгляд», Айрат Дильмухаметов, кандидат в Президенты Республики Башкортостан»). Подобный способ самопрезентации является **тактикой управления впечатлением о своей компетентности** в глазах других людей и называется «**Самопродвижение**» (**Self-promotion**). Суть ее заключается в сообщении зрителям о своих способностях и достижениях, чтобы выглядеть компетентным в их глазах. Только заявив о своей

компетентности, благодаря выдвижению своей кандидатуры на пост президента Башкортостана, Айрат Дильмухаметов может претендовать на высокий социальный статус и авторитет в глаза аудитории, что дает ему право высказывать свою позицию и мнение как авторитетные и непогрешимые.

Используется Айратом Дильмухаметовым прием «**Эффект правдоподобия**», который основывается на такой составляющей психики, когда человек склонен верить информации, не противоречащей ранее имеющейся у него или его представлениям по рассматриваемому вопросу. Айрат Дильмухаметов ссылается на статьи Конституции, указывает даты рассмотрения дел в Верховном суде РФ, повествует о ходе рассмотрения дел по террористическим организациям, тем самым давая понять читателям, насколько он компетентен в данных вопросах. Проверить же достоверность информации, в частности, о ходе ведения судопроизводства по признанию ряда организаций террористическими, у читателя возможности нет. Особенность функционирования человеческой психики заключается в том, что если мы сталкиваемся с информацией, с которой внутренне не согласны, то мы сознательно перекрываем подобный канал получения информации. А если наталкиваемся на информацию, не противоречащую нашему пониманию подобного вопроса, мы продолжаем впитывать ее, что усиливает ранее сформированные паттерны поведения и установки в подсознании. А значит, становится возможной и манипуляция, т.к. манипулятор Айрат Дильмухаметов сознательно вклинивает в правдоподобную информацию часть ложной, которая автоматически воспринимается читателем как настоящая. Следовательно, происходит **фабрикация фактов**. Эффект манипулирования происходит в результате мелких отклонений, используемых при подаче материала, но действующих всегда в одном направлении. Манипуляторы говорят правду только тогда, когда правда может быть легко проверена. Такой легко проверяемой информацией являются сведения о том, что в отношении этих людей из «Хизб ут-Тахрир» вынесены приговоры. Остальная информация преподносится в нужном им ключе. Утверждается, что уголовное преследование незаконно, судебное решение не правомочно, сам ход судебного заседания проводился с нарушением всех процедур и др. Зритель в итоге не получает никакой подтверждающей информации, кроме слов А. Дильмухаметова. При использовании данной техники ложь становится наиболее эффективной, когда опирается на заложенный в подсознании стереотип: полиция, суд – это репрессивные органы.

Таким образом, пользуясь юридической терминологией и оперируя соответствующими понятиями, статьями Конституции РФ, знанием принципов судопроизводства, автор смешивает правдоподобную информацию с ложной, что не дает зрителю возможности отделить одно от другого: *«02:16 – ... в рамках гражданского судопроизводства, гражданского (!), я подчеркиваю, в закрытом судебном режиме, в закрытом (!) судебном режиме по иску*

« » « , ».

генерального прокурора Российской Федерации, с участием, а-а-а, ФСБ и Минюста РФ, прошло судебное заседание, а-а, из там трех судей Верховного суда Российской Федерации, «Лебедевского». А, генпрокурор, не помню, кто тогда был, а-а, выкатил представление, что вот есть ряд организаций, а-а, которых надо запретить и признать террористическими. Ну, у нас есть а-основные нерушимые, а-а, принципы судопроизводства: это равноправие, это открытость, это гласность, это состязательность сторон, и вот эти все принципы, они все были попораны, абсолютно все! Там, а-а-а-а, в ходе вот этого одного всего лишь судебного заседания скопом признали, а-а-а, террористическими целый ряд организаций, там, я не з-помню, где-то десять с-с чем-то».

Прием «**Рассеивание**» (**контекстуальное внушение**) используется оратором, когда он **намеренно в ходе своего выступления выделяет голосом, интонацией, паузами** ключевые слова, содержащие уничижительное отношение к РФ, ее правоохранительной и судебной системе: «00:24 – *Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир»», «01:41 – *И вот в этой стране, у которой такая, ну, в целом неплохая конституция в плане прав и свобод человека и гражданина, действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправоудное решение Верховного суда Российской Федерации» и др. (подчеркнуто экспертом).**

Это дает возможность зрителю при просмотре программы обращать внимание на данные слова, которые способствуют формированию у него негативных установок по отношению к РФ, ее правоохранительной и судебной системе. Подобное психологическое воздействие носит **скрытый характер** и не осознается человеком как воздействие. В некоторых случаях ключевые слова повторяются по два раза или автор сам обращает внимание зрителя на эти слова: «02:16 – *... в рамках гражданского судопроизводства, гражданского (!), я подчеркиваю, в закрытом судебном режиме, в закрытом (!) судебном режиме по иску генерального прокурора Российской Федерации, с участием, а-а-а, ФСБ и Минюста РФ, прошло судебное заседание».* Все это дает автору возможность акцентировать внимание зрителей, направить его в соответствии со своей логикой и убеждениями. Прием «**Рассеивание**» способствует реализации метода «**Старой реакции**».

Метод «**Старой реакции**», используемый автором данного выступления, заключается в том, что на данное послание у зрителя должна возникнуть сильная эмоциональная реакция. Впоследствии эту же реакцию можно спровоцировать у него аналогичным раздражителем (аналогичной ситуацией). Таким образом у человека автоматически сработает старая реакция, хотя условия и ситуация могут значительно отличаться от той, в которой реакция проявилась впервые. Так, вызывая у зрителей гнев и неприязнь к действиям РФ и правоохранительных органов в отношении к членам запрещенной организации «Хизб ут-Тахрир», можно распространить эту реакцию на все действия государства и правоохранительных органов в целом, а также распространить эту реакцию на содержание и других видеосюжетов и публикаций автора.

Автор использует в данном выступлении прием **манипуляции числами**, который заключается в том, что, если человек воспринял какое-либо абсурдное количественное утверждение, его уже почти невозможно вытеснить логическими аргументами. Число имеет свойство застревать в сознании человека необратимо, распространяя свое действие и на текст сообщения в целом. Сообщая зрителям о статьях Конституции РФ, определенных датах и др., автор косвенно внедряет в сознание зрителей мысль о многолетнем противостоянии с репрессивным государственным устройством, беззащитности людей перед государством, при этом внимание зрителя сосредоточивается на цифрах, которые он не может опровергнуть такими же убедительными фактами, тем самым манипуляция достигает своей цели: *«08:21 – Раньше, а-а-а, там в нулевых годах, давали по полтора-два года членам этой партии, потом, а и судили их по двести восемьдесят второй статье, потом ввели для них двести восемьдесят вторую прим два, по-моему, и стали они получать три-четыре года, потом стали их, им накидывать, а-а-а, статью двести семьдесят восьмую «Попытка вооруженного захвата власти» через тридцатую, а-а-а, они соглашались, подписывались, получали ниже низшего, но это, это, это было уже пять тире семь лет, а потом, по-моему, в тринадцатом или в четырнадцатом году ввели специальную статью двести пять прим пять «Участие в террористической организации» — и всё, а там огромные, дикие срока, ужасные просто!»*. **Логического осмысления всех этих доказательств не происходит, т.к. на сознание зрителя свое воздействие уже оказали числа.** При этом надо отметить, что **данный прием особенно эффективно срабатывает на несформированном сознании молодых людей**, которые являются основными потребителями информации в Интернет-пространстве.

Кроме того, А. Дильмухаметов в своем выступлении использует прием **«Утверждение»**, когда **информация подается в виде готовых шаблонов, которые активно задействуют имеющиеся в подсознании стереотипы. Утверждение в любой речи означает отказ от обсуждения**, что и делает А. Дильмухаметов. Он утверждает, что мусульман дискриминируют, репрессиируют и противостоять этому невозможно, таким образом, манипулятор приучает своих зрителей и слушателей мыслить стереотипами и не включать интеллект при анализе информации, эмоционально внедряя в сознание слушателей свои идеи.

Манипулятивный прием **«Образ врага»** используется для искусственного создания угрозы, что приводит к накалу страстей у зрителей, а в отдельных случаях может способствовать погружению зрителей в состояния, схожие с измененными состояниями сознания. В результате использования данного приема облегчается манипуляция другими людьми. Так, в анализируемой видеозаписи постоянно фигурирует образ не названного, но подразумеваемого врага. Таким врагом являются, по мнению автора, РФ и представители силовых структур, судебной системы, препятствующие распространению идеологии «Хизб ут-Тахрир»: *«00:24 – Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а,*

« » « , ».
репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир»», «01:10 – ... уже, а-а, свыше пятнадцати лет, а-а, в этой стране, в которой есть конституция», «05:54 – Всё судебное решение высшей (!) судебной инстанции этой страны напоминает собой просто оперативную справку спецслужбы», «09:21 – Вот во что вылилось вот это абсолютно неправосудное, юридически безграмотное решение Верховного суда Российской Федерации» и др. Здесь образ врага выстраивается через описание неправомερных действий судебных, правоохранительных органов. Автор при упоминании РФ использует выражение «эта страна», противопоставляя, дистанцируясь от РФ и ее законов.

В данной видеозаписи используется манипулятивный прием **«Перетасовка» или «подтасовка карт» (card stacking)**. Содержание данного приема заключается в отборе и тенденциозном преподнесении только положительных или только отрицательных фактов и доводов при одновременном замалчивании противоположных. Его основная цель, используя односторонний подбор и подачу фактов, свидетельств, доводов, показать привлекательность или, наоборот, неприемлемость какой-либо точки зрения, программы, идеи и т. п. В данной видеозаписи автор рассуждает о деятельности «Хизб ут-Тахрир», утверждая, что террористической деятельностью эта организация не занимается, и нет никаких фактов, доказывающих обратное. Также А. Дильмухаметов ссылается на юридическое определение понятия «терроризм» и утверждает, что это определение к деятельности «Хизб ут-Тахрир» не подходит: *«06:57 – Ни одного факта террористической деятельности нет», «07:50 – Так вот, вот в этом определении «Хизб ут-Тахрир» никогда, а она существует с пятьдесят какого-то года и со.., была создана где-то на Ближнем востоке, никогда, а-а-а, террористической деятельностью не занималась и террор как метод политической борьбы не рассматривала».* Подобная подача информации позволяет автору «подтасовывать» факты, преподнося ее в выгодном ракурсе.

Вся видеозапись в целом выстроена таким образом, что реализует манипулятивный прием **«Сопротивление, или разыгрываемый протест»**, заключающийся в том, что видеоролик будоражит в душе объекта манипуляций – зрителей, чувства, направленные на преодоление возникшего барьера, в стремлении добиться своего. Дело в том, что психика устроена таким образом, что человек в большей мере хочет того, что ему или запрещают, или же для достижения чего необходимо приложить усилия. Несмотря на то, что в конце видеозаписи А. Дильмухаметов говорит о мифичности и недостижимости идей «Хизб ут-Тахрир», его позиция основывается на том, что РФ как враг сильна и ее не победить: *«16:17 – Не знаю, думаю, что, а-а, участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве не имеет никакого смысла, более того, оно наносит определенный, а-а-а, вполне конкретный вред. И вообще хочу сказать, что, ня-а-а, в сложившихся условиях ни одна политическая сила, вменяемая, она вообще не должна ставить вопросы насилия, не просто, я про террор, я вообще здесь не говорю, вопросы насилия и неправовую форму в повестку дня вообще не должна. Это нанес.., нанесет только вред, и это приведет только к укреплению данного полицейского государства, что абсолютно недопустимо».*

То есть видеосюжет формирует у зрителя установку на противостояние, как активное, так и пассивное, государственной системе, желание оказывать сопротивление и бороться с врагом, который не называется прямо, но подразумевается – это РФ и ее законы.

В выступлении А. Дильмухаметова используются **риторические вопросы**, которые представляют собой **форму косвенного внушения**, т. к. обладают способностью усиливать действие любого внушения. Особенность использования риторических вопросов как способа психологического воздействия заключается в том, что человек их таковыми не воспринимает, в то время как воздействие вопросов на психику является научно доказанным фактом. Используемые в видеозаписи риторические вопросы носят **иронический** характер («04:39 – *То есть они что, должны были быть зарегистрированы, что ли?*»), давая зрителю возможность скептически отнестись к позиции суда; используются риторические вопросы для **углубления состояния незначительности** человека («13:44 – *Кто вас вообще допустит, а если вы туда выйдете, что вам нарисуют, да и вообще, кто будет голосовать?*»); используются скрытые вопросы, представляющие собой высказывания, **неявно содержащие в себе вопрос и возможность выбора** («13:26 – *Во вторых, на какие выборы вы, а-а, собрались выходить: на «хайдарвалеевские» выборы или на «эллапонфиловские?»*»). В одном из риторических вопросов А. Дильмухаметовым используется еще и прием **«Лидер мнений»**. Он основывается на цитировании слов некоего человека, который, видимо, является авторитетной фигурой для определенной категории граждан. Автор говорит: «13:52 – *Как один говорил же человек (усмехается): «Исламское государство провозгласить легко, где вы возьмете столько мусульман?»*». Именно на позицию этого человека автор и призывает ориентироваться в своей деятельности и поведении.

Используемый А. Дильмухаметовым прием **«Игра в простонародность»** состоит в попытках установления доверительных отношений с читающей аудиторией как с близкими по духу людьми на основании того, что как сам манипулятор, так и идеи его правильны, поскольку ориентированы на простого человека: «00:11 *И... тема для сегодняшней программы, э-э, навеяна письмами, которые приходят в личку, а именно, это уже в течение, наверно, последнего месяца*», «04:53 – *Я понимаю, что это, конечно, звучит, а-а-а, дико, и я ничего не троллю, но надо было хотя бы на это судебное заседание представить официально повестку, уведомить вот этим всем организациям, дела которых будут рассматриваться, чтобы какие-то представители этих организаций участвовали в судебном процессе, то есть на тот момент-то они еще не были, а-а, запрещены, они не были признаны террористическими, чтобы хотя бы предоставить слово: «Что вы скажете в свою защиту?»*», «06:11 – *Ну, я говорю, черт с ним, с этим, с этой «Шурой», с, а-а, с «Аль-Каидой», там еще с какими-то другими, какая-то еще там организация «Дом двух святых», арабийская*». В своем выступлении А. Дильмухаметов использует просторечные слова, что позволяет ему достигать понимания у людей разного образовательного уровня, показывая,

« » « , ».

что он также близок к ним.

Манипулятивный прием **«Эффект наблюдения, или поиск общих черт»**. Основывается на постоянном подчеркивании схожести между автором и объектом манипуляции – зрителем. Это делается ненавязчиво, тем самым частично ослабляются защитные функции психики объекта манипуляций, что дает оратору возможность протолкнуть свою идею и оказать воздействие на зрителя. Основное воздействие заключается в том, чтобы ненавязчиво отождествить автора и ведущего программы и всех людей, поставить между ними знак равенства. Для этого в тексте используются слова и выражения: *«мы помним», «мы знаем», «мы видим», «Мы прекрасно понимаем»*. Таким образом, автором используются суждения, высказывания, фразы, требующие единообразия в поведении, создающие впечатление, будто так делают, считают, думают все. Посредством данного приема у человека вызывается чувство уверенности в том, что большинство членов определенной социальной общности, с которой он себя идентифицирует или мнение которой значимо для него, принимают подобные ценности, идеи, программы и т. п. Данный прием в некоторых психологических источниках называют еще **«Общая платформа»**.

В выступлении А. Дильмухаметова используется **логико-психологическая уловка «Нарушение закона достаточного основания»**, суть которой заключается в том, что верные и имеющие отношение к тезису доводы являются недостаточными, потому что носят частный характер и не дают оснований для выводимого заключения: *«11:06 – И то, что мы видим, — это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания»*. Факт, что люди осуждены за террористическую деятельность, отвергается, и делается вывод, что это дискриминация по религиозному принципу. Суть уловки состоит в нарушении таких правил аргументов, как достоверность, достаточность и непротиворечивость. В данном примере налицо и так называемая «психологика», суть которой заключается в том, что аргументация здесь существует не сама по себе, а выдвигается конкретным человеком, Айратом Дильмухаметовым, которую в определенных условиях воспринимают конкретные люди, обладающие (или не обладающие) некими знаниями, социальным статусом, личностными качествами, относящиеся к определенному вероисповеданию и т. д. Поэтому частный случай, возведенный в ранг закономерности, недостаточно обоснованное положение А. Дильмухаметова проходит, т. к. манипулятору удается оказать влияние на объект воздействия – зрителей, с помощью своего авторитета.

Также в выступлении А. Дильмухаметова используется психологическая уловка **«Недосказанность с намеком на особые мотивы»**, суть которой заключается в том, чтобы продемонстрировать некую многозначительную недосказанность, намекнуть на то, что в данном случае можно сказать гораздо больше, но это не делается по каким-то особым

мотивам, в частности, по причине ясности этого факта для всех: *«12:00 – Хотя все мы прекрасно понимаем, какая у нас судебная система и в какой стране мы живем».*

Таким образом, данная видеозапись, содержит в себе разнообразные приемы манипуляции и суггестивного внушения на психику зрителей, поэтому и оказывает на них психологическое воздействие.

Вторая часть вопроса, поставленного перед экспертом, заключалась в **определении целевой аудитории**, на которую это психологическое воздействие направлено.

Под **целевой аудиторией** в психологии понимается определенная часть потенциальных потребителей той или иной информации. Опубликованные в Интернете материалы на «видео-канале» под названием «Айрат Дильмухаметов» (<http://youtube.com/channel/UCdEUtn48dBat8Wr3QblTh-A>), и в группе «Четвертая Башкирская Республика» социальной сети «ВКонтакте» (<http://vk.com/fourthrepublic>) доступны к просмотру неограниченному кругу лиц. Это позволяет не только просматривать, но и обсуждать выставленные материалы пользователям сети Интернет. Все это позволяет утверждать, что Интернет-пространство обладает всеми признаками, которые характерны для средств массовой информации, а именно:

а) **массовость** (интернет и СМИ предназначены для численно большой, территориально рассредоточенной, непостоянной аудитории);

б) **периодичность** (интернет и СМИ могут распространять информацию на регулярной и временной основе);

в) **принудительность** (один источник информации, но много потребителей этой информации).

В связи с этим использованные Интернет-ресурсы рассматриваются как **средства массовой информации**, и имеют свою целевую аудиторию, которая характеризуется рядом общих параметров. К их числу мы отнесли:

1. Пол;
2. Возраст;
3. Образование;
4. Жизненные ценности и основные интересы;
5. Готовность к принятию авторской позиции;
6. Возможные проблемы целевой аудитории.

Рассмотрим параметры целевой аудитории данной видеозаписи А. Дильмухаметова.

Пол: тематика анализируемых материалов может привлекать внимание людей разного пола. Так, в самом начале выступления А. Дильмухаметова содержится указание на то, что его речь – это ответ на письма от матерей, жен, осужденных за участие в деятельности «Хизб ут-Тахрир»: *«00:11 И... тема для сегодняшней программы, э-э, навеяна письмами, которые приходят в личку, а именно, это уже в течение, наверно, последнего месяца».* В конце своего выступления А. Дильмухаметов говорит: *«12:29 – Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не*

« » « , ».

связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы». Это обращение к молодым мужчинам.

Возраст: данные материалы видеозаписи ориентированы на молодых людей в возрасте от 18 лет до 35 лет, которые состоят в организации «Хизб ут-Тахрир» или сочувствуют ее идеологии, а также содержат обращение к родителям этих ребят, чей возраст, соответственно от 45 лет и старше. Таким образом, возрастной диапазон целевой аудитории является довольно широким.

Образование: образовательный уровень граждан, на которых ориентированы данные материалы, также может быть разным: среднее незаконченное среднее, среднее, среднее профессиональное, высшее образование. Выявленный возрастной диапазон позволяет это утверждать.

Жизненные ценности и основные интересы: представители целевой аудитории в большинстве своем могут являться мусульманами или людьми, сочувствующими идеологии «Хизб ут-Тахрир». Также представителям целевой аудитории этих материалов может быть свойственна критичность по отношению к происходящему в стране, неприязненное отношение к представителям власти, неверие в справедливость и желание ее восстановить любыми способами.

Готовность к принятию авторской позиции может быть свойственна тем гражданам, которые придерживаются или сочувствуют идеологии «Хизб ут-Тахрир», скептически воспринимают все происходящее в стране, считают свои взгляды оппозиционными власти, настроены все подвергать сомнению и критике. При этом позиция автора на выжидательность может приниматься теми, кто рассчитывает осуществлять свою противоправную деятельность на долгосрочной основе.

Возможные проблемы целевой аудитории:

1) **проблема самовыражения** социально одобряемым способом может приводить к социальной изоляции личности от общества и поиск такого социального пространства, в котором он был бы однозначно принят;

2) **несформированность мировоззренческой позиции** в силу разных причин, включая возраст или незнание основ традиционного ислама.

Таким образом, проведенный психологический анализ представленной на исследование видеозаписи позволяет утверждать, что она **оказывает психологическое воздействие** на целевую аудиторию, зрителей. **Характер используемых методов и приемов воздействия – манипулятивный и суггестивный.** С помощью манипулятивных техник осуществляется скрытое управление человеком против его воли, приносящее односторонние преимущества только манипулятору. Также в представленных материалах было выявлено использование суггестивных техник, позволяющих внушать людям необходимые автору идеи. В результате подобных воздействий в дальнейшем изменить образ мыслей человека практически невозможно, особенно если воздействию люди были подвергнуты в молодом возрасте.

Ответ на вопрос:

Таким образом, представленная видеозапись **оказывает психологическое воздействие на целевую аудиторию, т. е. зрителей.** Используемые **приемы психологического воздействия** на зрителей – манипулятивные и суггестивные.

Манипулятивные приемы: «Сопrotивление, или разыгрываемый протест», «Эффект наблюдения, или поиск общих черт», «Образ врага», «Лидер мнений», «Эффект правдоподобия», метод «Старой реакции», «Перетасовка» или «подтасовка карт» (card stacking), «Недоказанность с намеками на некие особые обстоятельства», «Общая платформа», «Игра в простонародность», прием «Утверждение», манипуляция числами, использование логико-психологической уловки, связанной с несоблюдением закона достаточного основания, а также тактики «Самопродвижение» (Self-promotion) для управления впечатлением о своей компетентности в глазах других людей. **Суггестивные приемы** — риторические вопросы разного типа, метод эриксоновского гипноза «Рассеивание».

С помощью манипулятивных техник осуществляется скрытое управление человеком против его воли, приносящее односторонние преимущества только манипулятору. С помощью суггестивных техник зрителям внушаются идеи, которых придерживается сам автор – А. Дильмухаметов. В результате подобных воздействий **становится возможным изменение образа мыслей зрителя**, особенно если воздействию были подвергнуты люди молодого возраста.

Данное воздействие направлено на целевую аудиторию, которой являются как мужчины, так и женщины с различным образовательным уровнем. В основном материалы ориентированы на молодых людей, исповедующих ислам или-и придерживающиеся идеологии «Хизб ут-Тахрир», а также скептически воспринимающих все происходящее в стране, считающих свои взгляды оппозиционными власти, настроенных все подвергать сомнению и критике и полностью разделяющих позицию автора. К возможным проблемам целевой аудитории можно отнести проблему самовыражения и несформированность мировоззренческой позиции.

2. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ:

2.1. Методика лингвистического исследования:

Теоретической базой данного исследования послужили следующие фундаментальные положения современной лингвистики:

- языковые единицы в тексте (речи, дискурсе) реализуются в соответствии с коммуникативными целями, намерениями и потребностями говорящих, служат выражению их мыслей, эмоций, прагматических установок, следовательно, речевой смысл высказываний включает в себя как типовые значения языковых единиц, так и различные неязыковые представления говорящих об изображаемой действительности;

- текст в норме характеризуется свойствами целостности, связности и, в силу этого, каждый его структурный или содержательный элемент воспринимается и понимается читателем, исходя из общего контекста речевого произведения (общий контекст текста в семиотическом его понимании может включать не только вербальную, но и невербальную информацию, передаваемую неязыковыми знаками);

- разнообразные средства словесной выразительности, риторические приемы, речевые тактики и стратегии способствуют эффективной передаче необходимой информации и усилению воздействующего эффекта текста, его влияния на сознание и чувства читателя / зрителя / слушателя; воздействие собственно языковых средств может дополняться, усиливаться или же, напротив, ослабляться неязыковыми знаками текста в широком, семиотическом, его понимании (графическим / видеоизображением, цветом, шрифтом, музыкальным сопровождением, мимикой, жестами, телодвижениями говорящего и т. д.);

- содержание текста, как правило, многослойно: помимо явной (эксплицитной) информации, в нем может быть закодирована скрытая (имплицитная) информация, извлечение которой специальными методами филологического, собственно лингвистического и лингвосемиотического анализа способствует пониманию всего спектра коммуникативных намерений автора.

Исследование представленных материалов производилось в соответствии с современными научными положениями и строгими методическими требованиями общего языкознания, теории текста и юрислингвистики. Были произведены следующие операции:

1. Изучение представленных материалов;
2. Отбор речевых фактов (высказываний), отвечающих параметрам, заданным в вопросах к эксперту;
3. Всесторонний анализ речевого материала с учетом его взаимодействия с неязыковыми знаками путем применения ряда филологических, собственно

лингвистических и лингвосемиотических методов, способствующих получению достоверных, объективных результатов исследования:

1) **лексико-семантический** (в том числе компонентный и дефиниционный), а также формально-грамматический анализ осуществлялся в целях установления языковых значений (лексических, словообразовательных, синтаксических, значений частных морфологических категорий), а также выявления актуального речевого смысла высказываний;

2) **семантико-синтаксический анализ** применялся в целях определения содержания (в том числе с учетом тема-рематической его организации) и коммуникативных функций высказываний;

3) **логико-грамматический анализ** способствовал установлению затекстовой информации, типов пропозиции и пресуппозиции;

4) **лингвостилистический анализ** проводился для выявления особенностей жанра, а также речевых средств и приемов воздействия, обуславливающих восприятие и понимание текста в нужном автору ключе, для установления стилистической окраски и текстовых стилистических функций используемых языковых единиц;

5) **лингвопрагматический анализ** осуществлялся в целях определения авторского замысла, коммуникативных целей и намерений (**интент-анализ**), реализованных в текстах в явной и скрытой форме и направленных на воздействие на адресата речи;

6) применялись также **методы семантического, тематического поля, концептосферы** (в целях выявления единиц, характеризующихся сходными содержательными свойствами) и контент-анализ материала, способствующий установлению смысловой значимости количественных характеристик искомых явлений текста;

7) **лингвосемиотический анализ** был направлен на исследование взаимодействия языковых и неязыковых знаков в тексте, их функций в передаче явного и скрытого содержания;

8) **контекстуальный анализ** использовался для описания высказываний (текстов) как продуктов речевой деятельности говорящих, включенных во взаимодействие с другими людьми, в социально-политический, культурно-исторический контекст, в конкретную сферу и ситуацию общения;

9) **дискурс-анализ** применялся для более точной интерпретации результатов порождения и понимания речи в конкретных социально-политических, культурно-исторических, психологических условиях коммуникации, в которых говорящие определенным образом означивают действительность, реализуют свои роли, намерения, оказывают воздействие на мысли, чувства, поведение друг друга и которые обуславливают содержательные, жанрово-стилевые, языковые и иные особенности текста.

« » « , ».

Экспертное заключение строится с использованием единиц языка в общепринятых, нейтральных, значениях (например: **пропаганда** — '1. Распространение и углубленное разъяснение каких-л. идей, учения, знаний среди широких масс населения или круга специалистов. 2. Политическое или идеологическое воздействие на широкие массы; органы и средства такого воздействия'; **агитация** — '1. Распространение политических идей и лозунгов среди населения для формирования общественного мнения'; **группа** — '3. Коллектив людей, связанных общей целью, деятельностью, интересами'; **социальный** — 'Относящийся к обществу, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе; общественный' [Кузнецов 2005, с. 638, 13, 144, 799]), за исключением тех сугубо лингвистических терминов, которые определяются в особом порядке.

Побуждение — это такой речевой акт, который, по мнению Дж. Сёрля, «представляет собой попытки... со стороны говорящего... от весьма скромных до весьма агрессивных... добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» (приводится по [Петрова 2008, с. 124]). Исследователи выделяют следующие *виды побуждения*: приказ / приказание, просьба, совет, мольба, приглашение, распоряжение, разрешение, запрещение / запрет, убеждение, упрашивание, инструкция, предложение, предписание, наказ, завет, наставление, заказ, требование, команда, наставление, принуждение, рекомендация, запрос совета, запрос разрешения, предостережение, заклинание, увещевание, подстрекательство, указание, угроза, намек, предупреждение и др. «Для **побудительных высказываний** важно то, к чему именно побуждается адресат: (а) к действию (*делайте...*); (б) к взглядам (*поймите, подумайте, знайте...*); (в) к чувствам (*поверьте..., посочувствуйте...* и под.). Различение побуждения к действию, к взглядам и чувствам помогает отличить **призывы** и **агитацию** (побуждение к действиям) от **пропаганды** (побуждение к взглядам, отношению)» [Теоретические... 2011, с. 55]. Наиболее частотным, широко используемым в агитационно-пропагандистском дискурсе является *призыв*, направленный на *вовлечение* людей в какие-либо действия.

Вовлечение представляет собой особый вид побуждения, приобщения людей (объектов вовлечения) к (со-)участию в какой-либо, в т.ч. противоправной, деятельности посредством трансляции, возбуждения либо формирования в их сознании специфической мотивационной установки в процессе речевого и иного воздействия субъекта (вовлекателя), осуществляемого в конкретных социальных условиях, реальном либо виртуальном дискурсе (см. [Хазимуллина 2016, с. 468]).

Ведущая речевая форма воздействия на объект вовлечения — *призывы*, высказываемые вовлекателем. Наличие явных (прямых и косвенных), а также скрытых призывов в представленных для исследования материалах устанавливалось в соответствии с положениями «Русской грамматики» (М.,

1980) и концепциями А.Н. Баранова, К.И. Бринева, Л.А. Араевой, М.А. Осадчего, Е.Е. Хазимуллиной. «**Призыв** — это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [Баранов 2007, с. 420].

Структура речевого акта призыва имеет, с точки зрения К.И. Бринева, следующие элементы:

А. *Хочу, чтобы было X.*

Б. *Знаю, что X не может произойти само.*

В. *Знаю, что если делать Y, то, возможно, что будет X.*

Г. *Знаю, что ты знаешь, что делать, чтобы было X.*

Д. *Знаю, что если буду говорить тебе, что необходимо, чтобы было X, возможно, что ты будешь делать так, чтобы было X.*

Е. *Говорю тебе: необходимо, чтобы было X.*

Ж. *Говорю это тебе для того, чтобы ты делал так, чтобы было X* [Бринева 2009, с. 140-141]. В случае скрытых призывов некоторые из названных элементов могут отсутствовать или же не быть явно представленными в тексте. Однако имплицитное (скрытое) содержание текста, выявляемое с опорой на подтекст, сформированный говорящим осознанно, удовлетворяющее основным признакам призыва ('Я хочу, чтобы ты сделал P'), также квалифицируется как призыв.

Явные (прямые и косвенные) призывы имеют типовые грамматические показатели: а) глагол повелит. накл. 2 л. ед. или мн. ч.; б) императив 1 л. мн. ч. (форма совместного действия); в) перформативный глагол *призывать* в 1 л. ед. или мн. ч. наст. вр.; г) грамматическая форма 2 л. ед. и мн. ч. глагола *давать*, употребление частиц *давай (давайте), разг. айда, -ка*; 4) формообразующие частицы *пусть, пускай, да* при смысловом глаголе в форме 3 л. ед. и мн. ч. изъявит. накл.; 5) *вон*, частицы *да, нет*; 6) инфинитивные и именные (номинативные, генетивные) предложения в сочетании с императивной интонацией; 7) отрицательные частицы *ни, не* в сочетании с императивной интонацией; 8) предлог *к* с императивной интонацией. Прямые и косвенные призывы различаются характером прямого (в Им. п.) и косвенного (в формах косвенных падежей) обращения (ср.: *Дорогие братья и сестры!..; (Всем) братьям и сестрам необходимо...*).

Скрытые призывы не имеют указанных формально-грамматических маркеров. М.А. Осадчий определяет **скрытые призывы** как «деятельные стимулы», реализующиеся исключительно на уровне подтекста; как

«информацию, подталкивающую, подстрекающую к каким-либо действиям, направленно формирующую у адресата желание действовать или чувство необходимости действий» [Осадчий 2012]. С помощью скрытых призывов «автор программирует поведение адресата речи, нередко используя методы речевого манипулирования сознанием, воздействия на психику, подсознание читателя или слушателя»; они обладают большим побудительным потенциалом, чем открытые, поскольку не замечаются аудиторией, адресат в этом случае «становится более уязвимым» (там же). Наличие скрытых призывов при проведении данного исследования устанавливается по структуре коммуникативного акта призыва, по использованию манипулятивных стратегий речи (в том числе языковых единиц с семантикой необходимости, долженствования), по навязываемым пресуппозициям (в понимании В.А. Звегинцева и Е.В. Падучевой — тех знаний, на основе которых воспринимается содержание текста, преломленное сквозь призму субъективного сознания автора), по представлению в тексте программы реализации призывного действия, по наличию маркеров необходимости, долженствования, побуждения и др. (см. [Хазимуллина 2013]).

Оценка в языке обусловлена «не первым (объективным), а вторым (субъективным) членением мира... в основе которого лежат не реальные свойства предметов и явлений, а лишь наши субъективные от них впечатления, наши реакции на них и умственные заключения о их роли в нашей жизни» [Васильев, 1996, с. 56]. **Рациональная оценка**, как правило, выражается понятийным содержанием языковых значений, а **эмоциональная оценка** может выражаться и с помощью оценочных коннотаций, наслаивающихся на понятийное содержание (ср. *хороший, плохой, полезный* и перен. *шляпа, пройдоха, сборище, моя птичка, выдра*). **Коннотации** — это «несущественные, устойчивые признаки, выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку существующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995, с. 159].

Категория оценки — это «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Стилистический энциклопедический словарь, 2003, с. 139]. «Элементами оценочной модальной рамки являются субъект и объект, связанные оценочным предикатом. **Субъект оценки** (эксплицитный или имплицитный) — это лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка; объект оценки — это лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка» (там же, с. 140).

Утверждение о факте или событии — это высказывание, в котором информация о факте (положении дел) или действиях какого либо лица (событии) дается в словесной форме, в группе сказуемого и понимается аудиторией как важная, новая (см. [Галяшина 2005, с. 188]). Она подается как

« » « , ».

отображающая именно истинное положение дел, независимо от восприятия, осмысления, отношения автора. Грамматически утверждение о факте или событии отображается через показатели объективной модальности (в форме изъявительного наклонения) и распознается в тексте по отсутствию маркеров субъективной модальности, оценочных слов и конструкций и иных показателей, выражающих неуверенность, сомнение автора в достоверности сообщаемого. Утверждение может содержать конструкции, подчеркивающие достоверность сообщаемого (например, известно, доподлинно, точно, фактически и т. д.). **Оценочное утверждение** – это высказывание, содержащее информацию субъективно оценочного характера (там же).

Помимо **явных, эксплицитных**, в тексте могут содержаться и **скрытые утверждения**, которые выявляются с опорой на контекст, с помощью специального, перформативного, анализа. Если явные утверждения прямо отражаются в семантике (значении) и лексико-синтаксической структуре высказывания, то скрытые содержатся в подтексте, это подразумеваемая информация. Имплицитная, скрытая, информация может быть **обязательной** (осознается всеми читателями) и **факультативной** (может осознаваться, но это необязательно), **вербализуемой** (скрытый смысл может быть передан достаточно правдоподобно словами) и **невербализуемой** (не может быть передана словами ясно).

Пресуппозицией называются особые «предпосылки», те семантические компоненты, знания, заложенные в целостном тексте (они могут быть и навязываемыми, не соответствующими истинному «положению дел»), на основе которых осуществляется его понимание. Е.В. Падучева отмечает, что сущность пресуппозиции определяет не то, что «нечто является истинным», а то, что «некто знает, что нечто является истинным» [Падучева 2002, с. 257]. Пресуппозиции могут быть **навязываемыми** в случаях манипулятивного, скрытого речевого воздействия на адресата [Баранов 2013, с. 49].

Текст — это некоторая система «элементов разной степени сложности, комплексности и значимости (с точки зрения передачи его основной идеи), **функционально** (т. е. для данной конкретной цели / целей) **объединенных в единую структуру общей концепцией**» [Дридзе 1976, с. 48]. Последняя может и не иметь словесно выраженной формулировки в тексте; «тем не менее она всегда присутствует в нем в виде определенной **мотивации** и естественно **при любых обстоятельствах может быть словесно сформулирована**» (там же, с. 48-49).

Мотивировка речевого акта — это один из видов пресуппозиции, а именно то, что описывает **цель высказывания**, для чего оно, чего хочет говорящий [Понятия чести, достоинства и деловой репутации... 2004, с. 21]. Необходимо подчеркнуть, что форма, содержание, функции текста и все его свойства не существуют сами по себе, они проистекают из мотивов говорящего,

« » « , ».

находящих свое выражение в его коммуникативных намерениях. А.Р. Лурия экспериментально доказал: «...исходным для каждого речевого высказывания является наличие мотива, или замысла. К подобным мотивам относятся такие упомянутые Скиннером формы, как желание попросить что-либо (- *and=demand*), передать что-либо (- *tact=contact*) или (мы позволим себе прибавить и последний вариант) понять, уточнить что-либо, или ввести это в систему понятий (- *cept=concept*); если таких мотивов не существует, то у человека не появляется ни мысли, ни всех последовательных ступеней оформления мысли в развернутом высказывании» [Лурия 2002, с. 108]. Даже в случае ослабленного речевого контроля так или иначе мотивированным является арсенал используемых единиц языка, их сочетание, тема-рематическая организация высказывания, повторы, увеличение или ограничение числа ассоциаций, в устной речи – интонация, паузы, логическое ударение, темп и проч. В случае же жестко контролируемого и сознательно организуемого процесса порождения речи мотивированными в той или иной степени оказываются все уровни текста [Хазимуллина 2013, с. 79].

Таким образом, цель, **коммуникативное намерение** автора формирует особую текстовую категорию **интенциональности**. «С позиции теории речевых актов речевое действие совершается субъектом по отношению к определенному адресату в определенных условиях, с определенным смыслом и определенными намерениями. Являясь одним из психологических компонентов акта коммуникации и выступая его мотивационной стороной, **коммуникативное намерение (интенция)** прежде всего определяет, что, зачем и почему хочет сообщить говорящий адресату» [http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/semantiko_pragmaticheskaja_presuppozicija_kak_istochnik_rechevykh_konfliktov_r_d_karymsakova/4-1-0-145]. Субъективные (интенциональные) компоненты речи могут «присутствовать» в тексте и в неявном виде: косвенно, свернуто, имплицитно (скрыто), ср. порядок слов, выделительные конструкции, уменьшительно-ласкательные и др. суффиксы, интенсификаторы (*очень, ужасно, крайне* и т. п.), фразеологизмы, аллюзии, частицы, союзы, метафоры, метонимия, обращения, стилистически маркированная лексика, значения языковых единиц (ср. *залезть в шкаф* и *спрятаться*) и др. [Рябцева 2007, с. 64, 66].

«**Значимость некоторого сообщения** может быть определена, как то, что говорящий желает дать понять этим сообщением слушающему. Таким образом, значимость распадается на **объективное содержание** и **интенциональный момент**... на следующие компоненты: 1) интенция действующего лица; 2) смысл сообщения для действующего лица; 3) объективное содержание сообщения; 4) смысл сообщения для реципиента и 5) воздействие на реципиента» [Яноушек 1972, с. 89].

Итак, **коммуникативные акты всегда социальны и направлены**; «кодирование и декодирование – комплементарные процессы: кодирование необходимо включает предполагаемое декодирование» [Ромметвейт 1972, с. 55]. Согласно определению Я. Яноушека, диалог есть «специфическая форма социального контакта, основанная на передаче информации путем социального поведения и социальных связей между людьми. Существуют внутренние связи между **диалогом и взаимным влиянием** людей друг на друга, т. е. **социальным взаимодействием**... Осуществление любой коммуникации всегда имеет своим следствием некоторое **взаимное влияние на мысли и позиции людей, вступающих в коммуникацию**» (там же, с. 88).

С точки зрения социального взаимодействия (*интеракционной* парадигмы коммуникации, см. [Кашкин 2014, с. 63-80]), **высказывания побудительного характера** могут быть подразделены «под углом зрения сотрудничества партнеров на высказывания, ограничивающие активность (напр., *«подождите»*). Призывы к активности могут быть далее разделены на *призывы к совместной деятельности («нам надо»)*, *призывы партнера к активности («ну, как вы думаете»)* и *призывы, побуждающие партнера последовать предложению говорящего («послушайте», «посмотрите»)*. Кроме этого, существует некоторое количество **«контактных высказываний»** (contact expressions) типа *«ну ладно», «так»* и т. д. Эти высказывания могут иметь **побудительную функцию** по условиям контекста» [Яноушек 1972, с. 99]. Функциональные возможности **социальной роли** заключены в ней как средства развития речевого взаимодействия (там же, с. 94).

Речевое поведение трактуется как «совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой — социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности» [Винокур 2007, с. 127]. Речевое поведение личности «предстает как визитная карточка человека в обществе, отражающая регулярное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов» (там же, с. 138).

Речевое поведение личности реализуется в конкретных актах коммуникации посредством используемых, предпочитаемых речевых стратегий и тактик. **Стратегия речевого общения** — это «процесс построения коммуникации, направленной на достижение долговременных результатов» (стратегия предполагает планирование речевого взаимодействия и его итога) [Штрекер 2003, с. 35]. **Тактика же речевого общения** — это «совокупность приемов ведения беседы или линия поведения на определенном этапе в рамках отдельного разговора. Она предполагает использование определенных приемов привлечения внимания, воздействия на партнеров, приведение их в определенное эмоциональное состояние» (там же).

« » « , ».

С точки зрения Н.Л. Лейдермана, категория **жанра**, помимо плана содержания, плана жанровой формы (субъектной организации текста, пространственно-временной организации, ассоциативного фона, интонационно-речевой организации), подразумевает также **план восприятия**, включающий в себя элементы, нужные для управления читателем (приводится по [Руженцева 2004, с. 107]), собеседником.

Намек — жанр косвенной коммуникации, в котором «положение дел описывается иносказательно, а не прямо» [Шляхов 2018, с. 8]. Намек реализует **тактику скрытого речевого воздействия** и сопровождает **стратегию доминирования** (там, с. 9). «Прагмалингвистическая формула» намека такова: 'Некто А по каким-то причинам хочет повлиять в завуалированной форме (*умный поймет!*) на мнение, поведение, эмоциональное состояние собеседника. Вербализуя это намерение, А предполагает, что его собеседник С поймет и примет во внимание его информацию о предмете разговора, сделает так, как того, хочет А' (там же, с. 13).

Дискурс — это «речь, погруженная в жизнь», текст, взятый в его событийном аспекте, в динамическом развитии, с учетом последовательности появления его фрагментов (речевых высказываний), а также с учетом социокультурных, психологических, прагматических и др. факторов, влияющих на его формирование, в частности коммуникативных целей (намерений) и ролей участников (на основе трактовок Н.Д. Арутюновой и А.Н. Баранова [Арутюнова 1990, с. 136-137; Баранов 2007, с. 145]).

К **дискурсивным особенностям речевого взаимодействия** Т.А. Сидорова относит характер социальной ситуации, коммуникативной ситуации, знания о правилах поведения и др. «Коммуникативная ситуация связана с образами участников общения и представляет собой совокупность следующих компонентов: предмет разговора, участники разговора (их коммуникативные, социальные, психологические роли), цель разговора, причины коммуникативных удач / неудач» [Сидорова 2017, с. 41], см. также [Щербань 2013, с. 216].

«**Убеждение** (даже эмоциональное, т. е. использующее описание чувств и влияющее на них) – это рациональная речевая цель, характерная для **целенаправленной деятельности**, а не спонтанного поведения. Поэтому те речевые действия, которые сопровождаются убеждением или используются для него, есть все основания считать **сознательными**, «умышленными». Итак, о выраженности убеждения как речевой цели можно говорить в том случае, если в высказывании, тексте (в том числе с помощью коммуникативной ситуации) выражена следующая «трехкомпонентная» информация: *Я сообщаю тебе, что считаю (1) что нужно, правильно делать (думать, относиться, совершать) следующее; (2) что делать это в твоих интересах; (3) что говорю это, поскольку хочу, чтобы ты изменил свое мнение, считал так же»*

[Теоретические... 2011, с. 86]. **Пропаганда** – особый вид убеждения и средство вовлечения других людей, в частности в деятельность экстремистских и террористических организаций.

Коммуникативные цели **обвинения** и **оправдания** соотносятся с модальными оценками «нельзя» и «можно / нужно». Обвинение чаще всего строится как вывод из реальных фактов (в т. ч. на основе навязываемых пресуппозиций). «**Оправдание** решает задачу изменения существующей оценки в сторону ее улучшения» [Теоретические и методические основы... 2011, с. 105-106]. Оно реализуется посредством: а) утверждения о правильности (справедливости, необходимости, возможности или желательности) каких-либо действий и взглядов, признаваемых другими (в т. ч. законом) недопустимыми; б) положительной оценки того, что другими оценивается негативно. Оправдание может быть *частичным* или *полным*. «И утверждение, и оценка могут быть подкреплены *доводами*» (там же, с. 106).

Проведенное лингвистическое исследование основано на следующих теоретических и лексикографических источниках:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. 2-изд., испр. и доп. [Текст]. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995, т. II. — 472 с.

2. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма [Электронный ресурс] // УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. — № 04 (апрель). — 2006. http://www.ugpr.ru/arhiv/16_apr_2006/topic163_sudebno45_lingvisticheskaya_eksper_tiza_po_kriminalnym_proyavleniyam_ekstremizma_.html.

3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь [Текст]. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 136-137.

4. Баранов А.Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста [Электронный ресурс] // <http://www.dialog-21.ru/dialog2013/program>.

5. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебное пособие М.: ФЛИНТА: Наука, 2007. — 592 с.

6. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учебное пособие / А.Н. Баранов. — 5-е изд. [Текст]. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. — 592 с.

7. [БТС]: Большой толковый словарь русского языка/ сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов [Текст]. — С.-Петербург: «НОРИНТ», 2000. — 1536 с.

8. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография [Текст] / К.И. Бринев; под редакцией Н.Д. Голева. — Барнаул: АлтГПА, 2009. — 252 с.

9. Васильев Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике: Сб. н. ст. [Текст]. — Уфа: Изд. Баш. гос. ун-та, 1996. — С. 55-62.

10. Винокур Т.Г. Варианты речевого поведения // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. Учебное пособие / Составление К.Ф. Седова [Текст]. — М.: Лабиринт, 2007. — 336 с. С. 125-161.
11. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. М.В. Горбаневского [Текст]. — М.: Юридический Мир, 2006. — 96 с.
12. Галяшина Е.И. Судебные лингвистические экспертизы в контексте рекомендаций Пленума ВС РФ № 3 от 24.02.2005 г. // Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского [Текст]. — М.: Престиж, 2005. — 200 с. — С. 185-197.
13. Дридзе Т.М. Текст как объект смыслового восприятия [Текст] // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. — М.: Издательство «Наука», 1976. — 263 с. — 34-45.
14. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс] // <http://dic.academic.ru>.
15. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. 2-е изд. [Текст]. — М.: Эдиториал, УРСС, 2001. — 312 с.
16. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 5-е, стереотипное [Текст]. — М.: КомКнига, 2007. — 368 с.
17. Карымсакова Р. Механизм вражды и лингвистическая экспертиза [Электронный ресурс] // <http://www.adilsoz.kz/wp-content/uploads/2013/05/Report-Karymsakovoy.pdf>.
18. Карымсакова Р.Д. Социальная оценочность как фактор конфликтогенности публицистического текста [Электронный ресурс] // http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/socialnaja_ocenochnost_kak_faktor_konfliktogennosti_publicisticheskogo_teksta_karymsakova_r_d/4-1-0-146.
19. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. [Текст]. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 592 с.
20. Лурия А.Р. Письмо и речь: Нейролингвистические исследования: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. [Текст]. — М.: Издательский центр «Академия», 2002. — 352 с.
21. Осадчий М.А. Классификация методов судебной лингвистической экспертизы (на материале экспертной оценки призыва) [Текст] // Современные проблемы науки образования. 2011, № 6. С. 3.
22. Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). 2012, № 11(19) //

« » « , »
<http://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-parametrizatsiya-ekstremistskogo-prizyva>.

23. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульттов/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского [Текст]. — М.: Медея, 2004 г. — 104 с.

24. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местимений) / Е.В. Падучева [Текст]. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 288 с.

25. Петрова Е.Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008, № 3. С. 124-133.

26. Политология. Словарь. — М: РГУ. В.Н. Коновалов. 2010 [Электронный ресурс] // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology>.

27. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е перераб. и доп. / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского [Текст]. — М.: Медея, 2004. — 328 с.

28. Ромметвейт Р. Слова, значения и сообщения [Текст] // Психолингвистика за рубежом. Отв. ред. А.А. Леонтьев, Л.В. Сахарный. — М.: Наука, 1972. — 128 с. — С. 53-87.

29. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография [Текст] / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004. — 294 с.

30. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1980 // <http://rusgram.narod.ru>.

31. Рябцева Н.К. Язык и рефлексия [Текст] // Язык и действительность: Сборник научных статей памяти В.Г. Гака. — М.: ЛЕНАНД, 2007. — 640 с. — С. 62-71.

32. Сидорова Т.А. Диагностика взяточничества в экспертной деятельности лингвиста [Текст] // Актуальные вопросы образования и науки. — № 1(59). — 2017. — С. 39-50.

33. Словарь бизнес-сленга. Е. Погребняк. 2003-2006 [Электронный ресурс] // https://business_slang.academic.ru.

34. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. — М.: Русский язык. З.Е. Александрова. 2011 [Электронный ресурс] // https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims.

35. Словарь сокращений и аббревиатур. Академик. 2015 [Электронный ресурс] // <https://sokrasheniya.academic.ru>.

36. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. [Текст]. — Спб.: «Норинт», 2005. — 960 с.
37. [СЭС]: Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сквородников. [Текст]. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 696 с.
38. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму: методическое издание. Министерство юстиции Российской Федерации, Гос. учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при М-ве юстиции Российской Федерации; подгот. Кукушкиной О.В., Сафоновой Ю.А., Секераж Т.Н. [Текст]. — М.: ЭКОМ Паблишерз, 2011. — 326 с.
39. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992 [Электронный ресурс] // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova>.
40. Хазимуллина Е.Е. Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием [Текст] // Юрислингвистика. № 2 (13). 2013. — С. 78-93.
41. Хазимуллина Е.Е. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций [Текст] // «Acta linguistica petropolitana». Труды института лингвистических исследований РАН. Т. XII. Ч. 3. — Спб.: Наука, 2016. — С. 453-469.
42. Шляхов В.И., Паремужашвили Э.Э. Намеки в устной и письменной речи: Учим понимать скрытые смыслы в речевом общении. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 80 с.
43. Штрекер Н.Ю. Русский язык и культура речи: Учеб. пособие для вузов [Текст]. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — 383 с.
44. Щербань Г.Е. Речевая стратегия вымогательства как объект судебно-лингвистической экспертизы [Текст] // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — 2013. — № 18. — С. 216-218.
45. Яноушек Я. Социально-психологические проблемы диалога в процессе сотрудничества между людьми [Текст] // Психоллингвистика за рубежом. Отв. ред. А.А. Леонтьев, Л.В. Сахарный. — М.: Наука, 1972. — 128 с. — С. 88-101.

2.2. Содержание лингвистического исследования:

Объектами лингвистической экспертизы являются:

- 1) видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31»;
- 2) материалы копии Акта осмотра интернет-сайта от 14 ноября 2018 года.

Общая характеристика исследуемых материалов:

Видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31» (в формате mp4, продолжительностью 17 мин. 17 сек.), согласно Акту осмотра от 14 ноября 2018 г., размещена на «Ютуб-канале» под названием «Айрат Дильмухаметов» (см. стр. 5 Акта осмотра). Следовательно, представленные на исследование материалы **обладают признаком публичности**. *Публичный* — '1. Совершающийся, происходящий в присутствии публики, людей; открытый, гласный' [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/232285/Публичный>]. При этом видеозапись имеет значительное количество просмотров — 1 958, а также 77 лайков, 6 дизлайков и 16 комментариев (см. стр. 6 Акта осмотра), что демонстрирует успешность коммуникации А. Дильмухаметова со своей целевой аудиторией.

Кроме того, данная видеозапись характеризуется признаком **конфликтности**, в ней:

а) осуществляется **оправдание деятельности террористической организации «Партия исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)»**: спикер проводит идею '«Хизб ут-Тахрир» — организация, незаконно преследуемая по религиозному и национальному признаку на основе *«неправосудного решения Верховного суда Российской Федерации»*: ее члены (мусульмане) имеют право на свободу религии, вероисповедания: *«не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»*;

б) выражается побуждение к **борьбе за «новый федерализм», «ЧЕТВЕРТУЮ БАШКИРСКУЮ РЕСПУБЛИКУ»**.

В некоторых комментариях также содержится **конфликтная информация**, например в комментарии, написанном пользователем с ником «Дар-уль-Ислам»: «1) С самого начала предостерегал **хизбитов**, когда стало понятно, что **кремль начал зачистку в Татарстане**, но люди реагировали слабо, к сожалению(2) **Цель прекрасна** и то что вы называете светским на самом деле является **бледной копией великого халифата прошлого**. 3) Их средства устарели, тут я согласен с вами, эта организация не имеет перспектив. Да и вообще никакой бренд и никакая ор-ия на данный момент **не способны переломить ход событий ни в каком регионе**. Как говорит бывший ученик Г. Джахидовича Харун Сидоров - *«не высовывайтесь, пока сохраните себя и свой образ мышления, это лучшее что вы можете сейчас сделать для своей уммы»*. ..... **Но мусульманам унывать не надо, я обращаюсь тем кто осознает себя именно как 1)Мусульманин + 2)Националист** а не наоборот где ислам служит как культурная

надстройкой. Аллах откроет нам свой путь, надо лишь искать, просить и уметь ждать. ИншаАллах. Искренность это ключ от всех дверей» (стр. 7 Акта осмотра). Комментарий имеет 6 лайков; он обращен к мусульманам, которые также являются националистами; в нем выражается побуждение «не высовываться», а ждать, сохраняя «свой образ мышления» (исламско-националистический), искать «путь» Аллаха для установления не светского государства, а «великого халифата» (пропагандируются идеи установления Халифата методами, приемлемыми для мусульман-националистов).

Комментарий «Василия Алибабаевича» содержит пропаганду идей партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (ее «четкой идеи» и «ясного метода» восстановления «исламского образа жизни», установления Халифата; этот «метод» не подразумевает демократические выборы, о которых говорит А. Дильмухаметов); в нем выражается призыв к изучению ее идеологии: «Аурат! У хизба есть четкая идея, и ясный метод, для того, чтобы восстановить исламский образ жизни! Что вы можете предложить народу? Прежде чем что-то говорить о хизбе, сначала изучите что она из себя представляет, и к чему призывает. Хизб, не ставит целью установить халифат в России, тем более через демократические выборы! Не несите ерунду, и не пудрите мозги людям! За теракты, немцова, и то что хизб никогда не занимался террористической деятельностью, я с вами согласен!» (стр. 7, 8 Акта осмотра; имеется 3 лайка).

ВОПРОСЫ № 1, 2:

Содержатся ли в представленной на исследование видеозаписи «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31» высказывания о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании?

Содержатся ли в представленной на исследование видеозаписи «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31» высказывания, направленные на формирование у лица убежденности в привлекательности идеологии терроризма, либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности?

В представленной для исследования видеозаписи «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31.тр4» имеются следующие высказывания:

1. «Взгляд №31»» (00:00, надпись на фоне флага Башкортостана);
2. «Добрый вечер. Программа «Взгляд», Айрат Дильмухаметов, кандидат в Президенты Республики Башкортостан. И... тема для сегодняшней программы, э-э, навеяна письмами, которые приходят в личку, а именно, это уже в течение, наверно, последнего месяца. Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир», а-а, напомню, что эта организация запрещена в России. И вот как раз таки об этом я сейч-сейчас хотел рассказать. Смотрите, что мы вообще имеем. Но обо всем по порядку. Кхм. Вообще, я начну, конечно, с

« » « , ».

четырнадцатого февраля две тысячи третьего года. Да, четырнадцатого февраля две тыщи третьего года, то есть уже, а-а, свыше пятнадцати лет, а-а, в этой стране, в которой есть конституция и в которой есть, а-а-а, знаменитая и очень классная статья — двадцать восемь, которая гарантирует свободу религии, вероисповедания, а-а-а, индивидуального, коллективного, не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями или вообще не исповедовать ничего. А-а, вот это вот очень мощная, двадцать восьмой статья. И вот в этой стране, у которой такая, ну, в целом неплохая конституция в плане прав и свобод человека и гражданина, действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправоудное решение Верховного суда Российской Федерации, я уже щас номер не помню, от четырнадцатого, ноль второго, ноль третьего. А-а-а, что было тогда? А-а, тогда было вообще просто феноменальные вещи. А-а, в рамках гражданского судопроизводства, гражданского (!), я подчеркиваю, в закрытом судебном режиме, в закрытом (!) судебном режиме по иску генерального прокурора Российской Федерации, с участием, а-а-а, ФСБ и Минюста РФ, прошло судебное заседание, а-а, из там трех судей Верховного суда Российской Федерации, «Лебедевского». А, генпрокурор, не помню, кто тогда был, а-а, выкатил представление, что вот есть ряд организаций, а-а, которых надо запретить и признать террористическими. Ну, у нас есть а-основные нерушимые, а-а, принципы судопроизводства: это равноправие, это открытость, это гласность, это состязательность сторон, и вот эти все принципы, они все были попораны, абсолютно все! Там, а-а-а-а, в ходе вот этого одного всего лишь судебного заседания скопом признали, а-а-а, террористическими целый ряд организаций, там, я не з-помню, где-то десять с чем-то. Там есть, там были достаточно какие-то известные, распиаренные, а, организации, ну, скажем, подразделение «Аль-Каиды». Ну, понятно, что «Аль-Каида» — это «Аль-Каида», это, она в дальнейших представлениях не нуждается. Или, допустим, там была организация, как, а-а, что-то такое, там типа, а-а-а, «Шура» — а, высший военный совет, а-а-а, Кавказа, да, чё-то Кавказа, Чечни, Дагестана, еще какие-то там, а-а, тоже очень такая известная и не нуждающаяся в представлении организация. И вот, а-а, в этот более чем там десять с чем-то, этот перечень и попала та-также «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»». А-а, заслушали генпрокурора, заслушали представителя ФСБ-э, заслушали Минюст, который сказал, что, значит, эти организации не зарегистрированы в Минюсте. То есть они что, должны были быть зарегистрированы, что ли? И вот, когда мы говорим о состязательности и о равноправии сторон, ну, все-таки же это судебный процесс! Я понимаю, что это, конечно, звучит, а-а-а, дико, и я ничего не троллю, но надо было хотя бы на это судебное заседание представить официально повестку, уведомить вот этим всем организациям, дела которых будут рассматриваться, чтобы какие-то представители этих организаций участвовали в судебном процессе, то есть на тот момент-то они еще не были, а-а, запрещены, они не были признаны террористическими, чтобы хотя бы предоставить слово: «Что вы скажете в свою защиту?». Этого тоже ничего не было. И, а-а, вот зайдите в интернет, все это есть, я номер просто не помню, посмотрите вот этот, а-а-а-а, логику судебного решения. Там маленький абзац по каждой партии, там от пяти строчек до десяти строчек, и-и там нету, а-а-а, процессуального языка, там нету никакой совокупности доказательств. Всё судебное решение высшей (!) судебной инстанции этой страны напоминает собой просто оперативную справку спецслужбы. Ни доказательств, ни процессуалистики — вообще нет ничего. Ну, я говорю, черт с ним, с этим, с этой «Шурой», с, а-а, с «Аль-Каидой», там еще с какими-то другими, какая-то еще там организация «Дом двух святых», арабийская. Вот я сейчас говорю конкретно про вот

« » « , ».

этого «Хизб ут-Тахрир». Четыре-пять строчек, а-а, говорится о том, что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить, а что такое устранить? Устранение – это вообще язык не ю., не юридический. Потому что под устранением можно пон., понимать все, что угодно. И всё, вербовка членов. Ни одного факта террористической деятельности нет. Вообще, надо понимать: а-а, вот ю., а-а-а, в юриспруденции любое явление должно иметь свою дефиницию, то есть убийство, кража, мошенничество — всё, грабеж, разбой – всё имеют свою дефиницию. А понятие терроризма получило свою юридическую дефиницию совершенно недавно, если быть точным, в июле две тысячи шестнадцатого года, а-а-а, триста семьдесят пятый Федеральный закон ввел юридическое определение в уголовно-правовом смысле понятия терроризма и преступлений террористической направленности. И поэтому мы с-сейчас вправе, а-а-а, апеллировать к этому определению и говорить, что такое терроризм. Так вот, вот в этом определении «Хизб ут-Тахрир» никогда, а она существует с пятьдесят какого-то года и со., была создана где-то на Ближнем востоке, никогда, а-а-а, террористической деятельностью не занималась и террор как метод политической борьбы не рассматривала. Вот в чем проблема! Проблема, которая вылилась в том, что сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток. Раньше, а-а-а, там в нулевых годах, давали по полтора-два года членам этой партии, потом, а и судили их по двести восемьдесят второй статье, потом ввели для них двести восемьдесят вторую прим два, по-моему, и стали они получать три-четыре года, потом стали их, им накидывать, а-а-а, статью двести семьдесят восьмую «Попытка вооруженного захвата власти» через тридцатую, а-а-а, они соглашались, подписывались, получали ниже низшего, но это, это, это было уже пять тире семь лет, а потом, по-моему, в тринадцатом или в четырнадцатом году ввели специальную статью двести пять прим пять «Участие в террористической организации» — и всё, а там огромные, дикие сроки, ужасные просто! И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто сроки. Вот во что вылилось вот это абсолютно неправосудное, юридически безграмотное решение Верховного суда Российской Федерации. Мы вообще вот — люди, которые девятнадцать лет живем вот, а-а, в условиях новейшего времени, и что такое терроризм, террористическая деятельность, мы прекрасно знаем, потому что, ну, вы все помните, как были, а-а, как взрывались дома: четыре взрыва, а-а, четыре жилых дома, а-а, и это тактика запугивания, устрашения. Мы помним, как был, а-а, показательно убит, казнен, а-а, Борис Немцов, и это именно акт устрашения, террористический акт, и там не сто пятая должна была быть, а сто пятая и двести семьдесят седьмая – «Убийство политического деятеля», но гособвинение не дало эту статью, а это самый настоящий акт терроризма. Мы знаем, как, а-а-а-а, значит, проводились всякие захваты, агрессии, взрывы самолетов иностранных государств на чужой территории, химические атаки, а-а-а, значит, а-а, радиоактивными веществами. Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет, но, а-а, вот эти, а-а, члены этой партии «Хизб ут-Тахрир», а-а-а, которые запрещенная, которая признана террористической, но она, эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, — это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания. И вот жены и матери этих ребят пишут: что быть и как делать. Я, я не знаю, что им сказать, я не знаю, что ответить, потому что, а-а, правовых ходов, которые способны опрокинуть это решение, я не знаю, я не вижу. А-а, все сроки давности

« » « , ».

прошли, конечно, по идее, это должен быть, а-а, делать генеральная прокуратура, но мы все понимаем, что она на это не пойдет. В конституционном, а-а, суде это тоже не оспоришь, потому что там тоже, а-а, год с момента, но, если только в... по приговорам попытаться обжаловать. Хотя все мы прекрасно понимаем, какая у нас судебная система и в какой стране мы живем. Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы. А-а, и делаю это, потому что на самом деле, я считаю, что цели, которые вот эта партия ставит, а, они абсолютно мифические, а-а, бесперспективные и безрезультатные. То есть у них, а, цель какая, а-а-а, — значит, исламская политическая агитация, выход на выборы – второй шаг и третья, значит, — создание исламской формы правления, а четвертое — объединение всех вот этих огромных, там победило исламское правительство, там победило, объединение ва, в какой-то, значит, всеобщий Халифат. Ну, понятно, что, если.., это полная иллюзия, и никакой халиф, и никакой царь, будь он в Москве или в Багдаде, никогда за нас наших вопросов и проблем не решит. Во-вторых, на какие выборы вы, а-а, собрались выходить: на «хайдарвалеевские» выборы или на «эллапонфиловские»? Кто вас вообще допустит, а если вы туда выйдете, что вам нарисуют, да и вообще, кто будет голосовать? Как один говорил же человек (усмехается): «Исламское государство провозгласить легко, где вы возьмете столько мусульман?». Нет и не было. Подвергать себя такому просто неоправданному риску, а-а, и, самое главное, — было бы за что, было бы во имя чего. Все эти цели, а-а, которые декларируются, вот этими, там, агитаторами или кем, они абсолютно недостижимы, мифичны. Тот путь, по которому надо идти, — это политическое просвещение, это борьба за права, свободы человека и гражданина в рамках модели светского государства, я подчеркиваю еще раз: светского государства, в рамках, а-а, демократического дискурса, либерального дискурса, а-а, в рамках дискурса нового федерализма. Никому не запрещается обсуждать конституцию, указывать на ее плюсы и минусы, достоинства и недостатки, предлагать абсолютно мирные, легальные, а, методы, формы наполнения конституционных норм новым содержанием. Вот в плане опять же федеративных отношений! И этим надо пользоваться! Но ставить какие-то вот совершенно недостижимые, мифические цели, да еще в условиях, а-а, такого драконовского законодательства — это значит заранее обрекать ни в чем неповинных ребят на длительные тюремные сроки заключения. Что еще хочу сказать, ну, обращайтесь к новому врио, еще к кому-то, я не знаю. Пусть это тоже будет их тест и проверка на живость, потому что, а, те ребята, которые получают вот эти вот дикие срока, — это тоже наши граждане. Тяжело говорить об, а-а-а, об этом, когда ты сам прекрасно знаешь, что ждет их. Не знаю, думаю, что, а-а, участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве не имеет никакого смысла, более того, оно наносит определенный, а-а-а, вполне конкретный вред. И вообще хочу сказать, что, ня-а-а, в сложившихся условиях ни одна политическая сила вменяемая она вообще не должна ставить вопросы насилия, не просто, я про террор, я вообще здесь не говорю, вопросы насилия и неправоую форму в повестку дня вообще не должна. Это нанес.., нанесет только вред, и это приведет только к укреплению данного полицейского государства, что абсолютно недопустимо. Это все, что я хотел сказать сегодня» (00:05-17:11);

3. «ЧЕТВЕРТАЯ БАШКИРСКАЯ РЕСПУБЛИКА 2018 Г. TO BE CONTINUED» (17:11).

В приведенных высказываниях реализованы следующие коммуникативные намерения спикера Айрата Дильмухаметова (см. его самопрезентацию в высказывании: «Добрый вечер. Программа «Взгляд», Айрат Дильмухаметов, кандидат в Президенты Республики Башкортостан», 00:05):

1) явные:

а) сообщить (информировать) о женщинах, женах, «мамах» «тех мусульман, которые попали под каток репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир»», о том, что они «пишут», спрашивают А. Дильмухаметова: «что быть и как делать»: «Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир», а-а, напомню, что эта организация запрещена в России. И вот как раз таки об этом я сейчас хотел рассказать. Смотрите, что мы вообще имеем. Но обо всем по порядку» (00:25); «И вот жены и матери этих ребят пишут: что быть и как делать» (11:16). Рассказать — от рассказывать — 'несов. перех. и неперех. Словесно сообщать, описывать, излагать что-либо (виденное, слышанное и т. п.)' [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/236449/рассказывать>];

б) о том, что Дильмухаметов и другие люди знают, что такое «терроризм», «террористическая деятельность» и кто ее на самом деле ведет: «Мы вообще вот — люди, которые девятнадцать лет живем вот, а-а, в условиях новейшего времени, и что такое терроризм, террористическая деятельность, мы прекрасно знаем, потому что, ну, вы все помните, как были, а-а, как взрывались дома: четыре взрыва, а-а, четыре жилых дома, а-а, и это тактика запугивания, устрашения. Мы помним, как был, а-а, показательно убит, казнен, а-а, Борис Немцов, и это именно акт устрашения, террористический акт, и там не сто пятая должна была быть, а сто пятая и двести семьдесят седьмая — «Убийство политического деятеля», но гособвинение не дало эту статью, а это самый настоящий акт терроризма. Мы знаем, как, а-а-а-а, значит, проводились всякие захваты, агрессии, взрывы самолетов иностранных государств на чужой территории, химические атаки, а-а-а, значит, а-а, радиоактивными веществами. Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет...» (09:33). Знать — 'II несов. перех. и неперех. 1. Обладать знаниями [знания I I.], иметь познания в какой-либо области. 2. Располагать какими-либо сведениями, быть осведомлённым относительно кого-либо или чего-либо' [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/168770/Знать>];

в) обратиться к «заблудшим или одурманенным» членам партии «Хизб ут-Тахрир», предостеречь их от временного («по крайней мере, пока такие дракан..., драконовские законы», «при таком законодательстве») вхождения в эту партию, участия, членства и от постановки «вопроса насилия и неправовой формы» в «повестку дня»: «Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они

« . . . ».

мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто **предостеречь этих молодых ребят**, как правило, **не входить туда и не связываться**, ну, по крайней мере, пока такие дракан., драконовские законы» (12:06); «Что еще хочу сказать, ну, обращайтесь к новому врио, еще к кому-то, я не знаю. Пусть это тоже будет их тест и проверка на вишивость, потому что, а, те ребята, которые получают вот эти вот дикие срока, — это тоже наши граждане. Тяжело говорить об, а-а-а, об этом, когда ты сам прекрасно знаешь, что ждет их. Не знаю, думаю, что, а-а, участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве не имеет никакого смысла, более того, оно наносит определенный, а-а-а, вполне конкретный вред. И вообще хочу сказать, что, ня-а-а, в сложившихся условиях ни одна политическая сила вменяемая она вообще не должна ставить вопросы насилия, не просто, я про террор, я вообще здесь не говорю, вопросы насилия и неправовую форму в повестку дня вообще не должна. Это нанес., нанесет только вред, и это приведет только к укреплению данного полицейского государства, что абсолютно недопустимо. Это все, что я хотел сказать сегодня» (15:44). Обращаться — от обратиться — '4. Направить свои слова, речь и т. п. к кому-, чему-л.' [Кузнецов 2005, с. 434]; предостеречь — 'Заранее остеречь от чего-л.'; остеречь — 'Предупредить о возможной опасности, дать совет избегать что-л.'; предостеречь [Кузнецов 2005, с. 598, 465]; по крайней мере — '2. Употребляется как вводное словосочетание, выражающее достаточную уверенность в достоверности высказывания и соответствующее по значению слову: во всяком случае' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/214832/По]; пока — 'I. В течение некоторого времени; до сих пор еще; впредь до чего-л. || Временно' [БТС 2000, с. 892]; при — '4. Употребляется при выражении обстоятельственных отношений, указывая на 1) явление, обстоятельство, сопровождающее что-либо, сопутствующее чему-либо 2) присутствие кого-либо, под присмотром, в сопровождении или под началом кого совершается действие 3) состояние, в котором кто-либо находится, пребывает. 6. Употребляется при выражении условных отношений, указывая на событие, явление, факт, которые являются условием для осуществления чего-либо' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/225477/При];

г) посоветовать, чтобы матери и жены членов партии «Хизб ут-Тахрир» обращались за защитой и помощью к «новому врио, еще к кому-то» (имеются в виду представители власти), чтобы проверить их на «вишивость»: «Что еще хочу сказать, ну, обращайтесь к новому врио, еще к кому-то, я не знаю. Пусть это тоже будет их тест и проверка на вишивость, потому что, а, те ребята, которые получают вот эти вот дикие срока, — это тоже наши граждане» (15:44);

2) скрытые (выявляются на основе заложенных, в т. ч. манипулятивно навязываемых пресуппозиций):

а) выражение негативной оценки (= обвинения) России (используется пренебрежительное наименование «эта страна»), российских властей, спецслужб, судов (в т. ч. Верховного суда РФ), их действий, в частности в отношении организации «Хизб ут-Тахрир», ее членов, а также выражение негативной оценки положения дел в Республике Башкортостан («Взгляд №31», 00:00, надпись на фоне флага Башкортостана), действий башкирских властей (выявляется скрытый смысл, выражаемый намеком, — 'они вшивые': «Что еще хочу сказать, ну, обращайтесь к новому врио, еще к кому-то, я не знаю. Пусть это тоже будет их тест и проверка на вшивость, потому что, а, те ребята, которые получают вот эти вот дикое срока, — это тоже наши граждане», 15:44. Тожже — 'Г нареч. качеств.-обстоят. 2. Так же, как кто-либо или что-либо' [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/254264/Тожже>]): «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31» (название видеоролика); «Пишут мне женичины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир», а-а, напомню, что эта организация запрещена в России. И вот как раз таки об этом я сейч-сейчас хотел рассказать. Смотрите, что мы вообще имеем. Но обо всем по порядку. Кхм. Вообще, я начну, конечно, с четырнадцатого февраля две тысячи третьего года. Да, четырнадцатого февраля две тыщи третьего года, то есть уже, а-а, свыше пятнадцати лет, а-а, в этой стране, в которой есть конституция и в которой есть, а-а-а, знаменитая и очень классная статья — двадцать восемь, которая гарантирует свободу религии, вероисповедания, а-а-а, индивидуального, коллективного, не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями или вообще не исповедовать ничего. А-а, вот это вот очень мощная, двадцать восьмой статья. И вот в этой стране, у которой такая, ну, в целом неплохая конституция в плане прав и свобод человека и гражданина, действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправосудное решение Верховного суда Российской Федерации, я уже жас номер не помню, от четырнадцатого, ноль второго, ноль третьего. А-а-а, что было тогда? А-а, тогда было вообще просто феноменальные вещи. А-а, в рамках гражданского судопроизводства, гражданского (!), я подчеркиваю, в закрытом судебном режиме, в закрытом (!) судебном режиме по иску генерального прокурора Российской Федерации, с участием, а-а-а, ФСБ и Минюста РФ, прошло судебное заседание, а-а, из там трех судей Верховного суда Российской Федерации, «Лебедевского». А, генпрокурор, не помню, кто тогда был, а-а, выкатил представление, что вот есть ряд организаций, а-а, которых надо запретить и признать террористическими. Ну, у нас есть а-основные нерушимые, а-а, принципы судопроизводства: это равноправие, это открытость, это гласность, это состязательность сторон, и вот эти все принципы, они все были попорчены, абсолютно все! Там, а-а-а-а, в ходе вот этого одного всего лишь судебного заседания скопом признали, а-а-а, террористическими целый ряд организаций, там, я не з-помню, где-то десять с-с чем-то. Там есть, там были достаточно какие-то известные, распиаренные, а, организации, ну, скажем, подразделение «Аль-Каиды». Ну, понятно, что «Аль-Каида» — это «Аль-Каида», это, она в дальнейших представлениях не нуждается. Или, допустим, там была организация, как, а-а, что-то такое, там типа, а-а-а, «Шура» — а, высший военный совет, а-а-а, Кавказа, да, чё-то Кавказа, Чечни, Дагестана, еще какие-то там, а-а, тоже очень такая известная и не нуждающаяся в представлении организация. И вот, а-а, в этот более чем там десять с чем-то, этот перечень и попала та-также «Партия

исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»». А-а, заслушали генпрокурора, заслушали представителя ФСБ-э, заслушали Минюст, который сказал, что, значит, эти организации не зарегистрированы в Минюсте. То есть они что, должны были быть зарегистрированы, что ли? И вот, когда мы говорим о состязательности и о равноправии сторон, ну, все-таки же это судебный процесс! Я понимаю, что это, конечно, звучит, а-а-а, дико, и я ничего не троллю, но надо было хотя бы на это судебное заседание представить официально повестку, уведомить вот этим всем организациям, дела которых будут рассматриваться, чтобы какие-то представители этих организаций участвовали в судебном процессе, то есть на тот момент-то они еще не были, а-а, запрещены, они не были признаны террористическими, чтобы хотя бы предоставить слово: «Что вы скажете в свою защиту?». Этого тоже ничего не было. И, а-а, зайдите в интернет, все это есть, я номер просто не помню, посмотрите вот этот, а-а-а-а, логику судебного решения. Там маленький абзац по каждой партии, там от пяти строчек до десяти строчек, и-и там нету, а-а-а, процессуального языка, там нету никакой совокупности доказательств. Всё судебное решение высшей (!) судебной инстанции этой страны напоминает собой просто оперативную справку спецслужбы. Ни доказательств, ни процессуалистики — вообще нет ничего. Ну, я говорю, черт с ним, с этим, с этой «Шурой», с, а-а, с «Аль-Каидой», там еще с какими-то другими, какая-то еще там организация «Дом двух святых», арабийская. Вот я сейчас говорю конкретно про вот этого «Хизб ут-Тахрир». Четыре-пять строчек, а-а, говорится о том, что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить, а что такое устранить? Устранение – это вообще язык не ю., не юридический. Потому что под устранением можно пон., понимать все, что угодно. И всё, вербовка членов. Ни одного факта террористической деятельности нет» (00:25); «Так вот, вот в этом определении «Хизб ут-Тахрир» никогда, а она существует с пятьдесят какого-то года и со., была создана где-то на Ближнем востоке, никогда, а-а-а, террористической деятельностью не занималась и террор как метод политической борьбы не рассматривала. Вот в чем проблема! Проблема, которая вылилась в том, что сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток. Раньше, а-а-а, там в нулевых годах, давали по полтора-два года членам этой партии, потом, а и судили их по двести восемьдесят второй статье, потом ввели для них двести восемьдесят вторую прим два, по-моему, и стали они получать три-четыре года, потом стали их, им накидывать, а-а-а, статью двести семьдесят восьмую «Попытка вооруженного захвата власти» через тридцатую, а-а-а, они соглашались, подписывались, получали ниже низшего, но это, это, это было уже пять тире семь лет, а потом, по-моему, в тринадцатом или в четырнадцатом году ввели специальную статью двести пять прим пять «Участие в террористической организации» — и всё, а там огромные, дикие срока, ужасные просто!» (07:50); «И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто срока. Вот во что вылилось вот это абсолютно неправоудное, юридически безграмотное решение Верховного суда Российской Федерации» (09:08); «Мы вообще вот — люди, которые девятнадцать лет живем вот, а-а, в условиях новейшего времени, и что такое терроризм, террористическая деятельность, мы прекрасно знаем, потому что, ну, вы все помните, как были, а-а, как взрывались дома: четыре взрыва, а-а, четыре жилых дома, а-а, и это тактика запугивания, устрашения. Мы помним, как был,

а-а, показательно убит, казнен, а-а, Борис Немцов, и это именно акт устрашения, террористический акт, и там не сто пятая должна была быть, а с-сто пятая и двести семьдесят седьмая – «Убийство политического деятеля», но гособвинение не дало эту статью, а это самый настоящий акт терроризма. Мы знаем, как, а-а-а-а, значит, проводились всякие захваты, агрессии, взрывы самолетов иностранных государств на чужой территории, химические атаки, а-а-а, значит, а-а, радиоактивными веществами. Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет, но, а-а, вот эти, а-а, члены этой партии «Хизб ут-Тахрир», а-а-а, которые запрещенная, которая признана террористической, но она, эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, — это самый лютейший, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания» (09:33); «И вот жены и матери этих ребят пишут: что быть и как делать. Я, я не знаю, что им сказать, я не знаю, что ответить, потому что, а-а, правовых ходов, которые способны опрокинуть это решение, я не знаю, я не вижу. А-а, все сроки давности прошли, конечно, по идее, это должен быть, а-а, делать генеральная прокуратура, но мы все понимаем, что она на это не пойдет. В конституционном, а-а, суде это тоже не оспоришь, потому что там тоже, а-а, год с момента, но, если только в... по приговорам попытаться обжаловать. Хотя все мы прекрасно понимаем, какая у нас судебная система и в какой стране мы живем» (11:16); «Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан..., драконовские законы» (12:06); «Ну, понятно, что, если..., это полная иллюзия, и никакой халиф, и никакой царь, будь он в Москве или в Багдаде, никогда за нас наших вопросов и проблем не решит. Во-вторых, на какие выборы вы, а-а, собрались выходить: на «хайдарвалеевские» выборы или на «эллапонфиловские»? Кто вас вообще допустит, а если вы туда выйдете, что вам нарисуют, да и вообще, кто будет голосовать?» (13:18); «Что еще хочу сказать, ну, обращайтесь к новому врио, еще к кому-то, я не знаю. Пусть это тоже будет их тест и проверка на вшивость, потому что, а, те ребята, которые получают вот эти вот дикие срока, — это тоже наши граждане» (15:44); «Тяжело говорить об, а-а-а, об этом, когда ты сам прекрасно знаешь, что ждет их. Не знаю, думаю, что, а-а, участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве не имеет никакого смысла, более того, оно наносит определенный, а-а-а, вполне конкретный вред» (16:07); «И вообще хочу сказать, что, ня-а-а, в сложившихся условиях ни одна политическая сила вменяемая она вообще не должна ставить вопросы насилия, не просто, я про террор, я вообще здесь не говорю, вопросы насилия и неправовую форму в повестку дня вообще не должна. Это нанес..., нанесет только вред, и это приведет только к укреплению данного полицейского государства, что абсолютно недопустимо. Это все, что я хотел сказать сегодня» (16:37). Для выражения **негативной оценки, реализации стратегии обвинения, дискредитации** используются следующие наименования: *разнарядка* — '1) офиц. Распределение кого- или чего-л. в плановом порядке'

[https://all_words.academic.ru/79101/разнарядка]; *ад* — '2. Условия, пребывание в которых мучительно, невыносимо' [Кузнецов 2005, с. 14]; *этот* — '6. разг. Употребляется при выражении неодобрительного, иронического отношения говорящего к какому-либо лицу или предмету' [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/270823/Этот>]; *дикий* — 'IV прил. разг. Невероятный, немыслимый, превышающий обычную норму; чрезмерный' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/158231/Дикий>]; *неправосудный* — см. *неправосудие* — 'ср. Судебное производство, основанное на нарушении прав, законов' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/195945/неправосудие>]; *абсолютно* — 'нареч. качеств.-обстоят. 1. Совсем, полностью' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/136853/Абсолютно>]; *выкатить* — 'предоставить, опубликовать, передать клиенту или партнеру' [https://business_slang.academic.ru/81/выкатить], контекстуально — сниж., негативно-оценочное 'предъявить требование (запретить, признать террористическими)' (см.: «*выкатил представление, что вот есть ряд организаций, а-а, которых надо запретить и признать террористическими*»: *надо* — 'в функц. сказ.; обычно с инф. Необходимо, следует; нужно' [Кузнецов 2005, с. 419]); *скопом* — 'нареч. (разг.) Все вместе, сообща' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/221502>]; *проблема* — 'Сложный вопрос, требующий изучения, разрешения' [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/228459/Проблема>]; *попасть под каток* — используется в переносном значении 'попасть под нечто очень тяжелое, убийственное'; *репрессия* — 'Карательная мера со стороны государственных органов (тюремное заключение, ссылка, расстрел)' [Кузнецов 2005, с. 700]; *накидывать* — 'I несов. перех. 1. Кидать, бросать что-либо куда-либо в каком-либо (обычно большом) количестве' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/190478/Накидывать>], контекстуально — сниж. 'Добавлять в большом количестве, увеличивать срок заключения, наказания'; *ужасный* — '4. перен. Чрезвычайный, крайний в своём' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/258069/Ужасный>]; *безграмотный* — '5. перен. Выполненный без знания дела, свидетельствующий о плохом знании предмета' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/140668/Безграмотный>]; *людоедский* — 'человеконенавистнический, безжалостный, варварский, негуманный, беспощадный, изуверски, зверский, феодальный, свирепый, кровожадный, бесчеловечный, каннибальский, жестокий' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/73286/людоедский]; *ни за что* — '= без вины, без провинности'; *показательно* — от *показательный* — '2. Устроенный для широкого ознакомления, всеобщего сведения и т. п.

« » « , »
 отг. Образцовый, служащий примером для других' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/219783/Показательный]; *убить* — 'Лишить жизни, умертвить' [Кузнецов 2005, с. 853]; *казнить* — '1. Подвергать смертной казни' [http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/172757/Казнить]; *запугивание* — от *запугивать* — 'несов. перех. Внушая постоянный страх, угрожая, делать робким, боязливым' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/166206/запугивать]; *устрашение* — от устрашать — 'несов. перех. Внушать страх; пугать' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/259894/Устрашать]; *террористический* — 'прил. 1. соотн. с сущ. *террор*, *терроризм*, *террорист*, связанный с ними. 2. Свойственный террору, терроризму, террористу, характерный для них. 3. Состоящий из террористов' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253757/Террористический]; *терроризм* — 'м. 1. Политика террора. 2. Деятельность террористов' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253753/Терроризм]; *лютый* — '3. перен. Очень сильный по степени проявления' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/183020/Лютый]; *антиконституционный* — 'прил. Нарушающий Конституцию, противоречащий её положениям' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/272327/антиконституционный]; *беспредел* — 'м. разг.-сниж. 1. Отсутствие правил, законов, ограничивающих чей-либо произвол. 2. То, что находится за пределами дозволенного; произвол, беззаконие' [http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/272806/Беспредел]; *какой* — '2. Употребляется при обозначении оценки качества, свойства кого-либо, чего-либо, при удивлении, восхищении или возмущении кем-либо' [http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/172878/Какой]; *такой* — '1. Именно этот, подобный данному или тому, о чем говорилось' [Кузнецов 2005, с. 819]; *драконовский* — 'прил. Крайне строгий; жестокий, беспощадный' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/160733/Драконовский]; *полицейское государство* — 'термин, указывающий тип государства и характеризующий политический режим в таком государстве. Как правило, полицейское государство — реализация одной из парадигм «сильного государства»... Выступая разновидностью авторитарного режима, п. г. призвано выполнять, по мысли его сторонников, защитно-охранительные функции, оберегая традиционную для данной страны общественную структуру. При такой организации государства запретительным, силовым, централизованным методам управления отдается явное предпочтение, а активность «сил порядка» подчеркнута демонстрируется правящими элитами. Ядро государственной системы образуют силовые органы и структуры, а само государство

« » « , ».

приобретает расширенные функции (в т. ч. хозяйственную, воспитательную и т. п.). В г. п. заложена тенденция к подробной регламентации и регуляции всех общественных отношений. В его основе лежит идея достижения «благополучия всех», для чего власти и нужны неограниченные полномочия. Непременным спутником такого государственного управления оказывается поэтому расширение государственного формализма и бюрократизма. Социальная цель подобного режима — достижение и поддержание определенного единообразия поведения людей с помощью т. н. Полицейских мер — строгого контроля за место пребывания, передвижением населения, введения института прописки, массовым нарушением тайны переписки, ведением досье на неугодных лиц и пр.' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/43/Государство>]. Негативный образ полицейского государства, с драконовским законодательством, репрессирующего невинных граждан, мусульман, создается спикером для реализации **главной**, но в то же время вуалируемой, его коммуникативной цели, см. следующий пункт;

б) **предвыборная агитация** за Айрата Дильмухаметова как Президента Республики Башкортостан, **призыв к борьбе за «новый федерализм», «ЧЕТВЕРТую БАШКИРСкую РЕСПУБЛИКу»** (с учетом сильных позиций текста, это является ключевой целью спикера; кроме того, данная видеозапись входит в ряд других (размещенных на данном сайте и проанализированных нами ранее), текущая тема *«навеяна»*, является преходящей, см. надпись в последнем кадре видеозаписи: **«ЧЕТВЕРТАЯ БАШКИРСКАЯ РЕСПУБЛИКА 2018 Г. ТО ВЕ CONTINUED»** — 'продолжение следует', *«И... тема для сегодняшней программы»*; *«Вот в плане **опять** же федеративных отношений!»*; предостережение, выражаемое А. Дильмухаметовым, насыщено лексикой, обозначающей политические цели и способы реализации призывных действий: *«было бы **за что**, было бы **во имя чего**», «цели», «тот путь», «где вы возьмете»*; а также многочисленными **средствами побуждения**: *«надо», «не запрещается», «обращайтесь», «пусть», «не должна», «недопустимо»*; здесь **описывается государство, желательное для спикера**, — *«в рамках модели светского государства... в рамках дискурса **нового федерализма**»*): *«Добрый вечер. Программа «Взгляд», **Айрат Дильмухаметов, кандидат в Президенты Республики Башкортостан**. И... тема для сегодняшней программы, э-э, навеяна письмами, которые приходят в личку, а именно, это уже в течение, наверно, последнего месяца»* (00:05); **«ЧЕТВЕРТАЯ БАШКИРСКАЯ РЕСПУБЛИКА 2018 Г. ТО ВЕ CONTINUED»** (17:11, надпись на черном фоне, используются заглавные буквы, реализующие метод привлечения внимания и внушения **значимости транслируемой идеи**); *«Как один говорил же человек (усмехается): «Исламское государство провозгласить легко, **где вы возьмете** столько мусульман?». Нет и не было. Подвергать себя такому просто*

неоправданному риску, а-а, и, самое главное, — было бы за что, было бы во имя чего. Все эти цели, а-а, которые декларируются, вот этими, там, агитаторами или кем, они абсолютно недостижимы, мифичны. Тот путь, по которому надо идти, — это политическое просвещение, это борьба за права, свободы человека и гражданина в рамках модели светского государства, я подчеркиваю еще раз: светского государства, в рамках, а-а, демократического дискурса, либерального дискурса, а-а, в рамках дискурса нового федерализма. Никому не запрещается обсуждать конституцию, указывать на ее плюсы и минусы, достоинства и недостатки, предлагать абсолютно мирные, легальные, а, методы, формы наполнения конституционных норм новым содержанием. Вот в плане опять же федеративных отношений! И этим надо пользоваться! Но ставить какие-то вот совершенно недостижимые, мифические цели, да еще в условиях, а-а, такого драконовского законодательства — это значит заранее обрекать ни в чем неповинных ребят на длительные тюремные сроки заключения. Что еще хочу сказать, ну, обращайтесь к новому врио, еще к кому-то, я не знаю. Пусть это тоже будет их тест и проверка на вшивость, потому что, а, те ребята, которые получают вот эти вот дикие сроки, — это тоже наши граждане. Тяжело говорить об, а-а-а, об этом, когда ты сам прекрасно знаешь, что ждет их. Не знаю, думаю, что, а-а, участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве не имеет никакого смысла, более того, оно наносит определенный, а-а-а, вполне конкретный вред. И вообще хочу сказать, что, ня-а-а, в сложившихся условиях ни одна политическая сила вменяемая она вообще не должна ставить вопросы насилия, не просто, я про террор, я вообще здесь не говорю, вопросы насилия и неправовую форму в повестку дня вообще не должна. Это нанес.., нанесет только вред, и это приведет только к укреплению данного полицейского государства, что абсолютно недопустимо. Это все, что я хотел сказать сегодня» (13:52). Навевать — от наевать — '2. перен. Вызывать у кого-либо какое-либо настроение, приводить в какое-либо душевное состояние' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/189243/навевать]; сегодняшний — 'прил. 2. Относящийся к настоящему времени, происходящий сейчас' [http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/242693/Сегодняшний]; новый — 'I прил. 1. Такой, который не существовал ранее; впервые созданный, выведенный, открытый или только что появившийся, вышедший, возникший. Ant: старый III 1. 5. Пришедший на смену старому. отг. Введенный на смену старому, прежнему' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/197790/Новый]; федерализм — 'м. 1. Система государственного устройства, основанный на принципах федерации [федерация I 1.], на федеративных началах' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/261193/Федерализм]; федерация — 'I ж. 1. Форма государственного устройства, при которой входящие в состав государства члены федерации имеют собственные конституции, законодательные, исполнительные и судебные органы. 2. Государство с таким устройством' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/261201/федерация]. Тема «репрессий» членов партии «Хизб ут-Тахрир» рассматривается

« » « , ».

Дильмухаметовым в аспекте пользы / «вреда» для смены власти в Республике Башкортостан, см., на 16:37: *«И вообще хочу сказать, что, ня-а-а, в сложившихся условиях ни одна политическая сила вменяемая она вообще не должна ставить вопросы насилия, не просто, я про террор, я вообще здесь не говорю, вопросы насилия и неправую форму в повестку дня вообще не должна. Это нанес.., нанесет только вред, и это приведет только к укреплению данного полицейского государства, что абсолютно недопустимо. Это все, что я хотел сказать сегодня»* (создается оппозиция «данное государство» (плохое, репрессивное, полицейское) — «новый федерализм», «новая, ЧЕТВЕРТАЯ БАШКИРСКАЯ РЕСПУБЛИКА» (хорошая, демократическая), для характеристики нового государства используются единицы, обозначающие позитивно оцениваемые явления: *«...это политическое просвещение, это борьба за права, свободы человека и гражданина в рамках модели светского государства, я подчеркиваю еще раз: светского государства, в рамках, а-а, демократического дискурса, либерального дискурса, а-а, в рамках дискурса нового федерализма»*. Демократический — от демократия — 'I ж. Политический строй, при котором власть принадлежит народу, а организация жизни общества основана на принципах политического и гражданского равноправия; народовластие'

[<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/157507/Демократический>]; свобода — 'ж. 1. Отсутствие политического и экономического гнета, стеснений и ограничений в общественной жизни' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/242152/Свобода>]; либеральный — от либерализм — 'I м. Общественно-политическое течение, объединяющее сторонников парламентаризма, правовых свобод и свободного предпринимательства'

[<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/181505/либерализм>]; новый — 'I прил. 1. Такой, который не существовал ранее; впервые созданный, выведенный, открытый или только что появившийся, вышедший, возникший. Ant: старый III I. 5. Пришедший на смену старому. отг. Введённый на смену старому, прежнему' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/197790/Новый>]. На этой основе проводится мысль о **необходимости борьбы с данным государством, установлении «нового федерализма», «ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»**);

в) указание (= обвинение, с помощью намека и навязываемых пресуппозиций об «этой стране», см. выше) на то, что **настоящими террористами являются российское государство, силовые структуры и судебная система, против которых нужно бороться методами, предлагаемыми А. Дильмухаметовым для установления «нового федерализма», «ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»** («что такое терроризм,

« » « , ».

террористическая деятельность, мы прекрасно знаем, потому что... а это самый настоящий акт терроризма. Мы знаем... Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет...»): «**Мы вообще вот — люди, которые девятнадцать лет живем вот, а-а, в условиях новейшего времени, и что такое терроризм, террористическая деятельность, мы прекрасно знаем, потому что, ну, вы все помните, как были, а-а, как взрывались дома: четыре взрыва, а-а, четыре жилых дома, а-а, и это тактика запугивания, устрашения. Мы помним, как был, а-а, показательно убит, казнен, а-а, Борис Немцов, и это именно акт устрашения, террористический акт, и там не сто пятая должна была быть, а с-сто пятая и двести семьдесят седьмая — «Убийство политического деятеля», но гособвинение не дало эту статью, а это самый настоящий акт терроризма. Мы знаем, как, а-а-а-а, значит, проводились всякие захваты, агрессии, взрывы самолетов иностранных государств на чужой территории, химические атаки, а-а-а, значит, а-а, радиоактивными веществами. Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет...» (09:33); «И вот жены и матери этих ребят пишут: что быть и как делать. Я, я не знаю, что им сказать, я не знаю, что ответить, потому что, а-а, правовых ходов, которые способны опрокинуть это решение, я не знаю, я не вижу. А-а, все сроки давности прошли, конечно, по идее, это должен быть, а-а, делать генеральная прокуратура, но мы все понимаем, что она на это не пойдет. В конституционном, а-а, суде это тоже не оспоришь, потому что там тоже, а-а, год с момента, но, если только в... по приговорам попытаться обжаловать. Хотя все мы прекрасно понимаем, какая у нас судебная система и в какой стране мы живем» (11:16); «**Тот путь, по которому надо идти**, — это политическое просвещение, это борьба за права, свободы человека и гражданина в рамках модели светского государства, я подчеркиваю еще раз: светского государства, в рамках, а-а, демократического дискурса, либерального дискурса, а-а, в рамках дискурса нового федерализма. Никому не запрещается обсуждать конституцию, указывать на ее плюсы и минусы, достоинства и недостатки, предлагать абсолютно мирные, легальные, а, методы, формы наполнения конституционных норм новым содержанием. Вот в плане опять же федеративных отношений! И этим надо пользоваться!» (14:28). Гособвинение — 'государственное обвинение' [<https://sokrasheniya.academic.ru/60941/гособвинение>];**

г) выражение одобрения членам партии «Хизб ут-Тахрир», отрицание террористической сущности, оправдание ее деятельности. Рассмотрим реализацию данного намерения подробнее.

Несмотря на знание того, что организация «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») признана террористической и ее деятельность является запрещенной на территории РФ (см. следующие высказывания: «Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир», а-а, напомню, что эта организация запрещена в России», 00:25; «А-а-а, что было тогда? А-а, тогда было вообще просто феноменальные вещи. А-а, в рамках гражданского судопроизводства, гражданского (!), я подчеркиваю, в закрытом судебном режиме, в закрытом (!) судебном режиме по иску

« » « , ».

генерального прокурора Российской Федерации, с участием, а-а-а, ФСБ и Минюста РФ, прошло судебное заседание, а-а, из там трех судей Верховного суда Российской Федерации, «Лебедевского». А, генпрокурор, не помню, кто тогда был, а-а, выкатил представление, что вот есть ряд организаций, а-а, которых надо запретить и признать террористическими... И вот, а-а, в этот более чем там десять с чем-то, этот перечень и попала та-также «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»», 02:08, 04:13; «Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет, но, а-а, вот эти, а-а, члены этой партии «Хизб ут-Тахрир», а-а-а, которые запрещенная, которая признана террористической, но она, эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, — это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания», 10:42), А. Дильмухаметов:

1) для характеристики деятельности данной организации и ее членов намеренно использует нейтральные либо позитивные наименования («мусульман», «по делу организации «Хизб ут-Тахрир»», «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»», «вот эти <...> члены этой партии «Хизб ут-Тахрир»», «эта партия», «этих (молодых) ребят», «к членам этой партии», «они мусульмане», «ни в чем неповинных ребят»), реализует манипулятивные приемы подмены понятий, неполноты информации («...что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить, а что такое устранить? Устранение – это вообще язык не ю.., не юридический. Потому что под устранением можно пон... понимать все, что угодно. И всё, вербовка членов. Ни одного факта террористической деятельности нет»; «И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто срока»; «...эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, — это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания»), гиперболизации («...сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток»; «...а там огромные, дикие срока, ужасные просто! И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто срока»), метафоризации («тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий»; «сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток»), изображая членов партии как жертв массового государственного, российского террора по религиозному и национальному признаку: «Пишут мне женичины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир», а-а, напомню, что эта организация запрещена в России» (00:25); «И вот, а-а, в этот более чем там десять с чем-то, этот перечень и попала та-также «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»» (04:13); «Вот я сейчас говорю конкретно про вот этого «Хизб ут-Тахрир». Четыре-пять строчек, а-а, говорится о том, что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить, а что такое устранить? Устранение – это вообще язык не ю.., не юридический. Потому что под

« » « , ».

устранением можно пон.., понимать все, что угодно. И всё, вербовка членов. Ни одного факта террористической деятельности нет. Вообще, надо понимать: а-а, вот ю.., а-а-а, в юриспруденции любое явление должно иметь свою дефиницию, то есть убийство, кража, мошенничество — всё, грабеж, разбой — всё имеют свою дефиницию. А понятие терроризма получило свою юридическую дефиницию совершенно недавно, если быть точным, в июле две тысячи шестнадцатого года, а-а-а, триста семьдесят пятый Федеральный закон ввел юридическое определение в уголовно-правовом смысле понятия терроризма и преступлений террористической направленности. И поэтому мы с-сейчас вправе, а-а-а, апеллировать к этому определению и говорить, что такое терроризм. Так вот, вот в этом определении «Хизб ут-Тахрир» никогда, а она существует с пятьдесят какого-то года и со.., была создана где-то на Ближнем востоке, никогда, а-а-а, террористической деятельностью не занималась и террор как метод политической борьбы не рассматривала. Вот в чем проблема! Проблема, которая вылилась в том, что сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток. Раньше, а-а-а, там в нулевых годах, давали по полтора-два года членам этой партии, потом, а и судили их по двести восемьдесят второй статье, потом ввели для них двести восемьдесят вторую прим два, по-моему, и стали они получать три-четыре года, потом стали их, им накидывать, а-а-а, статью двести семьдесят восьмую «Попытка вооруженного захвата власти» через тридцатую, а-а-а, они соглашались, подписывались, получали ниже низшего, но это, это, это было уже пять тире семь лет, а потом, по-моему, в тринадцатом или в четырнадцатом году ввели специальную статью двести пять прим пять «Участие в террористической организации» — и всё, а там огромные, дикие сроки, ужасные просто! И вот сейчас, а-а, очень много татар, башикир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто срока. Вот во что вылилось вот это абсолютно неправосудное, юридически безграмотное решение Верховного суда Российской Федерации» (06:23-09:33); «Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет, но, а-а, вот эти, а-а, члены этой партии «Хизб ут-Тахрир», а-а-а, которые запрещенная, которая признана террористической, но она, эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, — это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания» (10:42); «И вот жены и матери этих ребят пишут: что быть и как делать» (11:16); «Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы» (12:06); «Но ставить какие-то вот совершенно недостижимые, мифические цели, да еще в условиях, а-а, такого драконовского законодательства — это значит заранее обрекать ни в чем неповинных ребят на длительные тюремные сроки заключения» (15:22). Попасть под каток — используется в переносном значении 'попасть под нечто очень тяжелое, убийственное'; людоедский — 'человеконенавистнический, безжалостный, варварский, негуманный, беспощадный, изуверски, зверский, феодальный, свирепый, кровожадный, бесчеловечный, каннибальский, жестокий'

[https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/73286/людоедский]; *репрессия* — 'Карательная мера со стороны государственных органов (тюремное заключение, ссылка, расстрел)' [Кузнецов 2005, с. 700]; *беспредел* — 'м. разг.-сниж. 2. То, что находится за пределами дозволенного; произвол, беззаконие' [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/272806/Беспредел>]; *неповинный* — 'Не имеющий за собою вины; невиновный II' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/195721/Неповинный>];

2) действия судов и правительства в отношении членов этой организации оценивает резко негативно как неправовые, используя манипулятивный прием подмены понятий (членов организации «Хизб ут-Тахрир» судят и выносят им сроки незаконно, «ни за что», «по принципу вероисповедания»): «Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы **тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир», а-а, напомню, что эта организация запрещена в России**» (00:25); «Вообще, я начну, конечно, с четырнадцатого февраля две тысячи третьего года. Да, четырнадцатого февраля две тыщи третьего года, то есть уже, а-а, свыше пятнадцати лет, а-а, **в этой стране, в которой есть конституция и в которой есть, а-а-а, знаменитая и очень классная статья — двадцать восемь, которая гарантирует свободу религии, вероисповедания, а-а-а, индивидуального, коллективного, не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями** или вообще не исповедовать ничего. А-а, вот это вот очень мощная, двадцать восьмой статья. **И вот в этой стране**, у которой такая, ну, в целом неплохая конституция в плане прав и свобод человека и гражданина, **действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправосудное решение Верховного суда Российской Федерации**, я уже щас номер не помню, от четырнадцатого, ноль второго, ноль третьего» (00:56). В приведенных высказываниях явно и скрыто выражаются следующие речевые смыслы: 'члены партии «Хизб ут-Тахрир» — мусульмане; в РФ есть конституция, которая гарантирует свободу религии, вероисповедания; в РФ действует «неправосудное решение Верховного суда» о признании партии «Хизб ут-Тахрир» террористической; в РФ нарушается конституция (= нарушаются права верующих, = нарушаются права членов партии «Хизб ут-Тахрир» «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»», см. аналогичные высказывания: «Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет, но, а-а, вот эти, а-а, **члены этой партии «Хизб ут-Тахрир», а-а-а, которые запрещенная, которая признана террористической, но она, эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, — это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания»** (10:42); «Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, **членам этой партии**, конечно же, **они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает**. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь **этих молодых ребят**, как

« » « , ».

правило, не входит туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы» (12:06). Другие критические высказывания о неправосудности решения, принятого Верховным судом РФ в отношении организации «Хизб ут-Тахрир»: *«А-а-а, что было тогда? А-а, тогда было вообще просто феноменальные вещи. А-а, в рамках гражданского судопроизводства, гражданского (!), я подчеркиваю, в закрытом судебном режиме, в закрытом (!) судебном режиме по иску генерального прокурора Российской Федерации, с участием, а-а-а, ФСБ и Минюста РФ, прошло судебное заседание, а-а, из там трех судей Верховного суда Российской Федерации, «Лебедевского». А, генпрокурор, не помню, кто тогда был, а-а, выкатил представление, что вот есть ряд организаций, а-а, которых надо запретить и признать террористическими. Ну, у нас есть а-основные нерушимые, а-а, принципы судопроизводства: это равноправие, это открытость, это гласность, это состязательность сторон, и вот эти все принципы, они все были попораны, абсолютно все! Там, а-а-а-а, в ходе вот этого одного всего лишь судебного заседания скопом признали, а-а-а, террористическими целый ряд организаций, там, я не з-помню, где-то десять с-с чем-то. Там есть, там были достаточно какие-то известные, распиаренные, а, организации, ну, скажем, подразделение «Аль-Каиды». Ну, понятно, что «Аль-Каида» — это «Аль-Каида», это, она в дальнейших представлениях не нуждается. Или, допустим, там была организация, как, а-а, что-то такое, там типа, а-а-а, «Шура» — а, высший военный совет, а-а-а, Кавказа, да, чё-то Кавказа, Чечни, Дагестана, еще какие-то там, а-а, тоже очень такая известная и не нуждающаяся в представлении организация. И вот, а-а, в этот более чем там десять с чем-то, этот перечень и попала та-также «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»». А-а, заслушали генпрокурора, заслушали представителя ФСБ-э-э, заслушали Минюст, который сказал, что, значит, эти организации не зарегистрированы в Минюсте. То есть они что, должны были быть зарегистрированы, что ли? И вот, когда мы говорим о состязательности и о равноправии сторон, ну, все-таки же это судебный процесс! Я понимаю, что это, конечно, звучит, а-а-а, дико, и я ничего не троллю, но надо было хотя бы на это судебное заседание представить официально повестку, уведомить вот этим всем организациям, дела которых будут рассматриваться, чтобы какие-то представители этих организаций участвовали в судебном процессе, то есть на тот момент-то они еще не были, а-а, запрещены, они не были признаны террористическими, чтобы хотя бы предоставить слово: «Что вы скажете в свою защиту?». Этого тоже ничего не было» (02:08-05:26). В приведенных высказываниях создается оппозиция: 'террористический, военный («Аль-Каида», «Шура») — нетеррористический, исламский' (используется полное наименование «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»»), которое в восприятии непосвященной аудитории, по контрасту с «Аль-Каидой», обладает позитивными смыслами, ср.: партия — '1. Политическая организация, выражающая интересы общественного класса или его слоя, защищающая их интересы и руководящая ими в достижении определенных целей и идеалов' [Кузнецов 2005, с. 497]; исламский — 'прил. 1. соотн. с сущ. ислам, связанный с ним' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/171700/Исламский>]; освобождение —*

от *освободить* — 'Сделать свободным кого-л., предоставить свободу кому-, чему-л.' [Кузнецов 2005, с. 461]). «И, а-а, вот зайдите в интернет, все это есть, я номер просто не помню, посмотрите вот этот, а-а-а-а, логику судебного решения. Там маленький абзац по каждой партии, там от пяти строчек до десяти строчек, и-и там нету, а-а-а, процессуального языка, там нету никакой совокупности доказательств. Всё судебное решение высшей (!) судебной инстанции этой страны напоминает собой просто оперативную справку спецслужбы. Ни доказательств, ни процессуалистики — вообще нет ничего. Ну, я говорю, черт с ним, с этим, с этой «Шурой», с, а-а, с «Аль-Каидой», там еще с какими-то другими, какая-то еще там организация «Дом двух святых», аравийская. Вот я сейчас говорю конкретно про вот этого «Хизб ут-Тахрир». Четыре-пять строчек, а-а, говорится о том, что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторiku, а, хотят устранить, устранить, а что такое устранить? Устранение — это вообще язык не ю., не юридический. Потому что под устранением можно пон., понимать все, что угодно. И всё, вербовка членов. Ни одного факта террористической деятельности нет. Вообще, надо понимать: а-а, вот ю., а-а-а, в юриспруденции любое явление должно иметь свою дефиницию, то есть убийство, кража, мошенничество — всё, грабеж, разбой — всё имеют свою дефиницию. А понятие терроризма получило свою юридическую дефиницию совершенно недавно, если быть точным, в июле две тысячи шестнадцатого года, а-а-а, триста семьдесят пятый Федеральный закон ввел юридическое определение в уголовно-правовом смысле понятия терроризма и преступлений террористической направленности. И поэтому мы с-сейчас вправе, а-а-а, апеллировать к этому определению и говорить, что такое терроризм. Так вот, вот в этом определении «Хизб ут-Тахрир» никогда, а она существует с пятьдесят какого-то года и со., была создана где-то на Ближнем востоке, никогда, а-а-а, террористической деятельностью не занималась и террор как метод политической борьбы не рассматривала. Вот в чем проблема! Проблема, которая вылилась в том, что сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток. Раньше, а-а-а, там в нулевых годах, давали по полтора-два года членам этой партии, потом, а и судили их по двести восемьдесят второй статье, потом ввели для них двести восемьдесят вторую прим два, по-моему, и стали они получать три-четыре года, потом стали их, им накидывать, а-а-а, статью двести семьдесят восьмую «Попытка вооруженного захвата власти» через тридцатую, а-а-а, они соглашались, подписывались, получали ниже низшего, но это, это, это было уже пять тире семь лет, а потом, по-моему, в тринадцатом или в четырнадцатом году ввели специальную статью двести пять прим пять «Участие в террористической организации» — и всё, а там огромные, дикие сроки, ужасные просто!» (05:27-09:08); «И вот жены и матери этих ребят пишут: что быть и как делать. Я, я не знаю, что им сказать, я не знаю, что ответить, потому что, а-а, правовых ходов, которые способны опрокинуть это решение, я не знаю, я не вижу. А-а, все сроки давности прошли, конечно, по идее, это должен быть, а-а, делать генеральная прокуратура, но мы все понимаем, что она на это не пойдет. В конституционном, а-а, суде это тоже не оспоришь, потому что там тоже, а-а, год с момента, но, если только в... по приговорам попытаться обжаловать. Хотя все мы прекрасно понимаем, какая у нас судебная система и в какой стране мы живем» (11:16); «Но ставить какие-то вот совершенно недостижимые, мифические цели, да еще в условиях, а-а, такого драконовского законодательства — это значит заранее обрекать ни в чем неповинных ребят на длительные тюремные сроки заключения. Что еще хочу сказать, ну, обращайтесь к

новому врио, еще к кому-то, я не знаю. Пусть это тоже будет их тест и проверка на вшивость, потому что, а, **те ребята, которые получают вот эти вот дикие сроки**, — это тоже наши граждане. Тяжело говорить об, а-а-а, об этом, когда ты сам прекрасно знаешь, что ждет их. Не знаю, думаю, что, а-а, **участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве** не имеет никакого смысла, более того, оно наносит определенный, а-а-а, вполне конкретный вред» (15:22). Мусульмане — 'Последователи мусульманства'; мусульманство — 'Одна из мировых религий, основанная на вере в единого бога — Аллаха; ислам' [Кузнецов 2005, с. 364], ср.: *террористический* — 'прил. 1. соотн. с сущ. *террор, терроризм, террорист*, связанный с ними. 2. Свойственный террору, терроризму, террористу, характерный для них. 3. Состоящий из террористов' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253757/Террористический]; *терроризм* — 'м. 1. Политика террора. 2. Деятельность террористов' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253753/Терроризм]; *террорист* — 'м. 1. Тот, чья задача — подавление политических противников насильственными методами; приверженец терроризма [терроризм 1.]. 2. Участник террористических актов' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/253756/Террорист]. Негативно-оценочные наименования: *феноменальный* (употребляется иронически) — '3. Редкий, необычный, исключительный, выдающийся по своим качествам, свойствам' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/261294/Феноменальный]; *дикий* — 'IV прил. разг. Невероятный, немислимый, превышающий обычную норму; чрезмерный' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/158231/Дикий]; *неправосудный* — от *неправосудие* — 'ср. Судебное производство, основанное на нарушении прав, законов' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/195945/неправосудие]; *драконовский* — 'прил. Крайне строгий; жестокий, беспощадный' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/160733/Драконовский]; *попрать* — от *попирать* — 'несов. перех. устар. 2. перен. Грубо нарушать что-либо, пренебрегать чем-либо' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/221675/попирать]; *скопом* — 'нареч. (разг.). Все вместе, сообща' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/221502]; *выкатить* — 'предоставить, опубликовать, передать клиенту или партнеру' [https://business_slang.academic.ru/81/выкатить]; *дико* — 'IV предик. Оценочная характеристика ситуации, чьих-либо действий как представляющихся странными, нелепыми, противоестественными' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/158233/Дико]. См. также название видеоролика: «*Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31*». *Разнарядка* — '1) офиц. Распределение кого- или чего-л. в плановом порядке' [https://all_words.academic.ru/79101/разнарядка];

3) несмотря на знание главной цели партии «Хизб ут-Тахрир» — установление исламского государства Халифат посредством «устранения» (спикер недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах устранения существующих правительств и вовлечения других людей в исполнение этих действий), А. Дильмухаметов отрицает террористическую сущность деятельности этой партии, снимает ответственность с ее членов, называя их «заблудшими или одурманенными» мусульманами, ни в чем неповинными ребятами: «Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет, но, а-а, вот эти, а-а, члены этой партии «Хизб ут-Тахрир», а-а-а, которые запрещенная, которая признана террористической, но она, эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, — это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания» (10:42); «Вот я сейчас говорю конкретно про вот этого «Хизб ут-Тахрир». Четыре-пять строчек, а-а, говорится о том, что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить, а что такое устранить? Устранение – это вообще язык не ю., не юридический. Потому что под устранением можно пон., понимать все, что угодно. И всё, вербовка членов. Ни одного факта террористической деятельности нет» (06:23); «А-а, и делаю это, потому что на самом деле, я считаю, что цели, которые вот эта партия ставит, а, они абсолютно мифические, а-а, бесперспективные и безрезультатные. То есть у них, а, цель какая, а-а-а, — значит, исламская политическая агитация, выход на выборы – второй шаг и третье, значит, — создание исламской формы правления, а четвертое — объединение всех вот этих огромных, там победило исламское правительство, там победило, объединение ва, в какой-то, значит, всеобщий Халифат. Ну, понятно, что, если., это полная иллюзия, и никакой халиф, и никакой царь, будь он в Москве или в Багдаде, никогда за нас наших вопросов и проблем не решит. Во-вторых, на какие выборы вы, а-а, собрались выходить: на «хайдарвалеевские» выборы или на «эллапонфиловские»? Кто вас вообще допустит, а если вы туда выйдете, что вам нарисуют, да и вообще, кто будет голосовать? Как один говорил же человек (усмехается): «Исламское государство провозгласить легко, где вы возьмете столько мусульман?». Нет и не было. Подвергать себя такому просто неоправданному риску, а-а, и, самое главное, — было бы за что, было бы во имя чего. Все эти цели, а-а, которые декларируются, вот этими, там, агитаторами или кем, они абсолютно недостижимы, мифичны. Тот путь, по которому надо идти, — это политическое просвещение, это борьба за права, свободы человека и гражданина в рамках модели светского государства, я подчеркиваю еще раз: светского государства, в рамках, а-а, демократического дискурса, либерального дискурса, а-а, в рамках дискурса нового федерализма. Никому не запрещается обсуждать конституцию, указывать на ее плюсы и минусы, достоинства и недостатки, предлагать абсолютно мирные, легальные, а, методы, формы наполнения конституционных норм новым содержанием. Вот в плане опять же федеративных отношений! И этим надо пользоваться! Но ставить какие-то вот совершенно недостижимые, мифические цели, да еще в условиях, а-а, такого драконовского законодательства — это значит заранее обречь ни в чем неповинных ребят на длительные тюремные сроки заключения»

(12:42-15:44). *Устранить* — от *устранять* — 'несов. перех. 1. Удалять, изымать, исключать. отг. перен. Изживать, ликвидировать' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/259892/устранять]; *правление* — от *править* — '1. Руководить, управлять, обладая властью' [Кузнецов 2005, с. 595]; *халиф* — '1. Титул государя, совмещавшего светскую и духовную власть как преемник Мухаммеда (в некоторых мусульманских странах); *калиф* 1. отг. Лицо, имеющее такой титул' [http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/262972/Халиф]; *государство* — '1. Политическая форма организации общества, осуществляющая управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры' [Кузнецов 2005, с. 138]; *путь* — '5. перен. Средство, способ достижения чего-либо. отг. Образ действия' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/232778/Путь];

4) **обнаруживает знание основных элементов идеологии партии «Хизб ут-Тахрир», раскрывает их**, оценивая с точки зрения применимости для установления **«нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»** (как мифические и иллюзорные, **неприменимые временно**: «по крайней мере, пока такие дракан., драконовские законы», «при таком законодательстве»): «Вообще, я начну, конечно, с четырнадцатого февраля две тысячи третьего года. Да, четырнадцатого февраля две тыщи третьего года, то есть уже, а-а, свыше пятнадцати лет, а-а, в этой стране, в которой есть конституция и в которой есть, а-а-а, знаменитая и очень классная статья — двадцать восемь, которая гарантирует свободу религии, вероисповедания, а-а-а, индивидуального, коллективного, не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями или вообще не исповедовать ничего. А-а, вот это вот очень мощная, двадцать восьмой статья. И вот в этой стране, у которой такая, ну, в целом неплохая конституция в плане прав и свобод человека и гражданина, действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправосудное решение Верховного суда Российской Федерации, я уже щас номер не помню, от четырнадцатого, ноль второго, ноль третьего» (00:56; на основе последующих высказываний и названия видеоролика создает подтекст: '**«Хизб ут-Тахрир» — организация, незаконно преследуемая по религиозному признаку на основе «неправосудного решения Верховного суда Российской Федерации»**: она имеет право на свободу религии, вероисповедания: «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»', т. е. действовать, см.: *поступать* — '3. Действовать, вести себя как-либо, каким-либо образом' [http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/222899/Поступать]); «Вот я сейчас говорю конкретно про вот этого **«Хизб ут-Тахрир»**. Четыре-пять строчек, а-а, говорится о том, что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить, а что такое устранить? Устранение – это вообще язык не ю., не юридический. Потому что под устранением можно пон., понимать все, что угодно. И

« » « , ».

всё, вербовка членов. Ни одного факта террористической деятельности нет» (06:23); «А-а, и делаю это, потому что на самом деле, **я считаю, что цели, которые вот эта партия ставит**, а, они абсолютно мифические, а-а, бесперспективные и безрезультатные. **То есть у них, а, цель какая, а-а-а, — значит, исламская политическая агитация, выход на выборы – второй шаг и третье, значит, — создание исламской формы правления, а четвертое — объединение всех вот этих огромных, там победило исламское правительство, там победило, объединение ва, в какой-то, значит, всеобщий Халифат.** Ну, понятно, что, если..., это полная иллюзия, и никакой **халиф**, и никакой царь, **будь он в Москве или в Багдаде**, никогда за нас наших вопросов и проблем не решит. Во-вторых, **на какие выборы** вы, а-а, собрались выходить: на «хайдарвалеевские» выборы или на «эллапонфиловские»? Кто вас вообще допустит, а если вы туда выйдете, что вам нарисуют, да и вообще, кто будет голосовать? Как один говорил же человек (усмехается): **«Исламское государство провозгласить легко, где вы возьмете столько мусульман?»**. Нет и не было. Подвергать себя такому просто неоправданному риску, а-а, и, самое главное, — было бы за что, было бы во имя чего. **Все эти цели**, а-а, которые декларируются, вот этими, там, агитаторами или кем, они абсолютно недостижимы, мифичны. **Тот путь, по которому надо идти**, — это политическое просвещение, это борьба за права, свободы человека и гражданина в рамках модели светского **государства**, я подчеркиваю еще раз: светского **государства**, в рамках, а-а, демократического дискурса, либерального дискурса, а-а, **в рамках дискурса нового федерализма**. **Никому не запрещается** обсуждать конституцию, указывать на ее плюсы и минусы, достоинства и недостатки, предлагать абсолютно мирные, легальные, а, методы, формы наполнения конституционных норм новым содержанием. **Вот в плане опять же федеративных отношений! И этим надо пользоваться! Но ставить какие-то вот совершенно недостижимые, мифические цели**, да еще в условиях, а-а, **такого драконовского законодательства** — это значит заранее **обрекать ни в чем неповинных ребят** на длительные тюремные сроки заключения» (12:42-15:44); «Тяжело говорить об, а-а-а, об этом, когда ты сам прекрасно знаешь, что ждет их. Не знаю, думаю, что, а-а, **участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве** не имеет никакого смысла, более того, оно наносит **определенный, а-а-а, вполне конкретный вред**» (16:08). Пока — '1. В течение некоторого времени; до сих пор еще; **впредь до чего-л.** || **Временно'** [БТС 2000, с. 892]; при — '4. **Употребляется при выражении обстоятельственных отношений, указывая на 1) явление, обстоятельство, сопровождающее что-либо, сопутствующее чему-либо 2) присутствие кого-либо, под присмотром, в сопровождении или под началом кого совершается действие 3) состояние, в котором кто-либо находится, пребывает. 6. Употребляется при выражении условных отношений, указывая на событие, явление, факт, которые являются условием для осуществления чего-либо'** [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/225477/При>].

Таким образом, в исследуемой видеозаписи **проводится мысль о том, что организация «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»», «Хизбы — террористы по разнарядке»** (см. название видеоролика): их

назначили террористами в плановом порядке. Спикер явно и скрыто утверждает, что на самом деле она:

1) является религиозной, исламской, ее члены — это мусульмане (в т. ч. татары и башкиры в Поволжье, на Урале), преследуемые по религиозному и национальному признаку, «ни за что», по «принадлежности к исламу»: «Вообще, я начну, конечно, с четырнадцатого февраля две тысячи третьего года. Да, четырнадцатого февраля две тыщи третьего года, то есть уже, а-а, свыше пятнадцати лет, а-а, в этой стране, в которой есть конституция и в которой есть, а-а-а, знаменитая и очень классная статья — двадцать восемь, которая гарантирует свободу религии, вероисповедания, а-а-а, индивидуального, коллективного, не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями или вообще не исповедовать ничего. А-а, вот это вот очень мощная, двадцать восьмой статья. **И вот в этой стране**, у которой такая, ну, в целом неплохая конституция в плане прав и свобод человека и гражданина, действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправосудное решение Верховного суда Российской Федерации, я уже щас номер не помню, от четырнадцатого, ноль второго, ноль третьего» (00:56); «Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир», а-а, напомню, что эта организация запрещена в России» (00:25). На основе последующих высказываний и названия видеоролика создается подтекст: '«Хизб ут-Тахрир» — организация, незаконно преследуемая по религиозному и национальному признаку на основе «неправосудного решения Верховного суда Российской Федерации»: ее члены (мусульмане) имеют право на свободу религии, вероисповедания: «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»'). «И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто срока. Вот во что вылилось вот это абсолютно неправосудное, юридически безграмотное решение Верховного суда Российской Федерации» (09:08); «Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет, но, а-а, вот эти, а-а, члены этой партии «Хизб ут-Тахрир», а-а-а, которые запрещенная, которая признана террористической, но она, эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, — это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания» (10:42); «Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан..., драконовские законы» (12:06). Разнарядка — '1) офиц. Распределение кого- или чего-л. в плановом порядке' [https://all_words.academic.ru/79101/разнарядка]; этнический

— 'прил. Связанный с принадлежностью к какому-либо этносу: племени, народности, нации' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/270805/Этнический>];

2) судебное решение о признании этой организации террористической является **неправомерным** («действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправоудное решение Верховного суда Российской Федерации»), поскольку:

а) «были попораны» абсолютно все «принципы судопроизводства»: «Ну, у нас есть а-основные нерушимые, а-а, принципы судопроизводства: это равноправие, это открытость, это гласность, это состязательность сторон, и вот эти все принципы, они все были попораны, абсолютно все!» (02:57); «И, а-а, вот зайдите в интернет, все это есть, я номер просто не помню, посмотрите вот этот, а-а-а-а, логику судебного решения. Там маленький абзац по каждой партии, там от пяти строчек до десяти строчек, и-и там нету, а-а-а, процессуального языка, там нету никакой совокупности доказательств. Всё судебное решение высшей (!) судебной инстанции этой страны напоминает собой просто оперативную справку спецслужбы. Ни доказательств, ни процессуалистики — вообще нет ничего» (05:27). Попрать — от попирать — '2. перен. Грубо нарушать что-либо, пренебрегать чем-либо' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/221675/попирать>];

б) ее «надо» было признать террористической, это «разнарядка»: «А, генпрокурор, не помню, кто тогда был, а-а, выкатил представление, что вот есть ряд организаций, а-а, которых надо запретить и признать террористическими» (02:45); «Там, а-а-а-а, в ходе вот этого одного всего лишь судебного заседания скопом признали, а-а-а, террористическими целый ряд организаций, там, я не з-помню, где-то десять с-с чем-то» (03:17); «И вот, а-а, в этот более чем там десять с чем-то, этот перечень и попала та-также «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»» (04:13); «И, а-а, вот зайдите в интернет, все это есть, я номер просто не помню, посмотрите вот этот, а-а-а-а, логику судебного решения. Там маленький абзац по каждой партии, там от пяти строчек до десяти строчек, и-и там нету, а-а-а, процессуального языка, там нету никакой совокупности доказательств. Всё судебное решение высшей (!) судебной инстанции этой страны напоминает собой просто оперативную справку спецслужбы. Ни доказательств, ни процессуалистики — вообще нет ничего» (05:27); «Хизбы - террористы по разнарядке. ВзгляАД № 31» (название видеоролика); «Так вот, вот в этом определении «Хизб ут-Тахрир» никогда, а она существует с пятьдесят какого-то года и со.., была создана где-то на Ближнем востоке, никогда, а-а-а, террористической деятельностью не занималась и террор как метод политической борьбы не рассматривала. Вот в чем проблема! Проблема, которая вылилась в том, что сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток. Раньше, а-а-а, там в нулевых годах, давали по полтора-два года членам этой партии, потом, а и судили их по двести восемьдесят второй статье, потом ввели для них двести восемьдесят вторую прим два, по-моему, и стали они получать три-четыре года, потом стали их, им накидывать, а-а-а, статью двести семьдесят восьмую «Попытка вооруженного захвата власти» через тридцатую, а-а-а, они соглашались, подписывались, получали ниже низшего, но это, это, это было уже пять тире семь лет, а потом, по-моему, в тринадцатом или в четырнадцатом году ввели специальную статью двести»

« » « , ».

*пять прим пять «Участие в террористической организации» — и всё, а там огромные, дикие срока, ужасные просто! И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто срока. Вот во что вылилось вот это абсолютно неправосудное, юридически безграмотное решение Верховного суда Российской Федерации» (07:50-09:33). Неправосудный — от неправосудие — 'ср. Судебное производство, основанное на нарушении прав, законов' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/195945/неправосудие>]; *накидывать* — 'Гнесов. перех. 1. Кидать, бросать что-либо куда-либо в каком-либо (обычно большом) количестве' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/190478/Накидывать>], контекстуально — *сниж.* 'Добавлять в большом количестве, увеличивать срок заключения, наказания'; *ужасный* — '4. перен. Чрезвычайный, крайний в своём' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/258069/Ужасный>]; *безграмотный* — '5. перен. Выполненный без знания дела, свидетельствующий о плохом знании предмета' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/140668/Безграмотный>]; *людоедский* — 'человеконенавистнический, безжалостный, варварский, негуманный, беспощадный, изуверски, зверский, феодальный, свирепый, кровожадный, бесчеловечный, каннибальский, жестокий' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/73286/людоедский]; *ни за что* — '= без вины, без провинности'.*

Явно спикер выражает побуждение, адресованное «членам» партии «Хизб ут-Тахрир», «заблудшим или одурманенным» «молодым ребятам», «не входить туда и не связываться» (с этой организацией). Однако в подтексте этого предостережения содержится скрытое **побуждение (в форме разрешения допустимого действия)**, адресованное мусульманам, входить в партию «Хизб ут-Тахрир», участвовать в ее деятельности после того, как перестанут действовать такие «драконовские законы» (= позже): «Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан..., драконовские законы» (12:06).

О целенаправленности речевых действий спикера свидетельствует жанр видеозаписи — обращение с предостережением, рекомендацией («Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан..., драконовские законы», 12:06;

« » « , ».

обращаться — от *обратиться* — '4. Направить свои слова, речь и т. п. к кому-, чему-л.' [Кузнецов 2005, с. 434]), свобода самовыражения (говорит от своего имени: «я»), использование оптатива «*хотеть*» (4 употребления!), средств **побуждения** целевой аудитории, а также **стройная система аргументации**, применение **стратегия убеждения, повторы ключевых слов и идей**: «*Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир», а-а, напомню, что эта организация запрещена в России. И вот как раз таки об этом я сейч-сейчас хотел рассказать. Смотрите, что мы вообще имеем. Но обо всем по порядку» (00:25); «Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто **предостеречь** этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы» (12:06); «И вообще хочу сказать, что, ня-а-а, в сложившихся условиях ни одна политическая сила вменяемая она вообще **не должна** ставить вопросы насилия, не просто, я про террор, я вообще здесь не говорю, вопросы насилия и неправовую форму в повестку дня вообще **не должна**. Это нанес.., нанесет только вред, и это приведет только к укреплению данного полицейского государства, что **абсолютно недопустимо**. Это все, что я хотел сказать сегодня» (16:37). Хотеть — '1. Иметь желание, намерение (что-л.); испытывать потребность, необходимость (1 зн.) в ком-, чем-л.' [Кузнецов 2005, с. 909]; *по порядку* — 'См. *последовательно*' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/233593/по], *последовательно* — '2. *перен.* Логически закономерно, не сопровождаясь противоречиями' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/222562/Последовательно>].*

Примечательно, что спикер лично **солидаризируется с членами партии «Хизб ут-Тахрир»** (прежде всего как с татарами и башкирами, в т. ч. гражданами Башкортостана) в идее создания нового государства — А. Дильмухаметов использует местоимения «*мы*», «*наши*» (его не устраивает лишь тип этого нового государства в идеологии «Хизб ут-Тахрир»; здесь осуществляется **частичное оправдание** деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир»): «Ну, понятно, что, если.., это полная иллюзия, и никакой **халиф**, и никакой **царь, будь он в Москве или в Багдаде, никогда за нас наших вопросов и проблем не решит**. Во-вторых, **на какие выборы вы, а-а, собрались выходить: на «хайдарвалеевские» выборы или на «эллапонфиловские»? Кто вас вообще допустит, а если вы туда выйдете, что вам нарисуют, да и вообще, кто будет голосовать?» (13:18); «И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто срока. Вот во что вылилось вот это абсолютно неправосудное, юридически безграмотное решение Верховного суда **Российской Федерации**» (09:08); «Тот путь, по которому надо идти, — это политическое просвещение, **это борьба** за права, свободы человека и гражданина в рамках**

« » « , ».

модели светского государства, я подчеркиваю еще раз: светского государства, в рамках, а-а, демократического дискурса, либерального дискурса, а-а, в рамках дискурса нового федерализма. Никому не запрещается обсуждать конституцию, указывать на ее плюсы и минусы, достоинства и недостатки, предлагать абсолютно мирные, легальные, а, методы, формы наполнения конституционных норм новым содержанием. Вот в плане опять же федеративных отношений! И этим надо пользоваться!» (14:28); «Что еще хочу сказать, ну, обращайтесь к новому врио, еще к кому-то, я не знаю. Пусть это тоже будет их тест и проверка на вшивость, потому что, а, те ребята, которые получают вот эти вот дикие срока, — это тоже наши граждане» (15:44); «И вообще хочу сказать, что, ня-а-а, в сложившихся условиях ни одна политическая сила вменяемая она вообще не должна ставить вопросы насилия, не просто, я про террор, я вообще здесь не говорю, вопросы насилия и неправовую форму в повестку дня вообще не должна. Это нанес., нанесет только вред, и это приведет только к укреплению данного полицейского государства, что абсолютно недопустимо. Это все, что я хотел сказать сегодня» (16:37).

Ответ на вопросы 1, 2:

Исследуемая видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31.тр4» характеризуется признаками:

1) публичности;

2) конфликтогенности, в ней:

а) осуществляется оправдание деятельности террористической организации «Партия исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)»;

б) выражается побуждение к борьбе за «новый федерализм», «ЧЕТВЕРТУЮ БАШКИРСКУЮ РЕСПУБЛИКУ». Тема «репрессий» членов партии «Хизб ут-Тахрир» рассматривается Дильмухаметовым в аспекте пользы / «вреда» для смены власти в Республике Башкортостан.

Несмотря на знание того, что организация «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») признана террористической и ее деятельность является запрещенной на территории РФ, А. Дильмухаметов:

1) для характеристики деятельности данной организации и ее членов намеренно использует нейтральные либо позитивные наименования, изображая членов партии как жертв массового государственного, российского террора по религиозному и национальному признаку;

2) действия судов и правительства в отношении членов этой организации он оценивает резко негативно как неправовые (члены организации «Хизб ут-Тахрир» — мусульмане, их судят и выносят им сроки незаконно, «ни за что», «по принципу вероисповедания»); нарушаются права

« » « , ».

членов партии «Хизб ут-Тахрир» *«не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»*);

3) несмотря на знание главной цели партии «Хизб ут-Тахрир» — установление исламского государства Халифат посредством *«устранения»* (спикер недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах устранения существующих правительств и вовлечения других людей в исполнение этих действий), А. Дильмухаметов отрицает террористическую сущность деятельности этой партии, снимает ответственность с ее членов, называя их «заблудшими или одурманенными» мусульманами, ни в чем неповинными ребятами;

4) обнаруживает знание основных элементов идеологии партии «Хизб ут-Тахрир», раскрывает их публично, оценивая с точки зрения применимости для установления *«нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»* (как мифические и иллюзорные, неприменимые временно: «по крайней мере, пока такие дракан., драконовские законы», «при таком законодательстве»).

Таким образом, в исследуемой видеозаписи проводится мысль о том, что организация «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»», «Хизбы» — это «террористы по разнарядке»: их назначили террористами в плановом порядке. Спикер явно и скрыто утверждает, что она:

1) является религиозной, исламской, ее члены — это мусульмане (в т. ч. татары и башкиры в Поволжье, на Урале), преследуемые по религиозному и национальному признаку, «ни за что», по «принадлежности к исламу»;

2) судебное решение о признании этой организации террористической является неправомерным, поскольку:

а) *«были попораны»* абсолютно все *«принципы судопроизводства»;*

б) ее *«надо»* было признать террористической, это *«разнарядка».*

3) члены партии «Хизб ут-Тахрир» имеют право «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями», т. е. действовать.

Явно спикер выражает побуждение, адресованное «членам» партии «Хизб ут-Тахрир», «заблудшим или одурманенным» «молодым ребятам», «не входить туда и не связываться» с этой организацией. Однако в подтексте этого предостережения содержится скрытое побуждение (в форме разрешения допустимого действия), адресованное мусульманам, входить в партию «Хизб ут-Тахрир», участвовать в ее деятельности после того, как перестанут действовать такие *«драконовские законы» (= позже).*

« » « , ».

О **целенаправленности речевых действий** спикера свидетельствует жанр видеозаписи (обращение с предостережением, рекомендацией), свобода самовыражения, использование оптатива *«хотеть»*, множественных средств побуждения целевой аудитории, а также стройная система аргументации, применение стратегия убеждения (что обнаруживает **признаки пропаганды**), повторы ключевых слов и идей.

Примечательно, что спикер лично **солидаризируется с членами партии «Хизб ут-Тахрир»** (прежде всего как с татарами и башкирами, в т.ч. гражданами Башкортостана) в идее создания **нового государства** — А. Дильмухаметова не устраивает лишь тип нового государства в идеологии «Хизб ут-Тахрир» (Халифат). В этой части выявленных смыслов осуществляется **частичное оправдание** деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир».

Высказывания А. Дильмухаметова направлены на формирование у целевой аудитории убежденности:

1) в несправедливости, неправомерности судебных решений в отношении партии «Хизб ут-Тахрир», ее членов;

2) в правильности части идей этой организации, справедливости и допустимости ее действий;

3) в необходимости лишь отложить на время участие в деятельности партии «Хизб ут-Тахрир».

Кроме того, в некоторых комментариях к исследуемой видеозаписи также содержится **конфликтотенная информация**, например в комментарии, написанном пользователем с ником *«Дар-уль-Ислам»*: *«1) С самого начала предостерегал хизбитов, когда стало понятно, что кремль начал зачистку в Татарстане, но люди реагировали слабо, к сожалению(2) **Цель прекрасна** и то что вы называете светским на самом деле является **бледной копией великого халифата прошлого**. 3) Их средства устарели, тут я согласен с вами, эта организация не имеет перспектив. Да и вообще никакой бренд и никакая ор-ия на данный момент **не способны переломить ход событий ни в каком регионе**. Как говорит бывший ученик Г. Джахидовича Харун Сидоров - «не высовывайтесь, пока сохраните себя и свой образ мышления, это лучшее что вы можете сейчас сделать для своей уммы». .... Но **мусульманам унывать не надо, я обращаюсь тем кто осознает себя именно как 1)Мусульманин + 2)Националист** а не наоборот где ислам служит как культурная надстройка. **Аллах откроет нам свой путь, надо лишь искать, просить и уметь ждать**. ИншаАллах. Искренность это ключ от всех дверей»* (стр. 7 Акта осмотра). Комментарий имеет 6 лайков; он обращен к мусульманам, которые также являются националистами; в нем выражается побуждение *«не высовываться»*, а ждать, сохраняя *«свой образ мышления»* (исламско-националистический), искать *«путь»* Аллаха для установления не светского государства, а *«великого*

« халифата» (пропагандируются идеи установления Халифата методами, приемлемыми для мусульман-националистов).

Комментарий «Василия Алибабаевича» содержит пропаганду идей партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (ее «четкой идеи» и «ясного метода» восстановления «исламского образа жизни», установления Халифата; этот «метод» не подразумевает демократические выборы, о которых говорит А. Дильмухаметов); в нем выражается призыв к изучению ее идеологии: «Аурат! У хизба есть четкая идея, и ясный метод, для того, чтобы восстановить исламский образ жизни! Что вы можете предложить народу? Прежде чем что-то говорить о хизбе, сначала изучите что она из себя представляет, и к чему призывает. Хизб, не ставит целью установить халифат в России, тем более через демократические выборы! Не несите ерунду, и не пудрите мозги людям! За теракты, немцова, и то что хизб никогда не занимался террористической деятельностью, я с вами согласен!» (стр. 7, 8 Акта осмотра; имеется 3 лайка).

«   »   «   »,   ».

Заключение комиссии специалистов № СЭ-272/19

по материалам уголовного дела № 11907800001000004
(в форме научно-методической рецензии)

г. Санкт-Петербург

«19» марта 2020 г.

Начато 20 февраля 2020 г. в 16 часов 45 минут.

Окончено 19 марта 2020 г. в 18 час 15 минут.

Основание производства комплексного экспертного исследования: обращение (адвокатский запрос № 01-20 от 15.01.2020, с дополнением к нему от 26.02.2020) адвоката А. В. Захарова, являющегося защитником А. А. Дильмухаметова по уголовному делу № 11907800001000004, находящемуся в производстве следственного отдела Управления ФСБ Российской Федерации по Республике Башкортостан.

Сведения о специалистах, выполнивших комплексное экспертное исследование:

- 1. председатель комиссии специалистов, специалист-лингвист** Жарков Игорь Вениаминович — начальник научно-методического отдела РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС), образование высшее филологическое (лингвист — специалист по структурной и прикладной лингвистике, со знанием английского языка, диплом с отличием РВ № 579491), кандидат филологических наук (специальность: «10.02.21 — Структурная, прикладная и математическая лингвистика», диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г.), стаж научной деятельности и работы по специальности — 30 лет; действительный член ГЛЭДИС, член правления ГЛЭДИС, свидетельство эксперта № 021-20/36-сэ от 10.01.2020 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 10 января 2020 г., протокол № 11; является одним из авторов методических рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы: Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. *Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов.* — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (**Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора**); имеет благодарность Председателя Суда по интеллектуальным правам;
- 2. специалист-психолог** Константинова Вероника Валерьевна, имеет высшее юридическое образование (специальность «правоведение», диплом ТВ № 420553, выданный в 1990 г. Ленинградским ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственным университетом им. А. А. Жданова) и высшее психологическое образование (психология, преподаватель психологии, диплом СА № 04807, выданный в 2011 г. Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего профессионального образования "Санкт-Петербургский государственный университет").

Перед началом производства исследования и составлением настоящей рецензии специалисты И. В. Жарков и В. В. Константинова, в соответствии с текстом адвокатского запроса, **ознакомлены** со следующими нормами законодательства РФ:

- п. 4 ст. 6 ФЗ от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (адвокат имеет пра-

---

1	Специалист	И. В. Жарков
---	------------	--------------

Специалист	В. В. Константинова
------------	---------------------

во привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи);

- п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ (защитник имеет право привлекать специалиста в соответствии со статьей 58 настоящего Кодекса);
- ст. 58 УПК РФ (полный текст правовой нормы — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/901ae0314296f33c4f33eb3a3385484cdf34d920/#dst100577);
- ч.1 ст. 74 УПК РФ (доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела; п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ; в качестве доказательств допускаются, помимо прочих, заключение и показания специалиста);
- ч. 3 ст. 80 УПК РФ (заключение специалиста — представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами);
- ч 4 ст. 80 УПК РФ (показания специалиста — сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 настоящего Кодекса);
- Статья 307 УК РФ (Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод

1. Заведомо ложные показание свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо при производстве предварительного расследования — наказываются штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до трех месяцев.

2. Те же деяния, соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, — наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок.

Примечание. Свидетель, потерпевший, эксперт, специалист или переводчик освобождаются от уголовной ответственности, если они добровольно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявили о ложности данных ими показаний, заключения или заведомо неправильном переводе.)

Вышеизложенные нормы законодательства Российской Федерации специалистам И. В. Жаркову и В. В. Константиновой разъяснены и понятны.

Специалист

И. В. Жарков

Специалист

В.В. Константинова

Специалисты И. В. Жарков и В. В. Константинова выражают свое согласие на передачу данного заключения, а также своих контактных данных защитой А. А. Дильмухаметова в СО УФСБ России по РБ и (или) в соответ-

ствующий суд, на явку по вызову следователя либо судьи для дачи показаний в качестве специалиста по предмету данного заключения.

Специалист

И. В. Жарков

Специалист

В.В. Константинова

Для производства исследования и составления настоящей рецензии в распоряжение комиссии специалистов предоставлены следующие **материалы** уголовного дела № 11907800001000004, находящегося в производстве следственного отдела УФСБ России по Республике Башкортостан:

- копия постановления о привлечении А. А. Дильмухаметова в качестве обвиняемого от 27.06.2019, на 3 л.;
- копия постановления о привлечении А. А. Дильмухаметова в качестве обвиняемого от 12.02.2020, на 11 л.;
- копия **постановления** о назначении комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы от 23.04.2019, вынесенного старшим следователем следственного отдела УФСБ России по Республике Башкортостан капитаном юстиции С. Н. Корепановым по материалам уголовного дела № 11907800001000004, на 2 л.;
- копия **экспертного заключения № 124** от 09 декабря 2019 года, составленного по результатам комплексной психолого-лингвистической экспертизы, проведенной экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой по материалам указанного уголовного дела на основании указанного постановления, на 62 л.;
- **видеофонограмма** «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31.mp4» (размер файла 97 195 841 байт, дата и время создания — 06.11.2018, 18:17) продолжительностью 17 минут 17 секунд;
- копия постановления о возбуждении уголовного дела от 04 октября 2019 года в отношении А. А. Дильмухаметова по ч. 2 ст. 280¹ УК РФ;
- копия протокола допроса эксперта Е. Е. Хазимуллиной, составленного старшим следователем следственного отдела УФСБ России по Республике Башкортостан майором юстиции С. Н. Корепановым 06.02.2020, на 57 л.;
- копия протокола допроса эксперта Е. А. Плехановой, составленного старшим следователем следственного отдела УФСБ России по Республике Башкортостан майором юстиции С. Н. Корепановым 06.02.2020, на 39 л.

Перед специалистами поставлены следующие **вопросы**.

- Обоснованно ли, с научной и научно-методической точки зрения, экспертное заключение № 124 экспертов — лингвиста Хазимуллиной Е.Е. и психолога Плехановой Е.А., от 09 декабря 2019 года, в том числе в части выводов, сделанных вышеуказанными экспертами?
- Соответствует ли экспертное заключение № 124 09 декабря 2019 года с точки зрения достоверности видеофонограмме «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31»?

Поставленные вопросы предполагают необходимость решения следующих **общих экспертных задач**:

- дать специальную научную (лингвистическую, психологическую, экспертологическую) и методическую оценку обоснованности промежуточных и итоговых выводов экспертов, представленных в экспертном заключении № 124 от 09.12.2019, составленном Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой;
- дать специальную научную (лингвистическую, психологическую, экспертологическую) и методическую оценку достоверности промежуточных и

итоговых выводов экспертов, представленных в указанном экспертном заключении;

- дать специальную научную (лингвистическую, психологическую, экспертологическую) и методическую оценку соответствия указанного экспертного заключения требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

Исследование выполнено **в форме рецензирования** представленного экспертного заключения № 124 от 09.12.2019, составленного экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой.

Настоящее заключение отражает результаты **комплексного психолого-лингвистического экспертного исследования текста экспертного заключения № 124** от 09.12.2019 по материалам уголовного дела № 11907800001000004, составленного экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой, являющегося в настоящее время частью материалов указанного уголовного дела.

Настоящее заключение составлено **в форме научно-методической рецензии** на экспертное заключение, содержит описание хода и результатов **исследований, проведенных в отношении специального текста** (текста экспертного заключения), выражает специальную **научную** (лингвистическую, психологическую, экспертологическую) **и методическую оценку** формы указанного экспертного заключения и его содержания, включающего в себя совокупность специальных суждений экспертов, относящихся к областям лингвистики и психологии, в которых специалисты обладают специальными знаниями.

Поскольку основанием для производства настоящего исследования является адвокатский запрос, процессуальный статус настоящего заключения может быть определен как **заключение специалистов**. Как и заключение эксперта, заключение специалиста отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемой процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — **судебно-экспертной деятельности**. Заключение специалиста содержательно относится к тому же жанру, что и заключение эксперта, и совпадает с ним по большинству параметров, **рассматривается в теории судебной экспертизы как часть судебно-экспертной деятельности**. Глубокий анализ системных свойств так называемой внесудебной, или досудебной экспертизы как части судебно-экспертной деятельности можно найти в монографии д. ю. н. С. А. Смирновой, в настоящее время — руководителя Российского федерального центра судебной экспертизы Министерства юстиции РФ, «Судебная экспертиза на рубеже XXI века» (с. 32–36). Как убедительно показано в этой работе, внесудебная экспертиза органично включена в деятельность судебно-экспертных учреждений, а также в правоохранительную деятельность государства, заключения специалистов составляют значительную долю в общем объеме продукции экспертного учреждения и имеют ту же цель, что и государственная судебно-экспертная деятельность, — установление доказательственных фактов с помощью специальных знаний; при последующем возбуждении судебных производств проведенные экспертные исследования, по результатам которых составляются заключения специалистов, на практике не отвергаются правоохранительными органами и судами, а признаются источниками судебных доказательств; внесудебные экспертизы, выполняющиеся в государственных судебно-экспертных учреждениях, как правило, проводятся и оформляются по правилам, установленным для государственной судебно-экспертной деятельности, в русле принципов и традиций этой деятельности, при этом в качестве основы проведения таких исследований принимаются методики судебно-экспертного исследования.

Нельзя недооценивать место и роль внесудебных экспертиз в общей структуре судебно-экспертной деятельности и рассматривать их как некую постороннюю деятельность. Следует заметить также, что как в гражданском, так и в уголовном процессе предусмотрен особый статус специалиста — лица, которое обладает специальными познаниями и применяет их в практике судопроизводства, в том числе в форме внесудебных экспертных исследований.

Объектом исследования, по результатам которого составлено настоящее заключение, является специальный (в частности, содержащий специальные суждения, относящиеся к областям лингвистики и психологии, излагаемые с использованием терминов указанных предметных областей) текст представленного экспертного заключения № 124 от 09.12.2019, составленного экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой, — документа в жанре экспертных заключений, приобщенного к материалам уголовного дела № 11907800001000004.

Из содержания запроса адвоката А. В. Захарова, являющегося основанием для производства исследования, по результатам которого составлено настоящее заключение, вытекает, что представленное **экспертное заключение № 124** от 09.12.2019, составленное Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой, **имеет в настоящем уголовном деле статус спорного**: защитой ставится под сомнение обоснованность и достоверность выводов экспертов, а также соответствие текста указанного заключения экспертов требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

Текст представленного экспертного заключения № 124 от 09.12.2019, составленного Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой, рассматривается специалистами как спорный материал, не получивший в данное время оценки, которая была бы зафиксирована в каком-либо судебном акте, вступившем в законную силу.

Научная и методическая литература:

1. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
3. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
5. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
6. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
7. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
10. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. проф. Е.Р. Россинской. — Москва, 2006.
12. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Престиж, 2005 г.;
13. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004;

14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
16. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007.
17. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
18. Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2002.
19. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. проф. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
20. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
21. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
22. Приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. № 277 "Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности", с приложениями. — <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12089652/>
23. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. — М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
24. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. – С. 18-27.
25. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки// Вестник Московского университета МВД России. 2018 (4). – С. 31-36.
26. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы №1 (41) 2016. – С. 118-126.
27. Андреева Г. М. Социальная психология. - М., 1997.
28. Анисимова Т.В. [и др.]. Основные методы психологического анализа политических текстов: Практикум по курсу лекций «Психология политической коммуникации» – СПб., 2007.
29. Донцов А.И. Психология и политика: истоки и перспективы сотрудничества // Вопросы философии, № 4, 1995.
30. Донцов А.И. О понятии «группа» в социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. № 4, 1997. — С. 17-25.
31. Донцов А.И. Психология коллектива: Методологические проблемы исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984
32. Донцов А.И., Дубовская Е.М., Улановская И.М. Разработка критериев анализа совместной деятельности // Вопросы психологии. № 2, 1998. — С. 61-71.

33. Донцов А.И., Токарева М.Ю. Социальный контекст как фактор взаимодействия меньшинства и большинства // Вопросы психологии. № 3, 1998. — С. 115—123.
34. Донцов А.И., Баксанский О.Е. Схемы понимания и объяснения физической реальности // Вопросы философии. № 11, 1998. — С. 75-90.
35. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита», Речь, 2003.
36. Ильин Е. П. Психология воли. - СПб.: Питер, 2000.
37. Ильин Е. П. Психология доверия. — М.: Питер, 2013.
38. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. - СПб.: Питер, 2006.
39. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология. - СПб.: Питер, 2001.
40. Ильин Е.П. Психология зависти, враждебности, тщеславия, Санкт Петербург: Питер, 2014.
41. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2009.
42. Клиническая психология / ред. Б.Д. Карвасарский. - М.: СПб: Питер, 2007.
43. Клиническая психология и психотерапия. - М.: Питер, 2012.
44. Ковалев А. Г. Психология личности. Изд. 3-е. – М.: Просвещение, 1970
45. Конфисахор А.Г. Психология политической власти. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009.
46. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н., «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» (М. : ЭКОМ-Паблишер, 2011. 326 с.)
47. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. К91 Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.
48. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) Издательство: Минск, 1999.
49. Крысько В.Г., Социальная психология: Курс лекций / В.Г. Крысько. — 3-е изд. — М.: Омега-Л, 2006. — 352 с;
50. Лебединский М. С, Мясичев В. Н Введение в медицинскую психологию. - Л., 1966.
51. Леонтьев А. А., Носенко Э. Л. Некоторые психолингвистические характеристики спонтанной речи в состоянии эмоционального напряжения // Общая и прикладная психолингвистика. - М., 1973.
52. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции: Конспект лекций. - М., 1971.
53. Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание //Вопросы философии. - 1972. - № 12. -С.
54. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. - М.: Педагогика, 1986.
55. Маклаков А. Г. Общая психология. - СПб.: Питер, 2000.
56. Маслоу А. Мотивация и личность. - М., 1998.
57. Межличностное восприятие в группе. Под науч. ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
58. Менделевич, В. Д. Клиническая и медицинская психология / В.Д. Менделевич. - М.: МЕДпресс-информ, 2008.
59. Менделевич, В. Д. Психиатрическая пропедевтика [Текст] / В. Д. Менделевич. — М. :Наука, 1997.— 496 с.
60. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П.. Большой психологический словарь– СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
61. Муздыбаев К. Переживание вины и стыда. - СПб.: СПб филиал института социологии РАН, 1995.
62. Муздыбаев К. Психология зависти // Психологический журнал. - 1997. -№6.-С.3-11.

63. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. - СПб.: Питер, 2006. - 1096 с.
64. Павлова Л.Г. / под ред. Л.А. Введенской/. Основы делового общения: учебное пособие. Изд. 2-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2009.
65. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы / Б.Д. Парыгин. — СПб: СПбГУП, 2010. — 533 стр.
66. Парыгин Б.Д. Социальная психология (учебное пособие) / Б.Д. Парыгин. — СПб: СПбГУП, 2003. — 616 стр.
67. Парыгин Б.Д. Анатомия общения / Б.Д. Парыгин. — СПб: изд. Михайлова, 1999.— 301 стр.
68. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б.Д. Парыгин. — СПб: СПбГУП, 1999. — 592 стр.
69. Парыгин Б.Д. Социальная психология территориального самоуправления / Б.Д. Парыгин. — СПб: Унигум, 1993.— 170 стр.,
70. Парыгин Б.Д. Научно-техническая революция и личность /— М.: Политиздат, 1978. — 240 стр.
71. Парыгин Б.Д. Научно-техническая революция и социальная психология/. — Л.: Ово «Знание» РСФСР, Ленингр. орг., 1976. — 39 стр.
72. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории/— М.: Мысль, 1971. — 352 стр
73. Платонов К. К. О системе психологии. - М., 1972.
74. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. - М., 1984.
75. Платонов К. К. Структура и развитие личности. – М.: Наука, 1986
76. Политическая психология: Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
77. Почебут Л.Г. Социальная психология / Л.Г. Почебут, И.А. Мейжис. – СПб.: Питер, 2010.
78. Почебут Л.Г. Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.
79. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история (2-е изд., доп. и испр.): Наука; Москва; 1979
80. Психология менеджмента / Под ред. проф. Г.С. Никифорова/ – 3-е изд. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2007.
81. Психология управления. Хрестоматия. Учебное пособие для факультетов: психологических, экономических и менеджмента / ред.-составитель Райгородский Д.Я. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2006.
82. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. - М., 1946 (переиздание - СПб.: Питер, 1999).
83. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. - М., 1957.
84. Столяренко Л. Д. Психология делового общения и управления. Учебник / Л. Д. Столяренко. — Ростов н/Д: Феникс, 2005. — 416 с.
85. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен — Санкт-Петербург: Речь, 2001. — 256 с.
86. Чикер В.А. Методология и методы социально-психологических исследований. Учебное пособие, изд. СПбГУ, 2010. – 136 с.
87. Шапиро С. А. Мотивация и стимулирование персонала. /М.: ГроссМедиа, 2005. - 224 с.

88. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002.

1. Относительно критериев специальной оценки представленного заключения

По мнению комиссии специалистов, для специальной научно-методической, лингвистической, психологической, экспертологической оценки представленного на исследование документа, являющегося частью материалов данного уголовного дела, могут иметь значение следующие обстоятельства.

Исходя из формы и содержания представленного на исследование документа (в дальнейшем также *рецензируемое заключение*), он представляет собой заключение экспертов, составленное на основании постановления следователя о назначении комплексной судебной экспертизы, вынесенного в рамках предварительного расследования уголовного дела, и отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентированному процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 1 указанного закона, с учетом положения ст. 41, распространяющей действие ряда основных положений закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, судебно-экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы государственными судебно-экспертными учреждениями, государственными и негосударственными судебными экспертами. Исходя из положений ст. 2 указанного закона, **задачей** судебно-экспертной деятельности является оказание содействия правоохранительным органам («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в **установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу**. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия».

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Заключение эксперта — «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую, помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и др.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на судебно-экспертную деятельность негосударственных судебных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.

Первую группу составляют **процессуально-правовые (общеюридические) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебно-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми и не зависящими от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- принцип независимости эксперта, в соответствии с которым при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);
- принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции: «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7). «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8);
- принцип объективности исследования: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;
- принцип проверяемости выводов эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования: «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);

- принцип полноты экспертного исследования («Эксперт проводит исследования... в полном объеме» — ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;
- принцип всесторонности исследования («Эксперт проводит исследования... всесторонне» — ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса.

Из текста закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41; в данном заключении для обозначения таких лиц используется термин *негосударственный эксперт*, применяемый также законодателем — ср. формулировку из ст. 16: «...осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта...»).

Правовой статус **эксперта** определяется прежде всего кругом его прав и обязанностей. Согласно ст. 16 указанного закона, эксперт **обязан**:

- принять к производству порученную ему судебную экспертизу;
- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении либо современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, — составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;
- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;
- обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;
- самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;

- сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;
- уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Установленные той же статьей запреты:

- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;
- осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта —

относятся только к государственным судебным экспертам.

Права эксперта определены в статье 17 указанного закона. Эксперт вправе:

- ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;
- делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;
- обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» включает в себя те положения, которые являются общими для разных видов судебного процесса. В то же время в **процессуальных кодексах** есть особые нормы, относящиеся к судебно-экспертной деятельности и являющиеся специфическими для каждого вида процесса. При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел, имеют свои особенности.

При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел, имеют свои особенности, а иногда существенно различаются.

Согласно статье 57 **Уголовно-процессуального кодекса РФ**, экспертом признается любое лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Эксперт в силу своего статуса в уголовном процессе вправе, в частности:

- 1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- 2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;
- 3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;
- 4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

В то же время эксперт не имеет права, в частности:

- 1) без ведома дознавателя, следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;
- 2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

Эксперт вправе возратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы, если представленных материалов недостаточно для ее производства или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является **комплексной**. Особенности производства комплексной экспертизы в уголовном процессе регламентированы ст. 201 УПК РФ.

В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел **каждый эксперт**, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, **подписывает ту часть заключения**, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

Ранее специалисты уже составили по данному уголовному делу два заключения:

- № СЭ-199/19 от 25.10.2019 в форме научно методической рецензии на экспертное заключение № 119 от 09.08.2019;
- № СЭ-206/19 от 16.11.2019 в форме научно методической рецензии на экспертное заключение № 120 от 20.08.2019.

Принимая во внимание, что:

- эксперт Е. Е. Хазимуллина в показаниях, данных ею на допросе, проведенном в рамках предварительного следствия по данному уголовному делу, зафиксированных в представленном для производства настоящего исследования протоколе допроса от 06.02.2020, сообщает (в утвердительной форме), что в указанных рецензиях «И.В. Жарков и В.В. Константинова, будучи лингвистом и психологом, в своем речевом произведении дают правовую оценку анализируемой ими судебной экспертизы, исходя из норм законодательства, считая их критериями специальной оценки...»;
- в настоящем заключении специалистов содержится описание хода и результатов проведенного специалистами исследования текста экспертного заключения № 124, методически аналогичного тем исследованиям текста экспертных заключений № 119 и № 120, которые были описаны специалистами в заключениях № СЭ-199/19 и № СЭ-206/19;
- в настоящем заключении специалистов содержится специальная оценка спорного текста экспертного заключения № 124 на основе критериев, полностью аналогичных критериям, примененным специалистами в ходе тех исследований текста экспертных заключений № 119 и № 120, которые были описаны специалистами в заключениях № СЭ-199/19 и № СЭ-206/19, —

специалисты полагают необходимым особо подчеркнуть, что имеющиеся у специалиста-психолога В. В. Константиновой документально подтвержденные специальные знания в области юриспруденции **НЕ применялись** в заключениях № СЭ-199/19 и № СЭ-206/19, а равно **НЕ применяются** в настоящем заключении для **выражения каких-либо суждений правового характера**. Оценка спорного текста представленного экспертного заключения Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой, являющегося частью материалов данного уголовного дела, производится специалистами **исключительно в терминах специальных научных и методических признаков**, которые, по мнению специалистов, могут свидетельствовать о его соответствии либо несоответствии требованиям, установленным законодательством о судебно-экспертной деятельности (в том числе указанным специальным законом и УПК РФ) в качестве обязательных при производстве судебно-экспертных исследований и составлении заключения эксперта. Вводя то или иное правовое понятие, законодатель в большинстве случаев использует при определении его содержания совокупность признаков, многие (как правило, большинство) из которых не носят правового характера. Установление наличия таких признаков в случаях, когда подлежащие выявлению признаки носят специальный характер, соответствующий компетенции эксперта или специалиста, не следует путать с правовой квалификацией обладающего устанавливаемыми специальными признаками объекта. Таковую правовую квалификацию тех или иных объектов производит суд с учетом существенно разнородных обстоятельств, включая признаки квалифицируемых объектов, носящие как фактический, так и специальный характер.

Эксперт Е. Е. Хазимуллина заблуждается, высказывая на допросе в утвердительной форме приведенное суждение о том, что специалисты считают критериями специальной оценки нормы законодательства. Как в ранее составленных по материалам данного уголовного дела заключениях № СЭ-199/19 и № СЭ-206/19, так и в настоящем заключении специалистов речь идет исключительно о том, что применяемые при рецензировании специальные критерии соотносятся с формулировками, введенными законодателем в качестве обязательных требований к содержанию судебно-экспертной деятельности и к описанию ее результатов в заключении эксперта. Существование установленных законом требований к содержанию экспертизы и процедуре ее проведения не влечет за собой необходимости признания проводимых экспертами (в рассматриваемых случаях —

Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой) исследований носящими правовой характер. С учетом изложенного, в качестве **ведущего критерия оценки** представленного на исследование документа рассматривается подлежащая выявлению в ходе исследования, результаты которого отражены в настоящем заключении специалистов в форме научно-методической рецензии, **совокупность специальных научных (лингвистических, психологических, экспертологических) и методических признаков** его соответствия либо несоответствия описанным требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям экспертов, **в части использования экспертами специальных познаний в области лингвистики, психологии, теории и практики судебной лингвистической экспертизы, теории и практики судебной психологической экспертизы, теории и практики судебно-экспертной деятельности.**

2. Относительно лингвистического понятийного и методического аппарата рецензируемого заключения

В списке литературных источников лингвистического раздела рецензируемого заключения (с. 13–16) присутствует ряд изданий Гильдии лингвистов-экспертов по документационным спорам (ГЛЭДИС), подготовленных под редакцией председателя правления Гильдии профессора М. В. Горбаневского, в частности, работы Е. И. Галящиной «Лингвистика vs экстремизма» (2006 года) и «Судебные лингвистические экспертизы в контексте рекомендаций Пленума ВС РФ № 3 от 24.02.2005 г.» (2005 года), «Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы» в первой редакции 2004 года и сборник «Понятия чести, достоинства и деловой репутации», изданный в 2004 году (п. 11, 12, 23, 27 указанного списка), а также методическое издание РФЦСЭ при МЮ РФ «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» 2011 года за авторством О. В. Кукушкиной, Ю. А. Сафоновой и Т. Н. Секераж (п. 38 указанного списка).

Вероятно, составителям рецензируемого заключения по состоянию на период времени, к которому относится его составление, не было известно о вышедших позднее, также соответственно под эгидой ГЛЭДИС и РФЦСЭ, изданиях, в которых содержатся важные уточнения целого ряда понятий и методов, применяемых экспертами в лингвистической части рецензируемого заключения, в том числе о книге «Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ», вышедшей в 2010 г., созданной по заказу Роскомнадзора авторским коллективом экспертов ГЛЭДИС в составе Ю. А. Бельчикова, М. В. Горбаневского и одного составителей настоящей рецензии И. В. Жаркова, а равно об издании «Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму», вышедшем в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России в 2014 году.

Возможно, именно этим объясняется то, что комплексная экспертиза, описанная в рецензируемом заключении, фактически была проведена экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой как две единоличных, полностью независимые друг от друга экспертизы. Совместно составлена и совместно подписана экспертами лишь вводная часть рецензируемого заключения. Исследовательская часть (раздел 2) рецензируемого заключения включает в себя подразделы «2.1. Методика лингвистического исследования», «2.2. Содержание лингвистического исследования», «2.3. Методика психологического исследования» и «2.4. Содержание психологического исследования». Подразделы 2.1 и 2.2 единолично подписаны экспертом-лингвистом Е. Е. Хазимуллиной; подразделы 2.3 и 2.4 единолично подписаны экспертом-психологом Е. А. Плехановой. Общая синтезирующая часть отсутствует. В тексте эксперта-психолога отсутствуют какие-либо отсылки к прове-

денному лингвистическому исследованию. Эксперт-психолог Е. А. Плеханова действует полностью независимо от эксперта-лингвиста Е. Е. Хазимуллиной, никак не использует установленные в ходе лингвистического исследования свойства спорных продуктов речевой деятельности.

Однако, скажем, в упомянутом издании ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России «Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму» 2014 года, игнорируемом экспертами (в отличие от более раннего издания 2011 года), особо подчеркивается необходимость именно комплексного подхода: «...компетенцию лингвиста и психолога в рамках комплексного исследования можно разграничить следующим образом: филолог-лингвист устанавливает, что конкретно сказано (показано), какой компонент значения выражен и какими языковыми средствами; **психолог, на основе описания сказанного (показанного), верифицированного лингвистом**, устанавливает направленность материала с точки зрения формируемых у адресата социальных установок». Только при таком подходе и таком порядке исследований возможным является установление соответствия/несоответствия тех или иных продуктов речевой деятельности диагностическому комплексу определения «экстремистских» значений.

Впоследствии эксперт Е. Е. Хазимуллина, будучи ознакомленной следователем с ранее составленными по материалам данного уголовного дела заключениями специалистов № СЭ-199/19 и № СЭ-206/19, в показаниях, данных ею на допросе, проведенном в рамках предварительного следствия по данному уголовному делу, зафиксированных в представленном для производства настоящего исследования протоколе допроса от 06.02.2020, подвергла критике обоснованно предлагаемое ФБУ РФЦСЭ при Министерстве юстиции понятие диагностического комплекса определения «экстремистских» значений (л. д. 189–191). Эксперт Е. Е. Хазимуллина приводит в обоснование отказа от применения диагностического комплекса определения «экстремистских» значений:

- ссылку на Постановление пленума ВС РФ от 28.06.2011, в действительности не содержащее суждений, противоречащих применению указанного комплекса в судебно-экспертной деятельности;
- описанное выше ограничение, налагаемое действующим законодательством о судебно-экспертной деятельности, устанавливающее принцип наличия у эксперта ограниченной процессуальной компетенции (одним из следствий существования этого принципа является, в частности, необходимость раздельного подписания заключения экспертами, проводящими комплексную экспертизу, в случаях, когда она проводится в рамках УПК РФ);
- ссылку на невозможность для лингвиста и психолога взаимной верификации результатов исследований;
- довод о невозможности совместного составления синтезирующей части заключения без такой взаимной верификации.

Изложенное демонстрирует недостаточное понимание Е. Е. Хазимуллиной формы и содержания, связанных с понятием синтезирующей части заключения экспертов разных специальностей. В частности, в синтезирующей части заключения эксперты, основываясь на ранее полученных ими раздельно промежуточных выводах и апеллируя лишь к самому факту предшествующего получения входящими в комиссию экспертами указанных выводов, совместно основывают на указанных выводах итоговые суждения по поставленным перед ними вопросам, зачастую относящимися к их совместной компетенции, — что не предполагает необходимости верифицировать выводы друг друга. При желании эксперта подчеркнута отграничить себя от суждений эксперта другой специальности и устранить даже малейшую возможность заподозрить его в том, что он их разделяет, вполне допу-

стимы ссылки на те разделы исследовательской части (раздельно подписываемые экспертами), откуда заимствуется тот или иной промежуточный вывод, используемый при получении выводов итоговых.

Таким образом, применяемые в рецензируемом заключении понятийный аппарат и методика исследования основаны на частично устаревших методических источниках, являются неполными и недостаточными для адекватного решения экспертных задач.

В лингвистической экспертизе **важнейшее значение имеют методология и методика экспертного исследования**. Они определяют как характер исследования, так и полученные выводы. Без знания методологических основ невозможно верно интерпретировать материал, извлекаемый из спорного текста, и делать доказательные выводы.

В связи с этим в методической литературе для судей, следователей и экспертов отмечается, например: *«Заключение эксперта должно быть обоснованным и допустимым. Заключение ...оценивается как научно обоснованное, если оно в должном объеме содержит полное описание всех методов анализа текста и их обоснованности, полученные количественные и качественные результаты, пояснения умозаключений, суждений и логических выводов, которые были сделаны... Допустимость ...состоит также в том, что методы и средства, используемые экспертом, должны быть надлежаще апробированы, а научные данные, положенные в основу его выводов, должны быть достоверно установлены...»* (см. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма. В помощь судьям, следователям, экспертам. / Под ред. проф. М.В.Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006, с.72; **данный источник указан в рецензируемом заключении в списке использованной экспертами литературы**).

В Методических пособиях Министерства юстиции РФ указано, что лингвистическая экспертиза *«относится к семантическим исследованиям»*; *«лингвистический анализ этих средств позволяет установить, что именно сказано в тексте (о предмете речи, об отношении к нему, о целях сообщения адресату информации). По объекту и по цели этот анализ является семантическим. Лингвистический семантический анализ опирается прежде всего на знания о значениях языковых единиц и о способах их использования, в той или иной мере отражаемые в словарях и лингвистических описаниях (прежде всего в грамматиках)»* (см. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ, 2011, с.21, с.33 и др. — **данный источник указан в рецензируемом заключении в списке использованной экспертами литературы**; Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ, 2014, с.15) *[выделено специалистами]*.

Данное в рецензируемом заключении **обозначение методов лингвистического исследования** следует характеризовать как **неточное и неполное**. Однако именно применяемые в экспертизе методы являются важнейшим аргументационным фактором заключения эксперта (см. Бельчиков Ю.А, Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические материалы по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ – М., 2010, с.34). В рецензируемом заключении эксперт Е. Е. Хазимуллина практически декларативно перечисляет в форме нумерованного списка некий ряд методов и видов анализа (с. 5)¹, указывая назначение этих методов и видов анализа, но не приводя каких-либо сведений, рас-

¹ Следующее за указанным нумерованным списком описание понятийного аппарата лингвистического исследования (с. 6–12) включает в себя описание ряда терминов, не содержит сведений о применяемых в ходе исследования методах.

крывающих содержание самих методов. В числе прочих экспертом Е. Е. Хазимуллиной заявлены следующие методы: «логико-грамматический анализ» (п. 3 нумерованного списка); «интент-анализ» (п. 5 нумерованного списка); «дискурс-анализ» (п. 9 нумерованного списка).

Однако, исходя из содержания рецензируемого заключения, заявленный экспертом-лингвистом Е. Е. Хазимуллиной метод логико-грамматического анализа так и не был ею применен: если исходить из предположения о том, что содержание проведенных исследований описано в рецензируемом заключении полностью (как этого требует действующее законодательство об экспертизе), приходится констатировать, что эксперт-лингвист вовсе не занималась установлением типа пропозиции, вопреки заявленному на с. 5 рецензируемого заключения в п. 3 нумерованного списка при описании данного метода: в исследовательской части заключения отсутствуют какие-либо упоминания о пропозициях, суждения об их типах, суждения с интерпретацией грамматических форм и т. п.

Следует иметь в виду, что часть методов, заявленных на с. 5 рецензируемого заключения, в языкознании просто не существует. Так, в лингвистике отсутствует некий общепринятый и общепризнанный *метод дискурс-анализа*. Дискурсивным анализом, или дискурс-анализом, иногда называют **совокупность аналитических методов** интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях. Соответственно, в зависимости от выбора конкретных методов исследования наполнение понятия, выражаемого термином *дискурс-анализ*, будет различным. Поскольку эксперт Е. Е. Хазимуллина не считает нужным указать в рецензируемом заключении, какие именно методы она подразумевает под этим термином, указывая на с. 5 лишь назначение этого метода, но не раскрывая его содержания, понимание данного термина в тексте рецензируемого заключения возможно лишь по догадке, что препятствует верификации полученных в ходе экспертизы результатов и представляет собой **специальный** (научно-методический) **признак несоответствия** рецензируемого заключения **принципу проверяемости выводов** эксперта, закрепленного ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»). На с. 5 исследуемого заключения указано, что этот метод применялся экспертом Е. Е. Хазимуллиной «для более точной интерпретации результатов порождения и понимания речи в конкретных социально-политических, культурно-исторических, психологических условиях коммуникации, в которых говорящие определенным образом означивают действительность, реализуют свои роли, намерения, оказывают воздействие на мысли, чувства, поведение друг друга и которые обуславливают содержательные, жанрово-стилевые, языковые и иные особенности текста». Подобное описание в высокой степени согласуется с описанным выше понятием дискурс-анализа как совокупности методов, предназначенных для решения определенного круга задач, но не содержит информации о конкретных способах их решения. Известным является то, какие именно задачи призван решать дискурс-анализ, но каким образом указанные задачи решаются с применением этой совокупности не называемых экспертом конкретных методов, по-прежнему остается неизвестным. Проверить корректность применения экспертом процедуры, обозначенной в рецензируемом заключении ярлыком «дискурс-анализ», не представляется возможным, поскольку неизвестно, что именно эта процедура должна включать в себя. Сообщаемая экспертом Е. Е. Хазимуллиной на допросе информация о том, что она использует термин *дискурс-анализ* в соответствии с подходом, описанным в работе В. Е. Чернявской (л.д. 235) — существенно заметить, что указанная работа в списке литературы ни в спор-

ном тексте рецензируемого заключения, ни в тексте заключений № 119 и № 120 не включена, — увы, не меняет ситуацию кардинальным образом, поскольку цитируемое экспертом на допросе (видимо, по памяти: в протоколе допроса отсутствуют сведения о том, что допрашиваемое лицо пользовалось при производстве указанного следственного действия какими-либо материалами) описание дискурс-анализа как последовательности этапов исследования не устраняет рассматриваемую проблему: отсутствует описание конкретных методов исследования, подлежащих применению на каждом из этапов.

Аналогичная критика описанной методической ошибки, допущенной Е. Е. Хазимуллиной в экспертных заключениях № 119 и № 120, ранее была высказана специалистами в заключениях № СЭ-199/19 и № СЭ-206/19. В показаниях, данных экспертом Е. Е. Хазимуллиной на допросе, проведенном в рамках предварительного следствия по данному уголовному делу, зафиксированных в представленном для производства настоящего исследования протоколе допроса от 06.02.2020, она, отвергая, данную критику, фактически лишь подтверждает ее справедливость. Так, допрашиваемое лицо пытается свести данную проблему к действительно существующей в науке неоднозначности термина *метод* как такового, и ссылается на то, что «дискурс и дискурсивный анализ включены **как область исследований** в паспорт научной специальности» (л.д. 234, выделение комиссии специалистов), «в настоящее время дискурсивный анализ вполне институализировался как особое (хотя и междисциплинарное) **научное направление**» (л.д. 234, выделение комиссии специалистов).

Специалисты полагают, что эксперт Е. Е. Хазимуллина могла бы избежать высказанной выше критики, связанной с понятием дискурс-анализа, если бы последовательно указывала в своих заключениях (как в рецензируемом заключении, так и в заключениях № 119 и № 120) при перечислении применяемых ею «лингвистических и лингвосомиотических» (с. 5) методов, в соответствии с содержанием данных ею на допросе показаний, что термин *метод* в данном случае следует понимать в значении ‘область исследований; научное направление’. По крайней мере, подобное уточнение в значительной степени снизило бы вероятность введения суда в заблуждение в силу неоднозначности применяемой экспертом терминологии, особенно актуальной с учетом того, что в рецензируемом заключении (как, впрочем, и в заключениях № 119 и № 120) определение термина *метод* отсутствует.

Не является методом лингвистического исследования и метод *интент-анализа*, разработанный в Центре психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук под руководством Т. Н. Ушаковой и Н. Д. Павловой, предназначенный для диагностики особенностей сознания человека, продуцировавшего тот или иной текст. Метод интент-анализа имеет несколько версий, отличающихся по составу вовлекаемых в сферу рассмотрения категорий так называемых «интенций» (в психологии данным термином обозначается субъективная направленность на некий объект, активность сознания субъекта). В частности, в базовой методике Т. Н. Ушаковой выделяются 4 категории интенций, которые условно обозначены как «мы», «они», «третья сторона» и «ситуация». Результаты использования метода интент-анализа, как правило, представляются в табличной форме со столбцами «Категория», «Код», «Частота», «Процентная доля кодов», «Количество слов», «Процентная доля слов». Обязательным при применении метода интент-анализа в любой версии является получение количественных данных, описывающих распределение интенций и кодов в тексте, с последующей их психологической интерпретацией. Сказанное позволяет констатировать, что указание метода интент-анализа в числе применяемых экспертом Е. Е. Хазимуллиной методов представляет собой специальный (научно-методический и лингвистический) признак **прямого грубого нарушения** экспертом Е. Е. Хазимуллиной при производстве экспертизы **принципа наличия**

у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции, закрепленного ст. 7 и 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями», «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...»).

Сообщаемая экспертом Е. Е. Хазимуллиной на допросе в связи с аналогичной критикой, высказанной специалистами в отношении текста экспертных заключений № 119 и № 120, информация о том, что она, с одной стороны, признает, что метод *интент-анализа* действительно разработан в психологии (а следовательно, это именно тот психологический метод исследования, о котором сказано выше), а с другой стороны, ссылается на факты его описания в учебном пособии «Риторика», изданном в г. Кемерово в 2011 г., в монографии «Теория и методика лингвистического анализа политического текста», изданной в Екатеринбурге в 2016 г., и в статье, Н. К. Радиной «Интент-анализ онлайн-дискуссий» (л.д. 236), — существенно заметить, что ни одна из указанных работ в списке литературы ни в спорном тексте рецензируемого заключения, ни в тексте заключений № 119 и № 120 не включена, — увы, никак не отменяет того факта, что никаких высказываний, которые могли бы рассматриваться как содержащие сведения о ходе исследований, проведенных Е. Е. Хазимуллиной методом интент-анализа, ни в спорном тексте рецензируемого заключения, ни в текстах заключений № 119 и № 120 не наблюдается. Е. Е. Хазимуллина показывает на допросе, что в заключениях № 119 и № 120 представлены лишь его результаты (л.д. 236), то есть, по определению интент-анализа, психологическая интерпретация неких количественных данных, описывающих распределение интенций и кодов в тексте, полученных экспертами, но не представленных ими ни в рецензируемом заключении, ни в заключении № 119, ни в заключении № 120.

3. Относительно содержания лингвистического исследования, описанного в рецензируемом заключении

Лингвистические исследования, произведенные экспертом Е. Е. Хазимуллиной, описаны в подразделе 2.2 рецензируемого заключения (с. 17–49), включающем в себя наряду с описанием собственно исследований также выводы по поставленным перед экспертом вопросам.

3.1. Структура разделов спорного текста, содержащих описание содержания лингвистического исследования

Указав установленные экспертом объекты лингвистического исследования (с. 17), эксперт переходит к подразделу «Общая характеристика исследуемых материалов», в котором Е. Е. Хазимуллина:

- дает формальное описание представления видеофонограммы, в отношении которой перед экспертами поставлены вопросы следствия, в представленном на экспертизу акте осмотра интернет-ресурса, включающее в себя указание ее продолжительности и факта расположения на интернет-ресурсе Youtube (с. 17);
- **на основании изложенного выше¹** приходит к промежуточному выводу («Следовательно...») о том, что указанная видеофонограмма «обладает при-

¹ Выделение в данном контексте полужирным шрифтом словосочетания «на основании изложенного выше», соответствующего использованному в тексте рецензируемого заключения вводному слову *следовательно*, связано с тем обстоятельством, что данное словосочетание в существенно сходном, близком к тождественному контексте, исходя из предположения о достоверности сообщаемых Е. Е. Хазимуллиной на до-

знаком публичности», раскрывая при этом содержание употребленного экспертом словесного обозначения *публичность* не как понятие, связанное со специальным термином, но как значение общеупотребительного слова, подлежащего толкованию на основе одного из словарных значений прилагательного *публичный*, фиксируемых в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой (с. 17);

- высказывает обобщающее суждение о том, что подлежащая исследованию экспертами видеофонограмма характеризуется признаком конфликтогенности, поскольку в ней «осуществляется оправдание деятельности террористической организации «Партия исламского освобождения («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)»: спикер проводит идею '«Хизб ут-Тахрир» — организация, незаконно преследуемая по религиозному и национальному признаку на основе «неправосудного решения Верховного суда Российской Федерации»: ее члены (мусульмане) имеют право на свободу религии, вероисповедания: «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»' и «выражается побуждение к борьбе за «новый федерализм», «ЧЕТВЕРТУЮ БАШКИРСКУЮ РЕСПУБЛИКУ» (с. 17), не приводя конкретных высказываний, в которых экспертом такие побуждения и такая пропаганда обнаружены. Данное суждение, не основанное на изложенном экспертом в предыдущем контексте, которое в дальнейшем фактически используется в составе вывода по поставленным перед экспертом вопросам, здесь предваряет описание исследований, позволивших Е. Е. Хазимуллиной прийти к этому выводу.

Затем эксперт цитирует и кратко описывает «некоторые комментарии» (два комментария) пользователей, не являющиеся частью видеозаписи, в отношении которой перед экспертами поставлены вопросы следствия, отмечая конфликтогенный характер содержащейся в них информации и характеризуя их содержание (с. 17–18). С данным описанием, по мнению специалистов, следует согласиться, несмотря на практически полное отсутствие обоснования приводимых Е. Е. Хазимуллиной суждений (если не считать таким обоснованием выделение отдельных слов и словесных конструкций в составе комментариев полужирным шрифтом и (или) подчеркиванием).

В дальнейшем тексте рецензируемого заключения в части, содержащей описание проведенных экспертом Е. Е. Хазимуллиной исследований видеофонограммы, в отношении которой перед ней поставлены вопросы, каких-либо упоминаний об указанных комментариях не имеется. Эксперт возвращается к ним лишь в выводах по поставленным перед ней вопросам (с. 45).

Можно констатировать, что суждения эксперта, относящиеся к указанным комментариям, не используются ею в ходе исследования видеофонограммы, в отношении которой перед экспертами поставлены вопросы. В частности, указанные комментарии не рассматриваются экспертом в качестве контекста, в котором находилась спорная видеофонограмма по состоянию на 14 ноября 2018 г. (на дату проведения осмотра, результаты которого были предоставлены в распоряжение экспертов в виде копии Акта осмотра интернет-сайта).

просе сведений, зафиксированных представленным протоколом ее допроса от 06.02.2020, не было ею замечено ни в тексте ранее составленного специалистами заключения № СЭ-199/19 от 25.10.2019, ни в тексте ранее составленного специалистами заключения № СЭ-206/19 от 16.11.2019: в ходе указанного допроса эксперт Е. Е. Хазимуллина утверждала, что специалистами значение слова *следовательно* не было принято во внимание («не замечая значения слова «следовательно»), в связи с чем и только в связи с чем Е. Е. Хазимуллина полагает, что вывод специалистов о способе установления экспертами признака публичности видеозаписи является ошибочным (л. д. 229).

Таким образом, в ходе исследования эксперт игнорирует установленное ею обстоятельство, а именно: один из комментариев, составляющих контекст спорной видеофонограммы в составе представленных на экспертизу материалов, «содержит пропаганду идей партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (с. 18), причем указанная пропаганда неразрывно соединена с критикой воззрений А. Дильмухаметова и вступает в антагонистическое противоречие с идеей «демократических выборов, о которых говорит А. Дильмухаметов» (с. 18). Описанное обстоятельство по меньшей мере ставит под сомнение совместимость взглядов А. Дильмухаметова с идеологией партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», что является потенциально существенным для выводов по поставленным перед экспертами вопросам, и, исходя из принципа всесторонности экспертного исследования, предполагающего необходимость принимать во внимание все факторы (признаки представленного объекта), свидетельствующие как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса, можно констатировать, что игнорирование описанного обстоятельства, установленного экспертом, в ходе дальнейшего исследования, является **экспертологическим признаком несоответствия рецензируемого заключения принципу всесторонности экспертного исследования.**

В подразделе «ВОПРОСЫ № 1, 2» эксперт Е. Е. Хазимуллина воспроизводит содержащиеся во вводной части рецензируемого заключения формулировки вопросов № 1 и № 2, затем переходит к собственно исследованию по поставленным перед ней вопросам (с. 18–49).

Текст указанного подраздела преимущественно организован в виде последовательности различных нумерованных списков, во многие высказывания эксперта включены пространные цитаты из речевого содержания исследуемой экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой видеофонограммы. Эксперт Е. Е. Хазимуллина активно применяет скобки, не менее активно пользуется бессоюзными сложными предложениями, части которых разделяются преимущественно запятыми и точками с запятой. В тексте встречаются абзацы длиной свыше 3 страниц (с. 18–21, 24–29, 35–38). Значительная доля текста данного раздела характеризуется шрифтовым выделением (*курсив, полужирный шрифт, подчеркивание* в различных сочетаниях)¹. Значение этого выделения в рецензируемом заключении не описано. Сопоставление стенограмм с реальным речевым содержанием видеофонограммы исключает его интерпретацию как способа отражения супrasegmentных (интонационных, динамических, квантитативных и т. п. параметров устной речи). Вероятно, эксперт Е. Е. Хазимуллина рассматривает выделяемые ею высказывания и фрагменты высказываний как особо значимые для лингвистического исследования. Отсутствие указаний на значение данного шрифтового выделения в тексте ре-

¹ Данное обстоятельство выглядит в глазах специалистов особо значимым, особенно с учетом того, что **эксперт Е. А. Плеханова в ходе ее допроса**, отраженного в представленном протоколе допроса от 06.02.2020, **характеризует подобное шрифтовое выделение** ключевых, в том числе многократно повторенных, идей (правда, в тексте заключений специалистов № СЭ-199/19 от 25.10.2019 и № СЭ-206/19 от 16.11.2019), как **«прием суггестивного воздействия»** (л. д. 260). **Следуя этой логике**, пришлось бы констатировать, что (1) весь лингвистический раздел рецензируемого заключения буквально проникнут суггестивным воздействием, оказываемым Е. Е. Хазимуллиной на читателей; (2) суггестивный характер носит подача в спорном тексте рецензируемого заключения с использованием подобного шрифтового выделения продуктов устной речевой деятельности А. Дильмухаметова. При этом графическое выделение экспертами в речи обвиняемого тех или иных слов и выражений не соответствует каким-либо супrasegmentным (интонационным, динамическим, просодическим и т. п.) особенностям устной речи, зафиксированной исследуемой экспертами видеофонограммой, и тем самым **искажает посредством исходящей от эксперта Е. Е. Хазимуллиной суггестии представление исследуемого экспертами продукта речевой деятельности, а выводы эксперта основаны на искаженном таким образом речевом материале.**

цензурируемого заключения препятствует проверке его корректности — не представляется возможным проверить, насколько обоснованным является выделение того или иного фрагмента, так как критерии, по которым производится выделение, не представлены экспертом и могут быть определены исключительно по догадке¹. Однако, поскольку шрифтовое выделение непосредственного влияния на содержание суждений и выводов эксперта Е. Е. Хазимуллиной, содержащихся в рецензируемом заключении, подлежащем буквальной интерпретации в соответствии с требованиями жанра как текст на современном русском языке как государственном языке Российской Федерации, не оказывает, **отсутствие надлежащего обоснования шрифтового выделения не может рассматриваться как существенный недостаток рецензируемого заключения.**

Поскольку перечисленные факторы существенно затрудняют восприятие читателем структуры спорного текста рецензируемого заключения, в целях обеспечения более ясного понимания логики экспертов специалисты полагают целесообразным привести **более наглядное представление** структуры рассматриваемого подраздела с использованием разных уровней левого отступа, отражающих синтаксическую и смысловую вложенность словесных конструкций, наблюдаемых в письменной речи Е. Е. Хазимуллиной. Применяемое ею шрифтовое форматирование (полужирный шрифт, подчеркивание) сохраняется. **Комментарии** специалистов, **описательные** по отношению к секвеструемым (пропускаемым при цитировании) фрагментам текста рецензируемого заключения, размещаются в угловых скобках (<>). Фрагменты спорного текста, воспроизведенные экспертами в тождественном либо близком к тождественному виде в подразделе «**Ответ на вопросы 1, 2**» рецензируемого заключения, выделяются **помещением в прямоугольную рамку**. С учетом сделанных в настоящем абзаце примечаний, текст рассматриваемого подраздела представлен здесь полностью:

В представленной для исследования видеозаписи «Хизбы – террористы по разнарядке. Взгляд № 31.mp4» имеются следующие высказывания:

1. <пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>;
2. <пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>;
3. <пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

В приведенных высказываниях реализованы следующие **коммуникативные намерения** спикера Айрата Дильмухаметова (см. его самопрезентацию в высказывании: «Добрый вечер. Программа «Взгляд», **Айрат Дильмухаметов**, кандидат в Президенты Республики Башкортостан», 00:05):

- 1) явные:

¹ В связи с аналогичной критикой отсутствия описания значения и назначения шрифтового выделения при цитировании исследуемых экспертами продуктов речевой деятельности в экспертных заключениях № 119 и № 120 эксперт Е. Е. Хазимуллина в показаниях, зафиксированных представленным протоколом ее допроса, упрекает специалистов в том, что последние «не сумели / не захотели определить» «значение графических выделений», указывая, что в приведенных в экспертных заключениях контекстах «имеются детали, значимые для понимания социально-политической деятельности одного из «самых непримиримых оппозиционеров»; «данные контексты являются важным показателем успешности коммуникативной деятельности А. Дильмухаметова» (л.д. 229). Попытка экстраполяции этих показаний на рецензируемое заключение показывает, что применительно к первому же подвергнутому подобному шрифтовому выделению высказыванию (высказыванию пользователя «Дар-уль-Ислам» «С самого начала предостерегал **хизбитов**, когда стало понятно, что **кремль начал зачистку в Татарстане**, но люди реагировали слабо, к сожалению», с. 17) описанные показания не могут рассматриваться как достаточное объяснение значения и назначения шрифтового выделения, о котором идет речь. В частности, совершенно непонятно, о каких деталях социально-политической и о какой успешности коммуникативной деятельности обвиняемого говорит здесь пользователь «Дар-уль-Ислам». Не меньшее недоумение вызывают, например, различия между значением выделения экспертами одних фрагментов исследуемых ими продуктов речевой деятельности полужирным шрифтом без подчеркивания, а других фрагментов — полужирным шрифтом с подчеркиванием и т. п.

- а) сообщить (информировать) о женщинах, женах, «мамах» «тех мусульман, которые попали под каток репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир»», о том, что они «пишут», спрашивают А. Дильмухаметова: «что быть и как делать»:
 <пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.
 <Приводится словарное значение глагола рассказать>;
- б) о том, что Дильмухаметов и другие люди знают, что такое «терроризм», «террористическая деятельность» и кто ее на самом деле ведет:
 <пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.
 <Приводятся словарные значения глагола знать>;
- в) обратиться к «заблудшим или одурманенным» членам партии «Хизб ут-Тахрир», предостеречь их от временного («по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», «при таком законодательстве») вхождения в эту партию, участия, членства и от постановки «вопроса насилия и неправовой формы» в «повестку дня»:
 <пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.
 <Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:
- глагола *обращаться*;
  - глагола *предостеречь*;
  - вводного оборота *по крайней мере*;
  - наречия *пока*;
  - предлога *при*;
- г) посоветовать, чтобы матери и жены членов партии «Хизб ут-Тахрир» обращались за защитой и помощью к «новому врио, еще к кому-то» (имеются в виду представители власти), чтобы проверить их на «вшивость»:
 <пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.
- 2) скрытые (выявляются на основе заложенных, в т. ч. манипулятивно навязываемых пресуппозиций):
- а) выражение негативной оценки (= обвинения) России
 (используется пренебрежительное наименование «эта страна»), **российских властей, спецслужб, судов (в т. ч. Верховного суда РФ), их действий, в частности в отношении организации «Хизб ут-Тахрир», ее членов, а также выражение негативной оценки положения дел в Республике Башкортостан**
 («Взгляд №31», 00:00, надпись на фоне флага Башкортостана), **действий башкирских властей**
 (выявляется скрытый смысл, выражаемый намеком, – 'они вшивые': «Что еще хочу сказать, ну, обращайтесь к новому врио, еще к кому-то, я не знаю. Пусть это тоже будет их тест и проверка на вшивость, потому что, а, те ребята, которые получают вот эти вот дикие срока, – это тоже наши граждане», 15:44.
 <Приводится словарное значение наречия тоже>
-):
- <пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.
 Для выражения **негативной оценки, реализации стратегии обвинения, дискредитации** используются следующие наименования:
 <Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:
- существительного *разнарядка*;
  - существительного *ад*;
  - местоимения *этот*;
  - прилагательного *дикий*;
  - прилагательного *неправосудный*;

- наречия *абсолютно*;
- глагола *выкатить*, > контекстуально – сниж., негативно-оценочное 'предъявить требование (запретить, признать террористическими)'
(см.: «выкатил представление, что вот есть ряд организаций, а-а, которых надо запретить и признать террористическими»: надо – 'в функц. сказ.; обычно с инф. Необходимо, следует; нужно' [Кузнецов 2005, с. 419]

>);
<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- наречия *скопом*;
- существительного *проблема*;>

попасть под каток – используется в переносном значении 'попасть под нечто очень тяжелое, убийственное';

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- существительного *репрессия*;
- глагола *накидывать*>, контекстуально – сниж. 'Добавлять в большом количестве, увеличивать срок заключения, наказания';

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- прилагательного *ужасный*;
- прилагательного *безграмотный*;
- прилагательного *людоедский*>;

ни за что – '= без вины, без провинности';

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- наречия *показательно*;
- глагола *убить*;
- глагола *казнить*;
- существительного *запугивание*;
- существительного *устрашение*;
- прилагательного *террористический*;
- существительного *терроризм*;
- прилагательного *лютый*;
- приводится словарное значение прилагательного *антиконституционный*;
- существительного *беспредел*;
- местоимения *какой*;
- местоимения *такой*;
- прилагательного *драконовский*;
- термина *полицейское государство* из специального источника, отражающее понятие, существующее в специальной области политологии>.

Негативный образ полицейского государства, с драконовским законодательством, репрессирующего невинных граждан, мусульман, создается спикером для реализации главной, но в то же время вуалируемой, его коммуникативной цели, см. следующий пункт;

- б) **предвыборная агитация** за Айрата Дильмухаметова как Президента Республики Башкортостан, **призыв к борьбе за «новый федерализм», «ЧЕТВЕРТую БАШКИРСкую РЕСПУБЛИКУ»**

(

с учетом сильных позиций текста, это является ключевой целью спикера; кроме того, данная видеозапись входит в ряд других (

размещенных на данном сайте и проанализированных нами ранее

),

текущая тема «навееяна», является преходящей,

см. надпись в последнем кадре видеозаписи: «ЧЕТВЕРТАЯ БАШКИРСКАЯ РЕСПУБЛИКА 2018 Г. TO BE CONTINUED» – 'продолжение следует',

«И... тема для сегодняшней программы»;

«Вот в плане опять же федеративных отношений!»;

предостережение, выражаемое А. Дильмухаметовым, насыщено лексикой, обозначающей политические цели и способы реализации призывных действий:

«было бы за что, было бы во имя чего», «цели», «тот путь», «где вы возьмете»;

а также многочисленными средствами побуждения:

«надо», «не запрещается», «обращайтесь», «пусть», «не должна», «недопустимо»;

здесь описывается государство, желательное для спикера, – «в рамках модели светского государства... в рамках дискурса нового федерализма»

):

«Добрый вечер. Программа «Взгляд», Айрат Дильмухаметов, кандидат в Президенты Республики Башкортостан. И... тема для сегодняшней программы, э-э, навееяна письмами, которые приходят в личку, а именно, это уже в течение, наверно, последнего месяца» (00:05);

«ЧЕТВЕРТАЯ БАШКИРСКАЯ РЕСПУБЛИКА 2018 Г. TO BE CONTINUED»

(17:11, надпись на черном фоне, используются заглавные буквы, реализующие метод привлечения внимания и внушения значимости транслируемой идеи);

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- глагола навееять;
- прилагательного сегодняшний;
- прилагательного новый;
- существительного федерализм;
- существительного федерация.

Тема «репрессий» членов партии «Хизб ут-Тахрир» рассматривается Дильмухаметовым в аспекте пользы / «вреда» для смены власти в Республике Башкортостан, см., на 16:37:

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>

(

создается оппозиция «данное государство» (плохое, репрессивное, полицейское) – «новый федерализм», «новая, **ЧЕТВЕРТАЯ БАШКИРСКАЯ РЕСПУБЛИКА**» (хорошая, демократическая), для характеристики нового государства используются единицы, обозначающие позитивно оцениваемые явления:

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- прилагательного демократический;
- существительного свобода;
- прилагательного либеральный;

- прилагательного новый.

На этой основе проводится мысль о необходимости борьбы с данным государством, установлении «нового федерализма», «ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

);

- в) указание (= обвинение, с помощью намека и навязываемых пресуппозиций об «этой стране», см. выше) на то, что настоящими террористами являются российское государство, силовые структуры и судебная система, против которых нужно бороться методами, предлагаемыми А. Дильмухаметовым для установления «нового федерализма», «ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

(

«что такое терроризм, террористическая деятельность, мы прекрасно знаем, потому что... а это самый настоящий акт терроризма. Мы знаем... Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет...»

):

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.
<Приводится словарное значение существительного гособвинение. Формант гос- в составе указанного существительного выделен полужирным шрифтом с подчеркиванием>;

- г) выражение одобрения членам партии «Хизб ут-Тахрир», отрицание террористической сущности, оправдание ее деятельности. Рассмотрим реализацию данного намерения подробнее.

Несмотря **на знание** того, что организация «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») признана террористической и ее деятельность является запрещенной на территории РФ

(

см. следующие высказывания:

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>, 10:42

),

А. Дильмухаметов:

- 1) для характеристики деятельности данной организации и ее членов намеренно использует нейтральные либо позитивные наименования

(«мусульман», «по делу организации «Хизб ут-Тахрир»», «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»», «вот эти <...> члены этой партии «Хизб ут-Тахрир»», «эта партия», «этих (молодых) ребят», «к членам этой партии», «они мусульмане», «ни в чем неповинных ребят»),

реализует манипулятивные приемы подмены понятий, неполноты информации

(«...что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить, а что такое устранить? Устранение – это вообще язык не ю., не юридический. Потому что под устранением можно пон., понимать все, что угодно. И всё, вербовка членов. Ни одного факта террористической деятельности нет»; «И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто টাকা»; «...эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, – это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания»),

гиперболизации

(«...сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток»; «...а там огромные, дикие сроки, ужасные просто! И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто срока»),

метафоризации

(«тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий»; «сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток»),

изображая членов партии как жертв массового государственного, российского террора по религиозному и национальному признаку:

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

Попасть под каток – используется в переносном значении 'попасть под нечто очень тяжелое, убийственное';

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- прилагательного *людоедский*;
- существительного *репрессия*;
- существительного *беспредел*;
- прилагательного *неповинный*.

2) действия судов и правительства в отношении членов этой организации оценивает резко негативно как неправовые,

используя манипулятивный прием подмены понятий

(членов организации «Хизб ут-Тахрир» судят и выносят им сроки незаконно, «ни за что», «по принципу вероисповедания»):

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

В приведенных высказываниях явно и скрыто выражаются следующие речевые смыслы:

- 'члены партии «Хизб ут-Тахрир» – мусульмане;
- в РФ есть конституция, которая гарантирует свободу религии, вероисповедания;
- в РФ действует «неправосудное решение Верховного суда» о признании партии «Хизб ут-Тахрир» террористической;
- в РФ нарушается конституция (= нарушаются права верующих, = нарушаются права членов партии «Хизб ут-Тахрир» «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»)',

см. аналогичные высказывания:

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

Другие критические высказывания о неправосудности решения, принятого Верховным судом РФ в отношении организации «Хизб ут-Тахрир»:

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

В приведенных высказываниях создается оппозиция: 'террористический, военный («Аль-Каида», «Шура») – нетеррористический, исламский'

(
используется полное наименование «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»», которое в восприятии непосвященной аудитории, по контрасту с «Аль-Каидой», обладает позитивными смыслами, ср.:

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- существительного *партия*;
- прилагательного *исламский*;
- существительного *освобождение*>.

).
<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

<Приводится словарное значение существительного *мусульмане*>,

ср.: <приводится ряд словарных значений прилагательного *террористический*>.

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- существительного *терроризм*;
- существительного *террорист*>.

Негативно-оценочные наименования:

феноменальный (употребляется иронически) – <приводится словарное значение прилагательного *феноменальный*>.

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- прилагательного *дикий*;
- прилагательного *неправосудный*;
- прилагательного *драконовский*;
- глагола *попрать*;
- наречия *скопом*;
- глагола *выкатить*;
- наречия *дико*>.

См. также название видеоролика: «*Хизбы – террористы по разнарядке*. Взгляд № 31».

<Приводится словарное значение существительного *разнарядка*>;

3) несмотря на **знание главной цели партии «Хизб ут-Тахрир» – установление исламского государства Халифат посредством «устранения»**

(спикер недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах **устранения существующих правительств и вовлечения других людей в исполнение этих действий**),

А. Дильмухаметов отрицает террористическую сущность деятельности этой партии, снимает ответственность с ее членов, называя их «заблудшими или одурманенными» мусульманами, ни в чем неповинными ребятами:

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- глагола *устранить*;
- существительного *правление*;
- существительного *халиф*;
- существительного *государство*;
- существительного *путь*>;

4) обнаруживает знание основных элементов идеологии партии «Хизб ут-Тахрир», раскрывает их, оценивая с точки зрения применимости для установления «нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» (как мифические и иллюзорные, неприменимые временно: «по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», «при таком законодательстве»):

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>

(

00:56; на основе последующих высказываний и названия видеоролика создает подтекст: '«Хизб ут-Тахрир» – организация, незаконно преследуемая по религиозному признаку на основе «неправосудного решения Верховного суда Российской Федерации»: она имеет право на свободу религии, вероисповедания: «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»', т. е. действовать, см.:

<Приводится словарное значение глагола *поступать*>.

);

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

<Приводится словарное значение наречия *пока*.

Приводятся словарные значения предлога *при*>.

Таким образом, в исследуемой видеозаписи проводится мысль о том, что организация «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»», «Хизбы – террористы по разрядке» (см. название видеоролика): их назначили террористами в плановом порядке. Спикер явно и скрыто утверждает, что на самом деле она:

1) является религиозной, исламской, ее члены – это мусульмане (в т. ч. татары и башкиры в Поволжье, на Урале), преследуемые по религиозному и национальному признаку, «ни за что», по «принадлежности к исламу»:

«Вообще, я начну, конечно, с четырнадцатого февраля две тысячи третьего года. Да, четырнадцатого февраля две тыщи третьего года, то есть уже, а-а, свыше пятнадцати лет, а-а, в этой стране, в которой есть конституция и в которой есть, а-а-а, знаменитая и очень классная статья – двадцать восемь, которая гарантирует свободу религии, вероисповедания, а-а-а, индивидуального, коллективного, не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями или вообще не исповедовать ничего. А-а, вот это вот очень мощная, двадцать восьмой статья. И вот в этой стране, у которой такая, ну, в целом неплохая конституция в плане прав и свобод человека и гражданина, действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправосудное решение Верховного суда Российской Федерации, я уже щас номер не помню, от четырнадцатого, ноль второго, ноль третьего» (00:56);

«Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб

ут-Тахрир», а-а, напомню, что эта организация запрещена в России» (00:25).

На основе последующих высказываний и названия видеоролика создается подтекст: **«Хизб ут-Тахрир» – организация, незаконно преследуемая по религиозному и национальному признаку на основе «неправосудного решения Верховного суда Российской Федерации»:**

ее члены (мусульмане) имеют право на свободу религии, вероисповедания: «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»¹).

«И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто срока. Вот во что вылилось вот это абсолютно правосудное, юридически безграмотное решение Верховного суда Российской Федерации» (09:08); «Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет, но, а-а, вот эти, а-а, члены этой партии «Хизб ут-Тахрир», а-а-а, которые запрещенная, которая признана террористической, но она, эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, – это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания» (10:42); «Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан..., драконовские законы» (12:06).

<Приводится словарное значение существительного разряда. Приводится словарное значение прилагательного этнический>;

2) судебное решение о признании этой организации террористической является неправомерным

(«действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, правосудное решение Верховного суда Российской Федерации»),

поскольку:

а) «были попораны» абсолютно все «принципы судопроизводства»:

«Ну, у нас есть а-основные нерушимые, а-а, принципы судопроизводства: это равноправие, это открытость, это гласность, это состязательность сторон, и вот эти все принципы, они все были попораны, абсолютно все!» (02:57); «И, а-а, вот зайдите в интернет, все это есть, я номер просто не помню, посмотрите вот этот, а-а-а-а, логику судебного решения. Там маленький абзац по каждой партии, там от пяти строчек до десяти строчек, и-и там нету, а-а-а, процессуального языка, там нету никакой совокупности доказательств. Всё судебное решение высшей (!) судебной инстанции этой страны напоминает собой просто оперативную справку спецслужбы. Ни доказательств, ни процессуальности – вообще нет ничего» (05:27).

<Приводится словарное значение глагола попортить>;

б) ее «надо» было признать террористической, это «разряда»:

прямая цитата из исследуемой видеофонограммы.

<Приводится словарное значение прилагательного правосудный>.

<Приводится словарное значение глагола накидывать>;

контекстуально – сниж. 'Добавлять в большом количестве, увеличивать срок заключения, наказания';

<Приводятся словарные значения следующих языковых единиц:

- прилагательного ужасный;
- прилагательного безграмотный;
- прилагательного людоедский;

ни за что – '= без вины, без провинности'.

Явно спикер выражает **побуждение, адресованное «членам» партии «Хизб ут-Тахрир», «заблудшим или одурманенным» «молодым ребятам», «не входить туда и не связываться»** (с этой организацией). Однако в подтексте этого предостережения содержится скрытое **побуждение (в форме разрешения допустимого действия)**, адресованное мусульманам, входить в партию «Хизб ут-Тахрир», участвовать в ее деятельности после того, как перестанут действовать такие «драконовские законы» (= позже):

«Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы» (12:06).

О **целенаправленности речевых действий** спикера свидетельствует жанр видеозаписи – обращение с предостережением, рекомендацией

(
 «Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», 12:06;
 <Приводится словарное значение глагола *обращаться*>
 ),

свобода самовыражения

(говорит от своего имени: «я»),

использование оптатива «хотеть»

(4 употребления!),

средств **побуждения** целевой аудитории, а также **стройная система аргументации**, применение **стратегия убеждения**, **повторы ключевых слов и идей**:

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

<Приводится словарное значение глагола *хотеть*. Приводится словарное значение наречия *по порядку*>.

Примечательно, что спикер лично **солидаризируется с членами партии «Хизб ут-Тахрир»** (прежде всего как с татарами и башкирами, в т. ч. гражданами Башкортостана) в идее создания нового государства –

А. Дильмухаметов использует местоимения «мы», «наши»

(его не устраивает лишь тип этого нового государства в идеологии «Хизб ут-Тахрир»; здесь осуществляется **частичное оправдание** деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир»):

<пространная прямая цитата из исследуемой видеофонограммы>.

3.2. Верификация исследований по поставленным перед экспертами вопросам № 1 и № 2

Специалисты полагают наиболее существенным для специальной научной (лингвистической, экспертологической) и методической оценки спорного текста рецензируемого заключения в его части, относящейся к лингвистическому исследованию, содержащееся в спорном тексте описание тех промежуточных выводов, которые непосредственно использованы экспертом Е. Е. Хазимуллиной в разделе «Ответ на вопросы 1, 2», а также хода исследований, позволивших прийти к этим выводам. Указанные промежуточные выводы выделены в подразделе 3.1 настоящего заключения их помещением в прямоугольную рамку.

3.2.1. Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, к числу промежуточных выводов (суждений эксперта Е. Е. Хазимуллиной), непосредственно использованных в спорном тексте рецензируемого заключения при формировании итоговых выводов, — тех суждений эксперта, которые воспроизведены в тождественном либо близком к тождественному виде при ответе на поставленные перед экспертом Е. Е. Хазимуллиной вопросы, — относится суждение, содержащееся (в частично скрытой¹ форме) в следующем фрагменте спорного текста рецензируемого заключения:

Несмотря **на знание** того, что организация «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») признана террористической и ее деятельность является запрещенной на территории РФ

Данная словесная конструкция наблюдается на с. 32 рецензируемого заключения, воспроизводится в его подразделе «Ответ на вопросы 1, 2» на с. 46 в тождественном виде.

В структуре текста лингвистического исследовательского раздела рецензируемого заключения, представленной в подразделе 3.1 настоящего заключения, приведенная словесная конструкция выступает как часть суждения, используемого экспертом для обоснования промежуточного вывода о наличии в исследуемом продукте речевой деятельности А. Дильмухаметова высказывания или высказываний, которым (в терминах рецензируемого заключения) присуще скрытое (выявляемое «на основе заложенных, в т. ч. манипулятивно навязываемых пресуппозиций») коммуникативное намерение, описываемое в рецензируемом заключении как «выражение одобрения членам партии «Хизб ут-Тахрир», отрицание террористической сущности, оправдание ее деятельности» (с. 32).

Рассматриваемая словесная конструкция включает в себя (с учетом контекста, представленного как в подразделе 3.1 настоящего заключения, так и непосредственно в тексте рецензируемого заключения) следующую информацию:

- организация «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») признана террористической и ее деятельность является запрещенной на территории РФ;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о фактах признания организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») террористической и запрета ее деятельности на территории РФ.

¹ Под частично скрытой формой выражения информации в настоящем заключении понимаются сведения, выраженные в продукте речевой деятельности в виде свернутой пропозиции, входящие в состав того или иного высказывания, но не оформленные грамматически в виде самостоятельного высказывания с грамматически оформленным предикатом (высказывание «Иван нанес визит» — явная форма; словосочетание «визит Ивана» в составе высказывания «Визит Ивана вызвал удивление» — частично скрытая форма выражения тождественных сведений).

Эксперт Е. Е. Хазимуллина обосновывает достоверность этой информации посредством цитирования продуктов речевой деятельности А. Дильмухаметова с дополнительным шрифтовым выделением отдельных их фрагментов, которое не характеризует супrasegmentные (интонационные, просодические, динамические и т. п.) параметры устной речи А. Дильмухаметова, но отражает смысловые акценты, расставляемые экспертом в высказываниях говорящего, и тем самым неизбежно вносит в продукты речевой деятельности А. Дильмухаметова искажения, проявляющиеся при восприятии третьими лицами цитируемых экспертом высказываний в их письменном представлении с теми особенностями, которые вносит шрифтовое выделение, что фактически делает Е. Е. Хазимуллину соавтором творчески перерабатываемых ею высказываний говорящего.

Впрочем, обращение к рассматриваемым цитируемым высказываниям, в том числе в устной форме, зафиксированной исследуемой экспертами (Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой)¹ видеофонограммой, в данном случае подтверждает, что описанная последним приведенным маркированным списком информация действительно присутствует в речевом содержании видеофонограммы.

С учетом изложенного, следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- организация «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») признана террористической и ее деятельность является запрещенной на территории РФ;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о фактах признания организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») террористической и запрета ее деятельности на территории РФ

— являются достоверными, не являются надлежаще обоснованными.

3.2.2. Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, к числу промежуточных выводов (суждений эксперта Е. Е. Хазимуллиной), непосредственно использованных в спорном тексте рецензируемого заключения при формировании итоговых выводов, — тех суждений эксперта, которые воспроизведены в тождественном либо близком к тождественному виде при ответе на поставленные перед экспертом Е. Е. Хазимуллиной вопросы, — относится суждение, содержащееся (в частично скрытой форме) в следующем фрагменте спорного текста рецензируемого заключения:

А. Дильмухаметов:

1) для характеристики деятельности данной организации и ее членов намеренно использует нейтральные либо позитивные наименования

Данная словесная конструкция наблюдается на с. 33 рецензируемого заключения, воспроизводится в его подразделе «Ответ на вопросы 1, 2» на с. 46 в тождественном виде.

В структуре текста лингвистического исследовательского раздела рецензируемого заключения, представленной в подразделе 3.1 настоящего заключения, приведенная словесная конструкция выступает как часть суждения, используемого экспертом для обосно-

¹ Специалисты полагают необходимым подчеркнуть, что номинация «эксперты» в данном заключении нигде не применяется ими для самообозначения. Специалисты осознают отличия своего процессуального статуса от процессуального статуса эксперта. Наименование «эксперты» последовательно применяется в настоящем заключении как словесное обозначение Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой. Аналогичным образом данные термины употреблялись в ранее составленных специалистами заключениях по материалам данного уголовного дела (№ СЭ-199/19 от 25.10.2019, № СЭ-206/19 от 16.11.2019). Данное уточнение введено в текст настоящего заключения в связи с высказанными экспертом Е. Е. Хазимуллиной в ходе ее допроса, зафиксированного представленным протоколом допроса от 06.02.2020, суждениями о том, что специалисты приписывают себе процессуальный экспертный статус.

вания промежуточного вывода о наличии в исследуемом продукте речевой деятельности А. Дильмухаметова высказывания или высказываний, которым (в терминах рецензируемого заключения) присуще скрытое (выявляемое «на основе заложенных, в т. ч. манипулятивно навязываемых пресуппозиций») коммуникативное намерение, описываемое в рецензируемом заключении как «выражение одобрения членам партии «Хизб ут-Тахрир», отрицание террористической сущности, оправдание ее деятельности» (с. 32).

Рассматриваемая словесная конструкция включает в себя (с учетом контекста, представленного как в подразделе 3.1 настоящего заключения, так и непосредственно в тексте рецензируемого заключения) следующую информацию:

- А. Дильмухаметов использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов нейтральные наименования;
- А. Дильмухаметов использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов позитивные наименования;
- А. Дильмухаметов не использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов наименования, отличные от нейтральных либо позитивных;
- использование А. Дильмухаметовым для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов нейтральных либо позитивных наименований является намеренным.

Эксперт Е. Е. Хазимуллина обосновывает достоверность этой информации посредством цитирования следующих продуктов речевой деятельности А. Дильмухаметова:

- «мусульман»;
- «по делу организации «Хизб ут-Тахрир»»;
- «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»»;
- «вот эти <...> члены этой партии «Хизб ут-Тахрир»»;
- «эта партия»;
- «этих (молодых) ребят»;
- «к членам этой партии»;
- «они мусульмане»;
- «ни в чем неповинных ребят».

Спорный текст рецензируемого заключения содержит следующие словарные данные и суждения о значении составляющих перечисленные словесные конструкции единиц современного русского языка:

- «Мусульмане — 'Последователи мусульманства'; мусульманство — 'Одна из мировых религий, основанная на вере в единого бога — Аллаха; ислам' [Кузнецов 2005, с. 364]» (с. 38);
- «полное наименование «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»... в восприятии непосвященной аудитории¹, по контрасту с «Аль-Каидой», обладает позитивными смыслами, ср.: партия — '1. Политическая организация, выражающая интересы общественного класса или его слоя, за-

¹ К сожалению, эксперт не указывает, о каком посвящении идет речь, и не сообщает, относит Е. Е. Хазимуллина себя к непосвященной аудитории или повествует здесь о таком восприятии продуктов речевой деятельности, которое противоречит ее собственному опыту.

щищающая их интересы и руководящая ими в достижении определенных целей и идеалов' [Кузнецов 2005, с. 497]» (с. 36);

- «*исламский* — 'прил. 1. соотн. с сущ. ислам, связанный с ним' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/171700/Исламский]» (с. 36);
- «*освобождение* — от *освободить* — 'Сделать свободным кого-л., предоставить свободу кому-, чему-л.' [Кузнецов 2005, с. 461]» (с. 36–37);
- «*этот* — 'б. разг. Употребляется при выражении неодобрительного, иронического отношения говорящего к какому-либо лицу или предмету' [http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/270823/Этот]» (с. 27);
- «*неповинный* — 'Не имеющий за собою вины; *невинный* II' [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/195721/Неповинный]».

При этом эксперт Е. Е. Хазимуллина не указывает, какие именно компоненты приведенных значений она рассматривает как позитивнооценочные, если не считать таким указанием использованное ею подчеркивание, отсутствующее в цитируемых лексикографических источниках (словарях)¹.

Однако общепринятым и давно устоявшимся в лингвистической судебной экспертизе является вполне определенное понимание позитивной оценки, отраженное в том числе в той литературе, которую Е. Е. Хазимуллина указывает в списке источников, нашедших применение в экспертизе. Например, в «Памятке по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы» под ред. проф. М. В. Горбаневского под эгидой ГЛЭДИС еще в 2004 г. (п. 23 в списке литературы, с. 15 рецензируемого заключения):

«**Оценка** (фактов, событий, лиц) — выражение оценки распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально-экспрессивных, в значении которых можно выделить элементы «хороший/плохой» или их конкретные разновидности (добрый, злой и др.). При наличии положительной оценки (элемент «хороший» и его конкретные разновидности) может идти речь о позитивной информации. При наличии отрицательной оценки (элемент «плохой» и его конкретные разновидности) может идти речь о негативной информации» (с. 30 указанного издания).

«**Информация положительная (позитивная)** — информация (сведения) о ситуации, событии (явлении, о лице, поступках лица), которые в системе ценностей данного общества (или на основании социально и культурологически обусловленных местных стереотипов восприятия и реагирования) считаются хорошими, похвальными, благоприятными для данного общества (*Фирма X купила к зиме для воспитанников Дома ребенка в У районе Москвы теплую одежду и обувь*)» (с. 26).

Не тождественное, но сходное в степени достаточной, чтобы признать его аналогичным, понимание категории *позитивная информация* можно обнаружить и в работах других авторов, на которые опирается (или, по крайней мере, должна была бы опираться) эксперт Е. Е. Хазимуллина, включив в указанный список соответствующие источники.

Однако в составе приведенных экспертом дефиниций семантических компонентов, выражающих понятие «хороший» или какие-то его разновидности, не наблюдается; от-

¹ Фактически здесь наблюдается явление, аналогичное описанному выше при характеристике способа обращения Е. Е. Хазимуллиной с устной речью А. Дильмухаметова. В данном случае эксперт представляет читателю рецензируемого заключения в качестве словарных данных, на которые она опирается, дефиниции из общепризнанных в науке лексикографических источников с дополнительно внесенными в них экспертом смысловыми акцентами, обеспечивающими, согласно логике эксперта Е. А. Плехановой, использованной при ее допросе, суггестивное воздействие на читателя, тем самым в существенно искаженном виде.

сутствуют также сведения фактического типа о чьих-либо поступках, событиях и т. п. В частности, дефиниция 'Не имеющий за собою вины; *невинный* II' включает в себя семантические компоненты отрицания ('не') негативно оцениваемого поступка или явления 'вина', что дает отсутствие негативной оценки, но совершенно не обязательно включает в себя оценку положительную. Возможная положительная оценка данной дефиниции не противоречит, но ею не выражается и не требуется.

Совершенно недопустимой с методической точки зрения и некорректной является предпринятая экспертом попытка анализа словесного обозначения *Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»* — имени собственного организации — как если бы это было свободное словосочетание, в образовании которого участвуют нарицательные лексические единицы *партия, исламский, освобождение*, выражающие лексические значения, присущие этим единицам в системе языка. При этом эксперт не принимает во внимание, в частности, то обстоятельство, что А. Дильмухаметов в исследуемой экспертами видеофонограмме сообщает значительный объем фактических сведений о содержании решения Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116, в тексте которого указанная организация четырежды именуется именно в форме «*Партия исламского освобождения*» («*Хизб ут-Тахрир аль-Ислами*») и не именуется никаким иным образом. Следуя логике эксперта Е. Е. Хазимуллиной, это означает, что Верховный Суд РФ в тексте указанного решения неоднократно выражает «*позитивные смыслы*», транслируя совместно с теми организациями, которые опубликовали данное решение¹, для «непосвященной аудитории» позитивную оценку организации, чью деятельность он запрещает.

Более того, единственное словарное значение местоимения *этом* (наблюдается в составе 4 словосочетаний, приведенных экспертом в обоснование наличия в речи А. Дильмухаметова выражения позитивной оценки организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», а именно: «*вот эти <...> члены этой партии «Хизб ут-Тахрир»*», «*эта партия*», «*этих (молодых) ребят*», «*к членам этой партии*»), которое приводит в рецензируемом заключении Е. Е. Хазимуллиной, напротив, включает в себя компонент прямой негативной оценки характеризуемого лица или предмета как вызывающего неодобрительное отношение говорящего: «Употребляется при выражении неодобрительного, иронического отношения говорящего к какому-либо лицу или предмету»².

С учетом изложенного, следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов нейтральные наименования;
- А. Дильмухаметов не использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов наименования, отличные от нейтральных либо позитивных,

— **являются достоверными, не являются надлежаще обоснованными.**

Следующий вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов позитивные наименования

— **не является достоверным, не является надлежаще обоснованным.**

¹ Полный текст решения доступен, например, на сайте Национального антитеррористического комитета по адресу <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html>.

² Специалисты отдают себе отчет в том, что местоимение *этом* в рассматриваемых контекстах в действительности употребляется в ином, полностью нейтральном значении, однако в данном случае речь идет об обоснованности выводов эксперта, а приведенное значение является единственным значением местоимения *этом*, представленным Е. Е. Хазимуллиной в спорном тексте заключения.

В структуре спорного текста рецензируемого экспертного заключения, представленной в подразделе 3.1 настоящего заключения специалистов, отсутствует специальное обоснование непосредственно промежуточного вывода эксперта о том, что использование А. Дильмухаметовым для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов нейтральных либо позитивных наименований является намеренным.

Возможно, эксперт рассматривает в качестве такого обоснования наблюдаемое в дальнейшем содержании рецензируемого заключения суждение о «целенаправленности речевых действий спикера» как таковой (с. 44–45), подлежащее дальнейшему рассмотрению. В связи с изложенным, следующий вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- использование А. Дильмухаметовым для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов нейтральных наименований является намеренным

— **подлежит дальнейшей оценке** по параметрам его достоверности и обоснованности.

3.2.3. Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, к числу промежуточных выводов (суждений эксперта Е. Е. Хазимуллиной), непосредственно использованных в спорном тексте рецензируемого заключения при формировании итоговых выводов, — тех суждений эксперта, которые воспроизведены в тождественном либо близком к тождественному виде при ответе на поставленные перед экспертом Е. Е. Хазимуллиной вопросы, — относится суждение, содержащееся (в частично скрытой форме) в следующем фрагменте спорного текста рецензируемого заключения:

А. Дильмухаметов:

изображая членов партии **как жертв массового государственного, российского террора по религиозному и национальному признаку:**

Данная словесная конструкция наблюдается на с. 33 рецензируемого заключения, воспроизводится в его подразделе «Ответ на вопросы 1, 2» на с. 46 в тождественном виде.

В структуре текста лингвистического исследовательского раздела рецензируемого заключения, представленной в подразделе 3.1 настоящего заключения, приведенная словесная конструкция выступает как часть суждения, используемого экспертом для обоснования промежуточного вывода о наличии в исследуемом продукте речевой деятельности А. Дильмухаметова высказывания или высказываний, которым (в терминах рецензируемого заключения) присуще скрытое (выявляемое «на основе заложенных, в т. ч. манипулятивно навязываемых пресуппозиций») коммуникативное намерение, описываемое в рецензируемом заключении как «выражение одобрения членам партии «Хизб ут-Тахрир», отрицание террористической сущности, оправдание ее деятельности» (с. 32).

Рассматриваемая словесная конструкция включает в себя (с учетом контекста, представленного как в подразделе 3.1 настоящего заключения, так и непосредственно в тексте рецензируемого заключения) следующую информацию:

- А. Дильмухаметов изображает членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как жертв террора;
- террор в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется государством;
- террор в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, является массовым;

- террор в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется по религиозному и национальному признаку.

Эксперт Е. Е. Хазимуллина обосновывает достоверность этой информации посредством цитирования следующих продуктов речевой деятельности А. Дильмухаметова с дополнительным шрифтовым выделением отдельных их фрагментов, которое не характеризует супрасегментные (интонационные, просодические, динамические и т. п.) параметры устной речи А. Дильмухаметова, но отражает смысловые акценты, расставляемые экспертом в высказываниях говорящего, и тем самым неизбежно вносит в продукты речевой деятельности А. Дильмухаметова искажения, проявляющиеся при восприятии третьими лицами цитируемых экспертом высказываний в их письменном представлении с теми особенностями, которые вносит шрифтовое выделение, что фактически делает Е. Е. Хазимуллину соавтором творчески перерабатываемых ею высказываний говорящего (с. 33–34):

«Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир», а-а, напомню, что эта организация запрещена в России» (00:25); «И вот, а-а, в этот более чем там десять с чем-то, этот перечень и попала та-также «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»» (04:13); «Вот я сейчас говорю конкретно про вот этого «Хизб ут-Тахрир». Четыре-пять строчек, а-а, говорится о том, что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить, а что такое устранить? Устранение – это вообще язык не ю., не юридический. Потому что под устранением можно пон., понимать все, что угодно. И всё, вербовка членов. Ни одного факта террористической деятельности нет. Вообще, надо понимать: а-а, вот ю., а-а-а, в юриспруденции любое явление должно иметь свою дефиницию, то есть убийство, кража, мошенничество – всё, грабёж, разбой – всё имеют свою дефиницию. А понятие терроризма получило свою юридическую дефиницию совершенно недавно, если быть точным, в июле две тысячи шестнадцатого года, а-а-а, триста семьдесят пятый Федеральный закон ввел юридическое определение в уголовно-правовом смысле понятия терроризма и преступлений террористической направленности. И поэтому мы с-сейчас вправе, а-а-а, апеллировать к этому определению и говорить, что такое терроризм. Так вот, вот в этом определении «Хизб ут-Тахрир» никогда, а она существует с пятьдесят какого-то года и со., была создана где-то на Ближнем востоке, никогда, а-а-а, террористической деятельностью не занималась и террор как метод политической борьбы не рассматривала. Вот в чем проблема! Проблема, которая вылилась в том, что сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток. Раньше, а-а-а, там в нулевых годах, давали по полтора-два года членам этой партии, потом, а и судили их по двести восемьдесят второй статье, потом ввели для них двести восемь-

десять вторую прим два, по-моему, и стали они получать три-четыре года, потом стали их, им накидывать, а-а-а, статью двести семьдесят восьмую «Попытка вооруженного захвата власти» через тридцатую, а-а-а, они соглашались, подписывались, получали ниже низшего, но это, это, это было уже пять тире семь лет, а потом, по-моему, в тринадцатом или в четырнадцатом году ввели специальную статью двести пять прим пять «Участие в террористической организации» – и всё, а там огромные, дикие срока, ужасные просто! И вот сейчас, а-а, очень много татар, башкир этнических вот в Поволжье, на Урале, они получают ни за что по сути огромные, лютые, людоедские просто срока. Вот во что вылилось вот это абсолютно неправосудное, юридически безграмотное решение Верховного суда Российской Федерации» (06:23-09:33); «Мы знаем, что такое терроризм. Мы знаем, что такое террористическая деятельность и кто ее ведет, но, а-а, вот эти, а-а, члены этой партии «Хизб ут-Тахрир», а-а-а, которые запрещенная, которая признана террористической, но она, эта партия никогда не занималась террористической деятельностью. И то, что мы видим, – это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания» (10:42); «И вот жены и матери этих ребят пишут: что быть и как делать» (11:16); «Ну, наверное, единственное, что я могу сказать, обращаясь вот к, а-а, заблудшим или одурманенным, а-а, членам этой партии, конечно же, они мусульмане, и никто их принадлежности к исламу не отрицает и не опровергает. Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы» (12:06); «Но ставить какие-то вот совершенно недостижимые, мифические цели, да еще в условиях, а-а, такого драконовского законодательства – это значит заранее обрекать ни в чем неповинных ребят на длительные тюремные сроки заключения» (15:22)

Приведенные фрагменты речевого содержания исследуемой экспертами видеофонограммы содержат информацию разных видов, в том числе значительный объем **фактических сведений**:

- об обращениях к А. Дильмухаметову жен и матерей мусульман, подвергшихся уголовному преследованию за участие в деятельности организации «Хизб ут-Тахрир», — данная информация сообщается в начале видеофонограммы, используется говорящим как информационный повод, определяющий тему его монолога;
- о содержании решения Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 по гражданскому делу о признании террористическими организациями пятнадцати организаций, в число которых входила организация, обозначаемая в тексте решения как «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир

аль-Ислами»), — говорящий (1) сообщает, что указанной организации уделено в указанном решении «четыре-пять строчек», (2) приводит в форме косвенной речи приблизительное содержание формулировок, использованных в решении для обоснования тезиса о террористическом характере деятельности организации («говорится о том, что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить... И всё, вербовка членов»), и (3) сообщает об отсутствии в указанном решении сведений о фактах осуществления указанной организацией каких-либо действий, соответствующих понятию *терроризм* и *террористическая деятельность*, действующие в настоящее время определения которых были введены в законодательство РФ со значительной временной задержкой относительно принятия указанного решения, а также об отсутствии таких фактов в реальной действительности («а что такое устранить? Устранение – это вообще язык не ю.., не юридический. Потому что под устранением можно пон.., понимать все, что угодно... Ни одного факта террористической деятельности нет. Вообще, надо понимать: а-а, вот ю.., а-а-а, в юриспруденции любое явление должно иметь свою дефиницию, то есть убийство, кража, мошенничество – всё, грабеж, разбой – всё имеют свою дефиницию. А понятие терроризма получило свою юридическую дефиницию совершенно недавно, если быть точным, в июле две тысячи шестнадцатого года, а-а-а, триста семьдесят пятый Федеральный закон ввел юридическое определение в уголовно-правовом смысле понятия терроризма и преступлений террористической направленности. И поэтому мы с-сейчас вправе, а-а-а, апеллировать к этому определению и говорить, что такое терроризм. Так вот, вот в этом определении «Хизб ут-Тахрир» никогда, а она существует с пятьдесят какого-то года и со.., была создана где-то на Ближнем востоке, никогда, а-а-а, террористической деятельностью не занималась и террор как метод политической борьбы не рассматривала»);

- о практике уголовного преследования членов организации «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») и тенденциях изменения этой практики с течением времени, связанных с изменениями в действующем законодательстве, — сообщает, что лица, подвергаемые преследованию за участие в деятельности указанной организации, привлекались к уголовной ответственности по разным статьям УК РФ по мере их принятия, с ужесточением в настоящее карательных мер — «репрессий», предусмотренных применяемой в настоящее время статьёй;
- о том, что в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, существует обильная («очень много») практика уголовного преследования членов указанной организации, характеризующихся говорящим через указание этнической принадлежности преследуемых лиц (башкиры, татары) и региона их проживания (в Поволжье, на Урале);
- о факте религиозной принадлежности членов указанной организации к исламу.

Сведения о факте религиозной принадлежности всех без исключения членов «Хизб ут_Тахрир аль-Ислами» к исламу являются общеизвестными; религиозная принадлежность к исламу как условие членства в указанной организации, самоназвание которой включает в себя отсылку к ее мусульманскому характеру, вполне самоочевидна, представляет собой тривиальную истину.

Описанные фактические сведения сопровождаются множеством негативных **оценочных суждений**. В частности, говорящий выражает:

- оценку описанной им практики уголовного преследования членов организации «Хизб ут_Тахрир аль-Ислами» через ее последовательное сравнение с катком («*Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий*»), «*сотни, если не тысячи, мусульман попадают под этот каток*»);
- оценку описываемого говорящим положения дел как *проблемы (проблема — ‘Сложный вопрос, нуждающийся в специальном исследовании; задача, не имеющая пока решения’¹)*;
- оценку сроков наказания, предусмотренных статьей 205.5 УК РФ, применяемой при уголовном преследовании членов указанной организации в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, как *диких* («Очень сильных по степени проявления, чрезмерных, переходящих границы нормального, обычного»), *ужасных* («Очень тяжёлых, трагических», «Вызывающих изумление, негодование, расстройство» либо «Очень плохих, скверных» — данное словоупотребление в речи А. Дильмухаметова является неоднозначным, контекст недостаточен для разрешения указанной неоднозначности; по общему правилу значение, в котором данное слово использовано говорящим, доподлинно известно в подобных случаях лишь самому говорящему), *лютых* («Причиняющих невыносимые страдания; мучительных» либо «Чрезмерных, необычайных по силе, интенсивности, степени своего проявления»), *людоедских* (характерных для *людоеда* — в значении «О жестоком, кровожадном человеке, убийце многих людей») и т. п.

Позитивнооценочных суждений не наблюдается.

Приведенные фрагменты речевого содержания исследуемой экспертами видеофонограммы содержат также информацию **аналитического типа** — говорящий высказывает ряд взаимосвязанных суждений и формулирует основанные на них выводы, а именно:

- поскольку, в соответствии с сообщаемыми говорящим фактическими сведениями:
  - решение суда по гражданскому делу о признании ряда организаций, в том числе «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», террористическими организациями не содержало сведений о фактах осуществления указанной организацией каких-либо действий, соответствующих понятиям *терроризм* и *террористическая деятельность*;

¹ Здесь и далее словарные значения и иные смысловые конструкты оформляются с помощью так называемых «марровских» одинарных кавычек. Если не оговорено иное, словарные значения приводятся по данным «Большого толкового словаря». При этом специалисты принимают во внимание данные всех указанных в списке литературы в настоящем заключении толковых словарей современного русского языка. Отсутствие ссылок на иные лексикографические источники следует трактовать как указание на непротиворечивость данных разных словарей в отношении системы значений соответствующей лексемы. Отбор актуализированных в рассматриваемых контекстах словарных значений во всех случаях производится специалистом-лингвистом с учетом требования синсемичности — принципа сочетания слов, основанного на наличии у них общих сем (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению, а также грамматических признаков, проявляемых словоупотреблениями в рассматриваемых контекстах.

- действующие определения указанных понятий были введены в законодательство РФ со значительной временной задержкой относительно принятия указанного решения;
- факты совершения членами организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» каких-либо действий, соответствующих понятию *терроризм* и *террористическая деятельность*, в реальной действительности отсутствуют;
- в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, существует обильная («очень много») практика уголовного преследования членов указанной организации, характеризующимся говорящим в том числе через указание этнической принадлежности преследуемых лиц (башкиры, татары);
- все без исключения члены указанной организации характеризуются принадлежностью к мусульманскому вероисповеданию,
- говорящий высказывает суждение о том, что уголовное преследование членов указанной организации в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, является незаконным, представляет собой «антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания».

Логика рассуждений А. Дильмухаметова, позволивших ему прийти к данному выводу, полностью раскрыта в речевом содержании исследуемой экспертами видеозаписи; фактическая информация, на которой данный вывод основан, допускает проверку на соответствие действительности. Зритель, основываясь на тех же фактических сведениях (впрочем, не исключается также привлечение иной фактической информации, ставшей известной зрителю помимо А. Дильмухаметова), имеет возможность как согласиться с выводом говорящего, так и сформировать собственное мнение, отличное от высказанного А. Дильмухаметовым.

Приведя описанные фрагменты речевого содержания исследуемой экспертами видеофонограммы, Е. Е. Хазимуллина сообщает также: «*Попасть под каток* — используется в переносном значении 'попасть под нечто очень тяжелое, убийственное'» (с. 34), — и приводит словарные значения следующих языковых единиц:

- прилагательного *людоедский*;
- существительного *репрессия*;
- существительного *беспредел*;
- прилагательного *неповинный*.

Каким образом эксперт определила переносное значение выражения *попасть под каток*, в спорном тексте рецензируемого заключения не раскрыто, однако недостаточная обоснованность данного суждения, по мнению специалистов, не является решающим фактором, оказавшим сколь-нибудь существенное влияние на содержание выводов Е. Е. Хазимуллиной.

Приведенные экспертом словарные значения четырех оценочных лексем подтверждают наличие в речи А. Дильмухаметова описанных выше негативных оценок.

Иных высказываний эксперта Е. Е. Хазимуллиной, использованных в структуре спорного текста рецензируемого заключения, представленной в подразделе 3.1 настоящего заключения специалистов, для обоснования рассматриваемых промежуточных выводов, не наблюдается.

Существительное *жертва* в контексте «изображая членов партии **как жертв массового государственного, российского террора по религиозному и национальному признаку**» выражает значение 'Тот, кто пострадал или погиб в результате какого-л. несчастья, стихийного бедствия, злого умысла, рокового стечения обстоятельств и т.п.'.

Система значений существительного *террор*, по данным «Большого толкового словаря», имеет следующий вид:

ТЕРРОР [тэ] и [те], -а; м. [от лат. *terror* - страх, ужас] **1.** Наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения; время такой борьбы. *Жестокый, массовый т. Правительственный, политический т. В разгар террора. Политика террора. Начать, установить т. Индивидуальный т.* (единичные акты политических убийств). *Фашистский т.* (о жестокой массовой расправе фашистской армии над мирным населением на оккупированной ею территории). *Красный т.* (изоляция и уничтожение большевиками своих потенциальных противников в период гражданской войны 1918 - 1922 гг.; вообще о репрессиях против различных слоёв населения в годы существования Советской власти). *Белый т.* (показательные казни активных участников красного террора, осуществлявшиеся Добровольческой армией в период гражданской войны). **2.** Чрезмерная жестокость в отношении к кому-л.; запугивание. *Интеллектуальный, идеологический т. Т. самодура. Т. со стороны свекрови. В школе царит т. старшеклассников.*

Значение существительного *террор* в рецензируемом заключении не раскрывается. Контекст, в котором существительное *террор* используется в речи А. Дильмухаметова («*террористической деятельностью не занималась и террор как метод политической борьбы не рассматривала*») однозначно свидетельствует о его употреблении в значении 1 'Наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения'.

Однако достаточных оснований утверждать, что эксперт Е. Е. Хазимуллина использует указанное существительное именно в значении 1, не имеется. С контекстом «*изображая членов партии как жертв массового государственного, российского террора по религиозному и национальному признаку*» совместимо также значение 2 'Чрезмерная жестокость в отношении к кому-л.; запугивание', корреспондирующее наличию в речи А. Дильмухаметова оценок карательных мер, применяемых к членам организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» в ходе их уголовного преследования, как чрезмерно жестоких, чрезмерных, мучительных и т. п.

Описанная неоднозначность приводит к тому, что следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов изображает членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как жертв террора;
- террор в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется государством;
- террор в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, является массовым;
- террор в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется по религиозному и национальному признаку.

— следует признать **неоднозначными**, каждый из перечисленных выводов допускает две разных интерпретации, основанные на разных значениях словарных существительного *террор*.

С учетом различия в их возможной интерпретации, эти выводы могут быть представлены в следующем виде:

- А. Дильмухаметов изображает членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как жертв «террора» — либо наиболее острой формы борьбы против политических противников с применением насилия, либо чрезмерной жестокости применяемых в их отношении мер наказания;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется государством;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, является массовым;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется по религиозному и национальному признаку.

С учетом изложенного, следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов изображает членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как жертв «террора» — либо наиболее острой формы борьбы против политических противников с применением насилия, либо чрезмерной жестокости применяемых в их отношении мер наказания;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется государством;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, является массовым

— являются достоверными, не являются надлежаще обоснованными.

Поскольку сведения о факте религиозной принадлежности всех без исключения членов «Хизб ут_Тахрир аль-Ислами» к исламу являются общеизвестными, религиозная принадлежность к исламу как условие членства в указанной организации, самоназвание которой включает в себя отсылку к ее мусульманскому характеру, вполне самоочевидна, представляет собой тривиальную истину, а исламское вероисповедание является тем самым обязательной для участников организации «Хизб ут_Тахрир аль-Ислами» составной частью идеологии, сведения о том, что государство применяет сопряженные с насилием или оцениваемые А. Дильмухаметовым как чрезмерно жестокие меры наказания к лицам, выделяемым по признаку принадлежности к указанной организации, не допускают трактовки как сведения о применении указанных мер в отношении лиц, выделяемых по религиозной принадлежности: религиозная принадлежность представлена в речи А. Дильмухаметова как неизбежное следствие, вытекающее из факта принадлежности преследуемых лиц к указанной организации.

Наблюдаемые речевые факты свидетельствуют о том, что члены указанной организации, в чьем отношении в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой видеофонограммы, осуществляются множественные акты уголовного преследования, характеризуются говорящим в том числе через указание их этнической принадлежности (башкиры, татары), наряду с иными при-

знаками (например, территориальным). При этом говорящий явным образом сообщает о том, что привлечение к уголовной ответственности указанных лиц осуществляется в связи с их принадлежностью к указанной организации, и о том, что эта организация признана террористической. Сказанное не позволяет трактовать рассматриваемые продукты речевой А. Дильмухаметова как содержащие сведения о применении репрессивных мер в отношении лиц, выделяемых по этнической принадлежности.

Таким образом, следующий вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется по религиозному и национальному признаку

— не является достоверным, не является надлежаще обоснованным.

3.2.4. Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, к числу промежуточных выводов (суждений эксперта Е. Е. Хазимуллиной), непосредственно использованных в спорном тексте рецензируемого заключения при формировании итоговых выводов, — тех суждений эксперта, которые воспроизведены в тождественном либо близком к тождественному виде при ответе на поставленные перед экспертом Е. Е. Хазимуллиной вопросы, — относится суждение, содержащееся в следующих фрагментах спорного текста рецензируемого заключения:

А. Дильмухаметов:
2) действия судов и правительства в отношении членов этой организации оценивает резко негативно как неправовые,
(членов организации «Хизб ут-Тахрир» судят и выносят им сроки незаконно, «ни за что», «по принципу вероисповедания»):
• 'члены партии «Хизб ут-Тахрир» – мусульмане;
нарушаются права членов партии «Хизб ут-Тахрир» «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями» ',

Данные словесные конструкции наблюдаются на с. 35 рецензируемого заключения, воспроизводятся в его подразделе «Ответ на вопросы 1, 2» на с. 46–47 в близком к тождественному виде.

В структуре текста лингвистического исследовательского раздела рецензируемого заключения, представленной в подразделе 3.1 настоящего заключения, приведенная словесная конструкция выступает как часть суждения, используемого экспертом для обоснования промежуточного вывода о наличии в исследуемом продукте речевой деятельности А. Дильмухаметова высказывания или высказываний, которым (в терминах рецензируемого заключения) присуще скрытое (выявляемое «на основе заложенных, в т. ч. манипулятивно навязываемых пресуппозиций») коммуникативное намерение, описываемое в рецензируемом заключении как «выражение одобрения членам партии «Хизб ут-Тахрир», отрицание террористической сущности, оправдание ее деятельности» (с. 32).

Рассматриваемая словесная конструкция включает в себя (с учетом контекста, представленного как в подразделе 3.1 настоящего заключения, так и непосредственно в тексте рецензируемого заключения) следующую информацию:

- А. Дильмухаметов резко негативно оценивает действия судов и правительства в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как неправовые;
- А. Дильмухаметов сообщает, что члены партии «Хизб ут-Тахрир» — мусульмане;
- характеризуя практику уголовного преследования членов указанной организации и выносимые им приговоры, А. Дильмухаметов высказывает суждение о том, что это преследование осуществляется незаконно, используя для этой характеристики словесные конструкции «ни за что», «по принципу вероисповедания», и сообщает, что в результате этого преследования нарушаются права членов указанной организации «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями».

Эксперт Е. Е. Хазимуллина обосновывает достоверность этой информации посредством цитирования продуктов речевой деятельности А. Дильмухаметова с дополнительным шрифтовым выделением отдельных их фрагментов, которое не характеризует супrasegmentные (интонационные, просодические, динамические и т. п.) параметры устной речи А. Дильмухаметова, но отражает смысловые акценты, расставляемые экспертом в высказываниях говорящего, и тем самым неизбежно вносит в продукты речевой деятельности А. Дильмухаметова искажения, проявляющиеся при восприятии третьими лицами цитируемых экспертом высказываний в их письменном представлении с теми особенностями, которые вносит шрифтовое выделение, что фактически делает Е. Е. Хазимуллину соавтором творчески перерабатываемых ею высказываний говорящего.

Впрочем, обращение к рассматриваемым цитируемым высказываниям, в том числе в устной форме, зафиксированной исследуемой экспертами (Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой) видеофонограммой, в данном случае подтверждает, что описанная последним приведенным маркированным списком информация действительно присутствует в речевом содержании видеофонограммы.

По сравнению с ранее рассмотренными промежуточными выводами эксперта Е. Е. Хазимуллиной, данный промежуточный вывод в наибольшей мере основан непосредственно на продуктах речевой деятельности А. Дильмухаметова, включает в себя ряд продуктов речевой деятельности, непосредственно наблюдаемых в речевом содержании исследуемой экспертами видеофонограммы.

С учетом изложенного, следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов резко негативно оценивает действия судов и правительства в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как неправовые;
- А. Дильмухаметов сообщает, что члены партии «Хизб ут-Тахрир» — мусульмане;
- характеризуя практику уголовного преследования членов указанной организации и выносимые им приговоры, А. Дильмухаметов высказывает суждение о том, что это преследование осуществляется незаконно, используя для этой характеристики словесные конструкции «ни за что», «по принципу вероисповедания», и сообщает, что в результате этого преследования нарушаются права членов указанной организации «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»,

— являются достоверными, не являются надлежаще обоснованными.

3.2.5. Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, к числу промежуточных выводов (суждений эксперта Е. Е. Хазимуллиной), непосредственно использованных в спорном тексте рецензируемого заключения при формировании итоговых выводов, — тех суждений эксперта, которые воспроизведены в тождественном либо близком к тождественному виде при ответе на поставленные перед экспертом Е. Е. Хазимуллиной вопросы, — относится суждение, содержащееся (в частично скрытой форме) в следующем фрагменте спорного текста рецензируемого заключения:

3) несмотря на знание главной цели партии «Хизб ут-Тахрир» — установление исламского государства Халифат посредством «устранения»

(спикер недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах устранения существующих правительств и вовлечения других людей в исполнение этих действий),

Данные словесные конструкции наблюдаются на с. 39 рецензируемого заключения, воспроизводятся в его подразделе «Ответ на вопросы 1, 2» на с. 47 в близком к тождественному виде.

В структуре текста лингвистического исследовательского раздела рецензируемого заключения, представленной в подразделе 3.1 настоящего заключения, приведенная словесная конструкция выступает как часть суждения, используемого экспертом для обоснования промежуточного вывода о наличии в исследуемом продукте речевой деятельности А. Дильмухаметова высказывания или высказываний, которым (в терминах рецензируемого заключения) присуще скрытое (выявляемое «на основе заложенных, в т. ч. манипулятивно навязываемых пресуппозиций») коммуникативное намерение, описываемое в рецензируемом заключении как «выражение одобрения членам партии «Хизб ут-Тахрир», отрицание террористической сущности, оправдание ее деятельности» (с. 32).

Рассматриваемая словесная конструкция включает в себя (с учетом контекста, представленного как в подразделе 3.1 настоящего заключения, так и непосредственно в тексте рецензируемого заключения) следующую информацию:

- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о том, что главная цель организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») состоит в установлении исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о вовлечении организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах, применяемых организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») для «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах вовлечения организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств.

Эксперт Е. Е. Хазимуллина обосновывает достоверность этой информации посредством цитирования продуктов речевой деятельности А. Дильмухаметова с дополнительным шрифтовым выделением отдельных их фрагментов, которое не характеризует супrasegmentные (интонационные, просодические, динамические и т. п.) параметры устной речи А. Дильмухаметова, но отражает смысловые акценты, расставляемые экспертом в высказываниях говорящего, и тем самым неизбежно вносит в продукты речевой деятельности А. Дильмухаметова искажения, проявляющиеся при восприятии третьими лицами цитируемых экспертом высказываний в их письменном представлении с теми особенностями, которые вносит шрифтовое выделение, что фактически делает Е. Е. Хазимуллину соавтором творчески перерабатываемых ею высказываний говорящего.

Е. Е. Хазимуллина приводит также словарные значения следующих языковых единиц (с. 40):

- глагола *устранить*;
- существительного *правление*;
- существительного *халиф*;
- существительного *государство*;
- существительного *путь*.

Обращение к рассматриваемым цитируемым высказываниям, в том числе в устной форме, зафиксированной исследуемой экспертами (Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой) видеофонограммой, в данном случае подтверждает, что следующая информация действительно присутствует в речевом содержании видеофонограммы:

- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о том, что главная цель организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») состоит в установлении исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о вовлечении организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств.

Глагол *утаивать*, составляющий видовую пару с глаголом *утаить*, в контексте высказывания Е. Е. Хазимуллиной «спикер недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах **устранения существующих правительств и вовлечения других людей в исполнение этих действий**» используется в значении, которое может быть представлено в виде «Сохранять в тайне, скрывать от кого-л.».

Глагол *искажать*, составляющий видовую пару с глаголом *исказить*, в контексте того же высказывания Е. Е. Хазимуллиной используется в значении, которое может быть представлено в виде «Представлять в ложном, неправильном виде; извращать смысл чьих-л. слов».

Таким образом, эксперт Е. Е. Хазимуллина пришла к промежуточному выводу о том, что А. Дильмухаметов сохраняет в тайне известную ему информацию о конкретных методах, применяемых организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») для «устранения» существующих правительств, а равно о конкретных методах вовлечения указанной организацией других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств.

При этом в спорном тексте рецензируемого заключения эксперт никаких сведений ни о конкретных методах, применяемых организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами»

(«Партия исламского освобождения») для «устранения» существующих правительств, ни о конкретных методах вовлечения указанной организацией других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств также не сообщает, что допускает три возможных объяснения:

- а) если следовать логике рецензируемого заключения, эксперт Е. Е. Хазимуллина утаивает известную ей информацию о конкретных методах, применяемых организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») для «устранения» существующих правительств, а также о конкретных методах вовлечения указанной организацией других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств;
- б) эксперту Е. Е. Хазимуллиной неизвестны те сведения, которые утаивает А. Дильмухаметов;
- в) эксперт Е. Е. Хазимуллина не раскрывает известные ей сведения о конкретных методах, применяемых организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») для «устранения» существующих правительств, а также о конкретных методах вовлечения указанной организацией других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств, поскольку не считает, что они имеют отношение к ходу проведенного ею лингвистического исследования, являются существенными с точки зрения обоснования выводов и обеспечения соблюдения принципов судебно-экспертной деятельности, включая принципы объективности и проверяемости результатов судебно-экспертного исследования.

Как было показано в подразделе 3.2.3 настоящего заключения, употребление в речи А. Дильмухаметова глагола *устранить* связано с описываемым им решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 по гражданскому делу о признании террористическими организациями пятнадцати организаций, в число которых входила организация, обозначаемая в тексте решения как «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»). Обращение к тексту указанного решения показывает, что информация о деятельности указанной организации, положенная судом в основу решения, принятого в ее отношении, сводится к следующему¹:

«Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») организация, которая имеет целью устранение исламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания «Всемирного исламского Халифата», первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ.

Основные формы деятельности: воинствующая исламистская пропаганда, сочетаемая с нетерпимостью к другим религиям; активная вербовка сторонников, целенаправленная работа по внесению раскола в общество (прежде всего пропагандистская с мощным финансовым подкреплением),

В ряде государств Ближнего Востока и СНГ (Узбекистан) запрещена законом.

В приведенном тексте судебного акта информация о конкретных методах, применяемых организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») для «устранения» существующих правительств, а также о конкретных методах вовлечения

¹ Полный текст решения доступен, в частности, на сайте Национального антитеррористического комитета по адресу <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html>.

указанной организацией других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств также отсутствует. (Видимо, если следовать логике рецензируемого заключения, Верховный Суд в тексте приведенного решения также утаил эти сведения.)

Эксперт Е. Е. Хазимуллина не сообщает также каких-либо сведений о том, как именно и в чем именно А. Дильмухаметов извращает информацию об указанных конкретных методах, не делает попытки представить искаженную А. Дильмухаметовым информацию в первоизданном, не искаженном виде.

С учетом изложенного, следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о том, что главная цель организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») состоит в установлении исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о вовлечении организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств

— **являются достоверными, не являются надлежаще обоснованными.**

Следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах, применяемых организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») для «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах вовлечения организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств,

— **не являются достоверными, не являются обоснованными, являются полностью голословными.**

3.2.6. Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, к числу промежуточных выводов (суждений эксперта Е. Е. Хазимуллиной), непосредственно использованных в спорном тексте рецензируемого заключения при формировании итоговых выводов, — тех суждений эксперта, которые воспроизведены в тождественном либо близком к тождественному виде при ответе на поставленные перед экспертом Е. Е. Хазимуллиной вопросы, — относится суждение, содержащееся (в частично скрытой форме) в следующем фрагменте спорного текста рецензируемого заключения:

А. Дильмухаметов отрицает террористическую сущность деятельности этой партии, снимает ответственность с ее членов, называя их «заблудшими или одурманенными» мусульманами, ни в чем неповинными ребятами:

Данная словесная конструкция наблюдается на с. 39 рецензируемого заключения, воспроизводится в его подразделе «Ответ на вопросы 1, 2» на с. 47 в тождественном виде.

В структуре текста лингвистического исследовательского раздела рецензируемого заключения, представленной в подразделе 3.1 настоящего заключения, приведенная словесная конструкция выступает как часть суждения, используемого экспертом для обосно-

вания промежуточного вывода о наличии в исследуемом продукте речевой деятельности А. Дильмухаметова высказывания или высказываний, которым (в терминах рецензируемого заключения) присуще скрытое (выявляемое «на основе заложенных, в т. ч. манипулятивно навязываемых пресуппозиций») коммуникативное намерение, описываемое в рецензируемом заключении как «выражение одобрения членам партии «Хизб ут-Тахрир», отрицание террористической сущности, оправдание ее деятельности» (с. 32).

Рассматриваемая словесная конструкция включает в себя (с учетом контекста, представленного как в подразделе 3.1 настоящего заключения, так и непосредственно в тексте рецензируемого заключения) следующую информацию:

- А. Дильмухаметов отрицает террористическую сущность деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»);
- А. Дильмухаметов снимает ответственность с членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»);
- А. Дильмухаметов называет их *«заблудшими или одурманенными»* мусульманами, ни в чем неповинными ребятами.

Эксперт Е. Е. Хазимуллина обосновывает достоверность этой информации посредством цитирования продуктов речевой деятельности А. Дильмухаметова с дополнительным шрифтовым выделением отдельных их фрагментов, которое не характеризует супrasegmentные (интонационные, просодические, динамические и т. п.) параметры устной речи А. Дильмухаметова, но отражает смысловые акценты, расставляемые экспертом в высказываниях говорящего, и тем самым неизбежно вносит в продукты речевой деятельности А. Дильмухаметова искажения, проявляющиеся при восприятии третьими лицами цитируемых экспертом высказываний в их письменном представлении с теми особенностями, которые вносит шрифтовое выделение, что фактически делает Е. Е. Хазимуллину соавтором творчески перерабатываемых ею высказываний говорящего.

Цитируемые в рецензируемом заключении в обоснование рассматриваемых промежуточных выводов высказывания А. Дильмухаметова в значительной степени пересекаются в рассмотренными в подразделе 3.2.3 настоящего заключения. Как показано в подразделе 3.2.3, А. Дильмухаметов сообщает в исследуемой экспертами видеодфонограмме значительный объем фактических сведений, в том числе:

- о содержании решения Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 по гражданскому делу о признании террористическими организациями пятнадцати организаций, в число которых входила организация, обозначаемая в тексте решения как «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»), — говорящий (1) сообщает, что указанной организации уделено в указанном решении «четыре-пять строчек», (2) приводит в форме косвенной речи приблизительное содержание формулировок, использованных в решении для обоснования тезиса о террористическом характере деятельности организации (*«говорится о том, что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить... И всё, вербовка членов»*), и (3) сообщает об отсутствии в указанном решении сведений о фактах осуществления указанной организацией каких-либо действий, соответствующих понятию *терроризм* и *террористическая деятельность*, действующие в настоящее время определения которых были введены в законодательство РФ со значительной временной задержкой относительно принятия указанного решения, а также об отсутствии таких фактов в реальной действительности;
- о практике уголовного преследования членов организации «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») и тенденциях изменения

этой практики с течением времени, связанных с изменениями в действующем законодательстве, — сообщает, что лица, подвергаемые преследованию за участие в деятельности указанной организации, привлекались к уголовной ответственности по разным статьям УК РФ по мере их принятия, с ужесточением в настоящее время карательных мер — «репрессий», предусмотренных применяемой в настоящее время статьей;

- о том, что в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, существует обильная («очень много») практика уголовного преследования членов указанной организации.

Описанные фактические сведения сопровождаются множеством негативных **оценочных суждений**. В частности, говорящий выражает:

- оценку описанной им практики уголовного преследования членов организации «Хизб ут_Тахрир аль-Ислами» через ее последовательное сравнение с катком;
- оценку описываемого говорящим положения дел как *проблемы (проблема — ‘Сложный вопрос, нуждающийся в специальном исследовании; задача, не имеющая пока решения’)*;
- оценку сроков наказания, предусмотренных статьей 205.5 УК РФ, применяемой при уголовном преследовании членов указанной организации в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, как *диких* (‘Очень сильных по степени проявления, чрезмерных, переходящих границы нормального, обычного’), *ужасных* (‘Очень тяжёлых, трагических’, ‘Вызывающих изумление, негодование, расстройство’ либо ‘Очень плохих, скверных’ — данное словоупотребление в речи А. Дильмухаметова является неоднозначным, контекст недостаточен для разрешения указанной неоднозначности; по общему правилу значение, в котором данное слово использовано говорящим, доподлинно известно в подобных случаях лишь самому говорящему), *лютых* (‘Причиняющих невыносимые страдания; мучительных’ либо ‘Чрезмерных, необычайных по силе, интенсивности, степени своего проявления’), *людоедских* (характерных для *людоеда* — в значении ‘О жестоком, кровожадном человеке, убийце многих людей’) и т. п.,

— а также выражает информацию **аналитического типа** — высказывает ряд взаимосвязанных суждений и формулирует основанные на них выводы, а именно:

- поскольку, в соответствии с сообщаемыми говорящим фактическими сведениями:
  - решение суда по гражданскому делу о признании ряда организаций, в том числе «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», террористическими организациями не содержало сведений о фактах осуществления указанной организацией каких-либо действий, соответствующих понятию *терроризм* и *террористическая деятельность*;
  - действующие определения указанных понятий были введены в законодательство РФ со значительной временной задержкой относительно принятия указанного решения;
  - факты совершения членами организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» каких-либо действий, соответствующих понятию *терроризм* и *террористическая деятельность*, в реальной действительности отсутствуют;

- в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, существует обильная («очень много») практика уголовного преследования членов указанной организации, характеризующихся говорящим в том числе через указание этнической принадлежности преследуемых лиц (башкиры, татары);
- все без исключения члены указанной организации характеризуются принадлежностью к мусульманскому вероисповеданию,
- говорящий высказывает суждение о том, что уголовное преследование членов указанной организации в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, является незаконным, представляет собой «антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания».

Описанное рассуждение действительно допускает его описание как продукта речевой деятельности, выражающего отрицание террористической сущности деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»).

Существительное *ответственность* в значении ‘Обязанность отвечать за последствия предпринимаемых действий; возможность понести наказание за плохие результаты какой-л. деятельности’ характеризуется в современном русском языке наличием обязательной валентности, заполняемой предложно-падежной формой *за+вин.п.*(*за кого-что?*). Оставление этой валентности не заполненной приводит к семантической неполноте высказывания, утрачивающего в итоге способность служить обозначением какого-либо явления реальной действительности. В большинстве случаев восстановление пропущенной словоформы возможно по контексту, однако в контексте высказывания «А. Дильмухаметов отрицает террористическую сущность деятельности этой партии, снимает ответственность с ее членов, называя их «заблудшими или одурманенными» мусульманами, ни в чем неповинными ребятами» в спорном тексте рецензируемого заключения отсутствуют иные высказывания эксперта, которые содержали бы информацию о каких-либо конкретных действиях лиц, с которых А. Дильмухаметов снимает ту ответственность, о которой пишет эксперт.

Словесные конструкции, соответствующие описанию «А. Дильмухаметов называет их «заблудшими или одурманенными» мусульманами, ни в чем неповинными ребятами» действительно наблюдаются в цитируемых экспертом Е. Е. Хазимуллиной фрагментах речевого содержания исследуемой ею видеофонограммы.

С учетом изложенного, следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов отрицает террористическую сущность деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»);
- А. Дильмухаметов называет их «заблудшими или одурманенными» мусульманами, ни в чем неповинными ребятами

— являются достоверными, не являются надлежаще обоснованными.

Следующий вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов снимает ответственность с членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»)

— является семантически неполным, в силу этого не является достоверным, не является надлежаще обоснованным.

3.2.7. Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, к числу промежуточных выводов (суждений эксперта Е. Е. Хазимуллиной), непосредственно использованных в спорном тексте рецензируемого заключения при формировании итоговых выводов, — тех суждений эксперта, которые воспроизведены в тождественном либо близком к тожде-

ственному виде при ответе на поставленные перед экспертом Е. Е. Хазимуллиной вопросы, — относится суждение, содержащееся (в частично скрытой форме) в следующем фрагменте спорного текста рецензируемого заключения:

А. Дильмухаметов:

4) обнаруживает знание основных элементов идеологии партии «Хизб ут-Тахрир», раскрывает их, оценивая с точки зрения применимости для установления «нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» (как мифические и иллюзорные, неприменимые временно: «по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», «при таком законодательстве»):

Данная словесная конструкция наблюдается на с. 40 рецензируемого заключения, воспроизводится в его подразделе «Ответ на вопросы 1, 2» на с. 47 в тождественном виде.

В структуре текста лингвистического исследовательского раздела рецензируемого заключения, представленной в подразделе 3.1 настоящего заключения, приведенная словесная конструкция выступает как часть суждения, используемого экспертом для обоснования промежуточного вывода о наличии в исследуемом продукте речевой деятельности А. Дильмухаметова высказывания или высказываний, которым (в терминах рецензируемого заключения) присуще скрытое (выявляемое «на основе заложенных, в т. ч. манипулятивно навязываемых пресуппозиций») коммуникативное намерение, описываемое в рецензируемом заключении как «выражение одобрения членам партии «Хизб ут-Тахрир», отрицание террористической сущности, оправдание ее деятельности» (с. 32).

Рассматриваемая словесная конструкция включает в себя (с учетом контекста, представленного как в подразделе 3.1 настоящего заключения, так и непосредственно в тексте рецензируемого заключения) следующую информацию:

- А. Дильмухаметов, обнаруживая (проявляя) знание элементов идеологии организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), раскрывает в речи их содержание;
- раскрываемые в речи А. Дильмухаметова элементы идеологии указанной организации относятся к числу основных элементов ее идеологии;
- А. Дильмухаметов оценивает раскрываемые им в речи элементы идеологии указанной организации как мифические;
- А. Дильмухаметов оценивает раскрываемые им в речи элементы идеологии указанной организации как иллюзорные;
- А. Дильмухаметов с использованием следующих словесных конструкций: «по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», «при таком законодательстве» — оценивает раскрываемые им в речи элементы идеологии указанной организации как неприменимые временно;
- оценка А. Дильмухаметовым раскрываемых им в речи элементов идеологии указанной организации производится с точки зрения их применимости для установления «нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ».

Эксперт Е. Е. Хазимуллина обосновывает достоверность этой информации посредством цитирования следующих продуктов речевой деятельности А. Дильмухаметова с дополнительным шрифтовым выделением отдельных их фрагментов, которое не характеризует супrasegmentные (интонационные, просодические, динамические и т. п.) параметры устной речи А. Дильмухаметова, но отражает смысловые акценты, расставляемые экспертом в высказываниях говорящего, и тем самым неизбежно вносит в продукты речевой деятельности А. Дильмухаметова искажения, проявляющиеся при восприятии третьими ли-

цами цитируемых экспертом высказываний в их письменном представлении с теми особенностями, которые вносит шрифтовое выделение, что фактически делает Е. Е. Хазимуллину соавтором творчески перерабатываемых ею высказываний говорящего (с. 40–41):

«Вообще, я начну, конечно, с четырнадцатого февраля две тысячи третьего года. Да, четырнадцатого февраля две тыщи третьего года, то есть уже, а-а, свыше пятнадцати лет, а-а, в этой стране, в которой есть конституция и в которой есть, а-а-а, знаменитая и очень классная статья – двадцать восемь, которая гарантирует свободу религии, вероисповедания, а-а-а, индивидуального, коллективного, не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями или вообще не исповедовать ничего. А-а, вот это вот очень мощная, двадцать восьмой статья. И вот в этой стране, у которой такая, ну, в целом неплохая конституция в плане прав и свобод человека и гражданина, действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправосудное решение Верховного суда Российской Федерации, я уже щас номер не помню, от четырнадцатого, ноль второго, ноль третьего»...

«Вот я сейчас говорю конкретно про вот этого «Хизб ут-Тахрир». Четыре-пять строчек, а-а, говорится о том, что они используют, а-а-а, значит, агрессивную исламистскую риторику, а, хотят устранить, устранить, а что такое устранить? Устранение – это вообще язык не ю.., не юридический. Потому что под устранением можно пон.., понимать все, что угодно. И всё, вербовка членов. Ни одного факта террористической деятельности нет» (06:23); «А-а, и делаю это, потому что на самом деле, я считаю, что цели, которые вот эта партия ставит, а, они абсолютно мифические, а-а, бесперспективные и безрезультатные. То есть у них, а, цель какая, а-а-а, – значит, исламская политическая агитация, выход на выборы – второй шаг и третье, значит, – создание исламской формы правления, а четвертое – объединение всех вот этих огромных, там победило исламское правительство, там победило, объединение ва, в какой-то, значит, всеобщий Халифат. Ну, понятно, что, если.., это полная иллюзия, и никакой халиф, и никакой царь, будь он в Москве или в Багдаде, никогда за нас наших вопросов и проблем не решит. Во-вторых, на какие выборы вы, а-а, собрались выходить: на «хайдарвалеевские» выборы или на «эллапонфиловские»? Кто вас вообще допустит, а если вы туда выйдете, что вам нарисуют, да и вообще, кто будет голосовать? Как один говорил же человек (усмехается): «Исламское государство провозгласить легко, где вы возьмете столько мусульман?». Нет и не было. Подвергать себя такому просто неоправданному риску, а-а, и, самое главное, – было бы за что, было бы во имя чего. Все эти цели, а-а, которые декларируются, вот этими, там, агитаторами или кем, они абсолютно недостижимы, мифичны. Тот путь, по которому надо идти, – это политическое просвещение, это борьба за права, свободы человека и гражданина в рамках модели светского государства, я подчеркиваю еще раз: светского государства, в рамках, а-а, демократического дискурса, либерального дискурса, а-а, в рамках дискурса нового федерализма. Никому не запрещается обсуждать конституцию, указывать на ее плюсы и минусы, достоинства и недостатки, предлагать абсолютно мирные, легальные, а, методы, формы наполнения конституционных норм новым содержанием. Вот в плане опять же федеративных отношений! И этим надо пользоваться! Но ставить какие-то вот совершенно недостижимые, мифические цели, да еще в условиях, а-а, тако-

го драконовского законодательства – это значит заранее обречь ни в чем неповинных ребят на длительные тюремные сроки заключения» (12:42-15:44); «Тяжело говорить об, а-а-а, об этом, когда ты сам прекрасно знаешь, что ждет их. Не знаю, думаю, что, а-а, участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве не имеет никакого смысла, более того, оно наносит определенный, а-а-а, вполне конкретный вред» (16:08).

Е. Е. Хазимуллина приводит также словарные значения следующих языковых единиц (с. 40):

- наречия пока;
- предлога при.

Обращение к рассматриваемым цитируемым высказываниям, в том числе в устной форме, зафиксированной исследуемой экспертами (Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой) видеофонограммой, в данном случае подтверждает, что следующая информация действительно присутствует в речевом содержании видеофонограммы:

- А. Дильмухаметов, обнаруживая (проявляя) знание элементов идеологии организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), раскрывает в речи их содержание (к данной категории может быть отнесено следующее высказывание: «То есть у них, а, цель какая, а-а-а, – значит, исламская политическая агитация, выход на выборы – второй шаг и третье, значит, – создание исламской формы правления, а четвертое – объединение всех вот этих огромных, там победило исламское правительство, там победило, объединение ва, в какой-то, значит, всеобщий Халифат»);
- А. Дильмухаметов оценивает раскрываемые им в речи элементы идеологии указанной организации как мифические (к данной категории могут быть отнесены следующие высказывания: «А-а, и делаю это, потому что на самом деле, я считаю, что цели, которые вот эта партия ставит, а, они абсолютно мифические, а-а, бесперспективные и безрезультатные... Все эти цели, а-а, которые декларируются, вот этими, там, агитаторами или кем, они абсолютно недостижимы, мифичны... Но ставить какие-то вот совершенно недостижимые, мифические цели, да еще в условиях, а-а, такого драконовского законодательства – это значит заранее обречь ни в чем неповинных ребят на длительные тюремные сроки заключения»);
- А. Дильмухаметов оценивает раскрываемые им в речи элементы идеологии указанной организации как иллюзорные (к данной категории может быть отнесено следующее высказывание: «это полная иллюзия, и никакой халиф, и никакой царь, будь он в Москве или в Багдаде, никогда за нас наших вопросов и проблем не решит»).

Суждение о том, какие элементы идеологии той или иной организации могут быть отнесены к числу основных, носит специальный (в общем случае) социологический или (в данном случае, поскольку речь идет об организации, использующей в политической деятельности религиозный понятийный аппарат) политологический либо религиоведческий характер, не относится к области лингвистики и не соответствует виду экспертизы, по результатам которой составлен спорный текст рецензируемого заключения. Представленные материалы не содержат сведений о том, что эксперты Е. Е. Хазимуллина и Е. А. Плеханова обращались к лицу, назначившему экспертизу, с ходатайством о привлечении к ее производству каких-либо экспертов, обладающих специальными знаниями в областях, отличных от лингвистики и психологии. Описанное положение дел представляет собой **специальный экспертологический признак выхода** эксперта

Е. Е. Хазимуллиной за пределы компетенции, несоответствия рецензируемого заключения принципу определенной и ограниченной процессуальной компетенции, а равно свидетельствует о том, что следующий промежуточный вывод:

- раскрываемые в речи А. Дильмухаметова элементы идеологии указанной организации относятся к числу основных элементов ее идеологии

— **не является надлежаще обоснованным.**

Эксперт Е. Е. Хазимуллина приводит в спорном тексте рецензируемого заключения следующие словарные данные:

- «*по крайней мере* – '2. Употребляется как вводное словосочетание, выражающее достаточную уверенность в достоверности высказывания и соответствующее по значению слову: во всяком случае' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/214832/По>]» (с. 23 рецензируемого заключения);
- «*пока* – 'I. В течение некоторого времени; до сих пор еще; впредь до чего-л. || Временно' [ВТС 2000, с. 892]» (с. 23 и (повторно) с. 41 рецензируемого заключения).

Именно на этих словарных дефинициях основана интерпретация экспертом высказываний А. Дильмухаметова, в которых используются данные единицы языка, как определенно указывающих на ограничение времени действия:

- его предостережения против участия в деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами»;
- его суждения о неприменимости идеологии указанной организации для достижения политических целей А. Дильмухаметова.

Обращение к лексикографическим источникам (в том числе и прежде всего к тем, на которые ссылается Е. Е. Хазимуллина) показывает, что обе рассматриваемые языковые единицы являются в современном русском языке неоднозначными.

Так, в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой, на онлайн-версию которого ссылается эксперт, именно на той интернет-странице, куда ведет предлагаемая экспертом ссылка, зафиксированы три разных значения вокабулы *по крайней мере*, описывающие возможность использования этого выражения в качестве языковой единицы с различной категориальной (частеречной) принадлежностью:

I нареч. качеств.-обстоят.

1. Не меньше чем, самое меньшее, как минимум.

2. Употребляется как вводное словосочетание, выражающее достаточную уверенность в достоверности высказывания и соответствующее по значению слову: во всяком случае.

II част.

Употребляется при ограничительном выделении слова; во всяком случае.

Описанная неоднозначность подлежит разрешению через обращение к контексту употребления выражения *по крайней мере* в речи А. Дильмухаметова. В речевом содержании исследуемой экспертами видеофонограммы имеется лишь один такой контекст, а именно: «*Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан..., драконовские законы*» (приведен на с. 21 рецензируемого заключения, многократно воспроизводится экспертом в дальнейшем). Аудирование соответствующего фрагмента представленной видеофонограммы (12:29–12:41) показывает, что приведенное высказывание

говорящего разделено паузами (включая микропаузы, в которых происходит смена интонационной конструкции) на следующие пять синтагм (отрезков непрерывной фонации):

- «Но я хотел бы просто вот, просто...»;
- «просто предостеречь этих молодых ребят, как правило...»;
- «не входить туда и не связываться...»;
- «ну, по крайней мере, пока такие дракан...»
- «драконовские законы».

Наличие микропаузы между двумя последними приведенными синтагмами вызвано допущенной говорящим речевой ошибкой, замеченной им и исправляемой непосредственно в потоке речи, что приводит к смене интонационной конструкции.

Словоупотребление *по крайней мере* в речи А. Дильмухаметова в рассматриваемом контексте не имеет характерного для вводных слов и конструкций интонационного оформления, образующего отдельный от предыдущего и последующего контекстов интонационный контур, не может трактоваться как относящееся к предыдущему контексту «Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться...». Сказанное противоречит предположению об использовании словоупотребления *по крайней мере* в рассматриваемом контексте в значении вводного слова.

Использование выражения *по крайней мере* как вводного словосочетания характерно для суждений, достоверность которых подвергается говорящим градуальной оценке «достаточная уверенность в достоверности высказывания», что не соответствует информационно-типологическим свойствам рассматриваемого высказывания и противоречит предположению об использовании словоупотребления *по крайней мере* в рассматриваемом контексте в значении вводного слова.

Эксперт Е. Е. Хазимуллина полностью упускает из виду существование в современном русском языке частицы *по крайней мере*, описанной в источнике, на который она ссылается. Между тем никаких явлений, противоречащих предположению об употреблении в рассматриваемом высказывании частицы *по крайней мере*, обеспечивающей ограничительное выделение непосредственно следующего за частицей слова *пока*, не наблюдается.

С учетом изложенного, словарное значение словоупотребления *по крайней мере* выбрано экспертом произвольно, без учета контекста, с которым оно вступает в противоречие (нарушая принцип синсемичности и не соответствуя наблюдаемым супraseгментным явлениям — паузации и интонации) при наличии возможности непротиворечивой интерпретации высказывания на основе иного словарного значения.

Словарная статья «Большого толкового словаря», на которую ссылается эксперт, описывая значение слова *пока*, имеет следующий вид:

ПОКА. I. нареч. В течение некоторого времени; до сих пор ещё; впредь до чего-л. *Побудь п. здесь. Я п. подожду. П. ничего неизвестно. Сын п. учится. П. все соберутся. Ему п. везёт. //* Временно. *Переберись п. к соседям, поживи у них. II. союз.* В то время как; до того времени как. *П. сын учится, надо ему помочь. П. солнце не взойдёт, на траве лежит иней. Литература существует, п. она понятна. Сердце любит до тех пор, п. не истратит своих сил. III. частица.* Разг. До свидания. *Ну, я пошёл, п.! <А пока, нареч.* Сейчас, в данный момент. *Скоро встретимся, а пока желаю вам хорошего отдыха. На пока (дать, взять), нареч.* Ненадолго, на ближайшее время. *Взять что-л. на пока. Пока что, нареч.* В настоящее время, независимо от того, что произойдёт потом. *Я пока что доволен.*

Эксперт допускает грубую ошибку, анализируя слово *пока* в рассматриваемом контексте *«Но я хотел бы просто вот, просто, просто предостеречь этих молодых ребят, как правило, не входить туда и не связываться, ну, по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы»* в качестве наречия.

Единственная грамматически возможная интерпретация словоупотребления *пока* в этом контексте — как союза, присоединяющего придаточное предложение с нулевой связкой *«пока такие дракан.., драконовские законы»* ('пока существуют такие драконовские законы').

В сочетании с ограничительным выделением данного союза с помощью частицы *по крайней мере* смысловое содержание, выражаемое указанным придаточным в составе рассматриваемого высказывания, не соответствует описанию, данному экспертом Е. Е. Хазимуллиной на с. 22 спорного текста рецензируемого заключения: *«обратиться к «заблудшим или одурманенным» членам партии «Хизб ут- Тахрир», предостеречь их от временного («по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», «при таком законодательстве») вхождения в эту партию, участия, членства», основанному на ошибочном, как показано выше, выборе актуальных для рассматриваемого контекста словарных значений.*

В действительности же словесная конструкция *«по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы»* в рассматриваемом контексте представляет собой придаточное времени, снабженное ограничительным выделением с помощью частицы *по крайней мере*, выражающей тот же смысл, что, например, в высказывании *«*Тебе нужно поспать, по крайней мере до 10 часов»*¹ (говорящий здесь вовсе не требует, не подразумевает и не практикует какую-либо суггестию, направленную на то, чтобы адресат высказывания непременно поставил на 10 часов будильник). Подвергнутая ограничительному выделению с помощью частицы *по крайней мере* словесная конструкция указывает тот период времени, на который побуждение говорящего распространяется в наибольшей степени.

С учетом изложенного, наблюдаемая в речевом содержании исследуемой экспертами видеофонограммы словесная конструкция *«по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», «при таком законодательстве»* не выражает смысла, в соответствии с которым говорящий предостерегает от **временного вхождения** в партию. В действительности А. Дильмухаметов выражает предостережение от вхождения в партию «Хизб ут-Тахрир» как такового, которое он считает наиболее актуальным и важным в период действия тех норм антитеррористического и антиэкстремистского законодательства, упоминаемых в его речи.

С учетом изложенного, следующий вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов с использованием следующих словесных конструкций: *«по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», «при таком законодательстве»* — оценивает раскрываемые им в речи элементы идеологии указанной организации как неприменимые временно

— **не является достоверным, не является надлежаще обоснованным.**

В составе продуктов речевой деятельности, на которых Е. Е. Хазимуллина основывает промежуточный вывод о том, что А. Дильмухаметов оценивает идеологию организации «Хизб ут-Тахрир» с точки зрения ее применимости для установления *«нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»*, действительно присутствует упоминание понятия «новый федерализм» (*«Тот путь, по которому надо идти, — это*

¹ Здесь и далее символ астериска (*) используется в начале иллюстративных примеров, не являющихся продуктами речевой деятельности, зафиксированными в представленных материалах данного уголовного дела.

политическое просвещение, это борьба за права, свободы человека и гражданина в рамках модели светского государства, я подчеркиваю еще раз: светского государства, в рамках, а-а, демократического дискурса, либерального дискурса, а-а, в рамках дискурса нового федерализма»).

Выразив негативную оценку целей, которые ставит перед собой указанная организация:

«А-а, и делаю это, потому что на самом деле, я считаю, что цели, которые вот эта партия ставит, а, они абсолютно мифические, а-а, бесперспективные и безрезультатные»,

— и кратко рассказав о содержании политических планов («элементов идеологии», согласно рецензируемому заключению) указанной организации:

«То есть у них, а, цель какая, а-а-а, — значит, исламская политическая агитация, выход на выборы — второй шаг и третье, значит, — создание исламской формы правления, а четвертое — объединение всех вот этих огромных, там победило исламское правительство, там победило, объединение ва, в какой-то, значит, всеобщий Халифат»,

— А. Дильмухаметов затем переходит к критике указанных планов (элементов идеологии):

«Ну, понятно, что, если.., это полная иллюзия, и никакой халиф, и никакой царь, будь он в Москве или в Багдаде, никогда за нас наших вопросов и проблем не решит. Во-вторых, на какие выборы вы, а-а, собрались выходить: на «хайдарвалеевские» выборы или на «эллапонфиловские»? Кто вас вообще допустит, а если вы туда выйдете, что вам нарисуют, да и вообще, кто будет голосовать? Как один говорил же человек (усмехается): «Исламское государство провозгласить легко, где вы возьмете столько мусульман?». Нет и не было. Подвергать себя такому просто неоправданному риску, а-а, и, самое главное, — было бы за что, было бы во имя чего. Все эти цели, а-а, которые декларируются, вот этими, там, агитаторами или кем, они абсолютно недостижимы, мифичны»,

— и противопоставляет этим планам элементы собственной политической программы:

«Тот путь, по которому надо идти, — это политическое просвещение, это борьба за права, свободы человека и гражданина в рамках модели светского государства, я подчеркиваю еще раз: светского государства, в рамках, а-а, демократического дискурса, либерального дискурса, а-а, в рамках дискурса нового федерализма. Никому не запрещается обсуждать конституцию, указывать на ее плюсы и минусы, достоинства и недостатки, предлагать абсолютно мирные, легальные, а, методы, формы наполнения конституционных норм новым содержанием. Вот в плане опять же федеративных отношений! И этим надо пользоваться!»,

— после чего вновь возвращается к критике политических планов «Хизб ут-Тахрир»:

«Но ставить какие-то вот совершенно недостижимые, мифические цели, да еще в условиях, а-а, такого драконовского законодательства — это значит заранее обрекать ни в чем неповинных ребят на длительные тюремные сроки заключения»,

«Тяжело говорить об, а-а-а, об этом, когда ты сам прекрасно знаешь, что ждет их. Не знаю, думаю, что, а-а, участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве не имеет никакого смысла, более того, оно наносит определенный, а-а-а, вполне конкретный вред».

Такая структура сообщения в рамках политического дискурса соответствует представлению о политической борьбе, предположению о том, что А. Дильмухаметов рассматривает организацию «Хизб ут-Тахрир» в качестве своего политического конкурента, в

связи с чем осуществляет дискредитацию ряда ее программных положений, противопоставляя им элементы программы собственной («политическое просвещение», «борьба за права, свободы человека и гражданина», «модель светского государства», «демократический дискурс, либеральный дискурс... дискурс нового федерализма», «абсолютно мирные, легальные... методы, формы наполнения конституционных норм новым содержанием»).

В каких продуктах речевой деятельности эксперт Е. Е. Хазимуллина обнаруживает в этом сообщении признаки того, что А. Дильмухаметов оценивает идеологию организации «Хизб ут-Тахрир» с точки зрения ее применимости для установления «нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ», и какие именно это признаки, в рецензируемом заключении не сообщается.

Идеология указанной организации негативно оценивается А. Дильмухаметовым и безусловно противопоставляется тем политическим взглядам, которые он выразил в предыдущем контексте и высказывает в контексте последующем. А. Дильмухаметов рассматривает указанную организацию как своего политического конкурента, в связи с чем осуществляет попытку дискредитировать ее в глазах потенциальных сторонников и избирателей, одновременно используя слабости политической программы и (или) идеологии «Хизб ут-Тахрир» для пропаганды собственных взглядов за счет создаваемого им абсолютного контраста.

С учетом изложенного, следующий вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- оценка А. Дильмухаметовым раскрываемых им в речи элементов идеологии указанной организации производится с точки зрения их применимости для установления «нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

— не является достоверным, не является надлежаще обоснованным.

3.2.8. Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, к числу промежуточных выводов (суждений эксперта Е. Е. Хазимуллиной), непосредственно использованных в спорном тексте рецензируемого заключения при формировании итоговых выводов, — тех суждений эксперта, которые воспроизведены в тождественном либо близком к тождественному виде при ответе на поставленные перед экспертом Е. Е. Хазимуллиной вопросы, — относится суждение, содержащееся (в частично скрытой форме) в следующем фрагменте спорного текста рецензируемого заключения:

Таким образом, в исследуемой видеозаписи проводится мысль о том, что организация «Партия исламского освобождения «Хизб ут-Тахрир»», «Хизбы – террористы по разнарядке» (см. название видеоролика): их назначили террористами в плановом порядке. Спикер явно и скрыто утверждает, что на самом деле она:

1) является религиозной, исламской, ее члены – это мусульмане (в т. ч. татары и башкиры в Поволжье, на Урале), преследуемые по религиозному и национальному признаку, «ни за что», по «принадлежности к исламу»:

ее члены (мусульмане) имеют право на свободу религии, вероисповедания: «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»¹).

2) **судебное решение о признании этой организации террористической является неправомерным**

поскольку:

а) «были попораны» абсолютно все «принципы судопроизводства»:

б) ее «надо» было признать террористической, это «разнарядка»:

Явно спикер выражает **побуждение, адресованное «членам» партии «Хизб ут-Тахрир», «заблудшим или одурманенным» «молодым ребятам», «не входить туда и не связываться»** (с этой организацией). Однако в подтексте этого предостережения содержится скрытое **побуждение (в форме разрешения допустимого действия)**, адресованное мусульманам, входить в партию «Хизб ут-Тахрир», участвовать в ее деятельности после того, как перестанут действовать такие *«драконовские законы»* (= позже):

Данные словесные конструкции наблюдаются на с. 41–43 рецензируемого заключения, воспроизводятся в его подразделе «Ответ на вопросы 1, 2» на с. 47 в близком к тождественному виде.

В тексте подраздела «Ответ на вопросы 1, 2» спорного текста рецензируемого заключения приведенные словесные конструкции имеют форму вывода, всецело основанного на информации, изложенной в указанном подразделе в их предыдущем контексте, и обобщающего ее (*таким образом* — ‘Так, итак; следовательно’), то есть на промежуточных выводах эксперта Е. Е. Хазимуллиной, рассмотренных в подразделах 3.2.1–3.2.7 настоящего заключения. В структуре текста лингвистического исследовательского раздела рецензируемого заключения, представленной в подразделе 3.1 настоящего заключения, приведенные словесные конструкции также имеют форму вывода, обобщающего изложенную в предыдущем контексте информацию, и, соответственно, также рассматриваются как основанные на промежуточных выводах эксперта Е. Е. Хазимуллиной, рассмотренных в подразделах 3.2.1–3.2.7 настоящего заключения.

Рассматриваемые словесные конструкции сопровождаются на с. 41–44 рецензируемого заключения множественными цитатами из речи А. Дильмухаметова, представленными, аналогично всем предыдущим случаям, с дополнительным шрифтовым выделением отдельных их фрагментов, которое не характеризует супрасегментные (интонационные, просодические, динамические и т. п.) параметры устной речи А. Дильмухаметова, но отражает смысловые акценты, расставляемые экспертом в высказываниях говорящего, и тем самым неизбежно вносит в продукты речевой деятельности А. Дильмухаметова искажения, проявляющиеся при восприятии третьими лицами цитируемых экспертом высказываний в их письменном представлении с теми особенностями, которые вносит шрифтовое выделение, что фактически делает Е. Е. Хазимуллину соавтором творчески перерабатываемых ею высказываний говорящего.

Входящие в эти цитаты высказывания А. Дильмухаметова использовались экспертом Е. Е. Хазимуллиной при получении промежуточных выводов, рассмотренных в подразделах 3.2.1–3.2.7 настоящего заключения.

Приводимые в обоснование вывода, представленного рассматриваемой словесной конструкцией, словарные данные представляют собой повтор словарных статей и их фрагментов, использовавшихся в рецензируемом заключении для обоснования промежуточных выводов, рассмотренных в подразделах 3.2.1–3.2.7 настоящего заключения.

Эксперт не приводит каких-либо дополнительных суждений, которые формировали бы рассуждения в обоснование данного вывода.

С учетом изложенного, оценка промежуточных выводов, представленная в подразделах 3.2.1–3.2.7 настоящего заключения, распространяется на аналогичные указанным промежуточным выводам суждения, входящие в состав рассматриваемой словесной конструкции.

3.2.9. Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, к числу промежуточных выводов (суждений эксперта Е. Е. Хазимуллиной), непосредственно использованных в спорном тексте рецензируемого заключения при формировании итоговых выводов, — тех суждений эксперта, которые воспроизведены в тождественном либо близком к тожде-

ственному виде при ответе на поставленные перед экспертом Е. Е. Хазимуллиной вопросы, — относится суждение, содержащееся (в частично скрытой форме) в следующем фрагменте спорного текста рецензируемого заключения:

О целенаправленности речевых действий спикера свидетельствует жанр видеозаписи – обращение с предостережением, рекомендацией
свобода самовыражения
использование оптатива «хотеть»
средств побуждения целевой аудитории, а также стройная система аргументации , применение стратегия убеждения , повторы ключевых слов и идей :

Данные словесные конструкции наблюдаются на с. 44–45 рецензируемого заключения, воспроизводятся в его подразделе «Ответ на вопросы 1, 2» на с. 48 в близком к тождественному виде.

Данные словесные конструкции формируют единое суждение, основанное на наблюдаемых в тексте речевых фактах.

С учетом изложенного, представленный данными словесными конструкциями промежуточный вывод эксперта о целенаправленности речевых действий спикера, зафиксированных исследуемой экспертами видеофонограммой, является обоснованным и достоверным, однако, исходя из общей задачи судебно-экспертной деятельности, состоящей в содействии суду в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение по конкретному делу, **не является полным**.

Чрезвычайно важным и необходимым представляется следующее отсутствующее в спорном тексте рецензируемого заключения уточнение: целенаправленность является общим свойством речевой деятельности как таковой. Скажем, Е. Е. Хазимуллина вряд ли будет отрицать, что продукты ее устной речевой деятельности, зафиксированные протоколом допроса от 06.02.2020, носили целенаправленный характер. Однако это не дает специалистам оснований предполагать, что тот факт, что допрашиваемое лицо многократно, систематически и последовательно называет их специалистами ГЛЭДИС, хотя в действительности специалист-психолог В. В. Константинова членом указанной Гильдии не является, никогда не являлась и ранее составленные специалистами заключения № СЭ-199/19 от 25.10.2019 и № СЭ-206/19 от 16.11.2019 не содержат информации об обратном, свидетельствует о намеренном введении Е. Е. Хазимуллиной следователя в заблуждение. В составе продуктов целенаправленной речевой деятельности вполне могут существовать высказывания, не являющиеся успешной реализацией подлинных коммуникативных намерений говорящего, и доля таких высказываний может быть весьма значительной, особенно в случае устной речи. Суждение о целенаправленности обращения в целом не дает достаточных оснований для приписывания свойства быть целенаправленным и намеренным каждому высказыванию и каждому фрагменту высказывания в его составе.

3.2.10. Как показано в подразделе 3.1 настоящего заключения, к числу промежуточных выводов (суждений эксперта Е. Е. Хазимуллиной), непосредственно использованных в спорном тексте рецензируемого заключения при формировании итоговых выводов, — тех суждений эксперта, которые воспроизведены в тождественном либо близком к тождественному виде при ответе на поставленные перед экспертом Е. Е. Хазимуллиной вопросы, — относится суждение, содержащееся (в частично скрытой форме) в следующем фрагменте спорного текста рецензируемого заключения:

Примечательно, что спикер лично **солидаризируется с членами партии «Хизб ут-Тахрир»** (прежде всего как с татарами и башкирами, в т. ч. гражданами Башкортостана) в идее создания нового государства –

(его не устраивает лишь тип этого нового государства в идеологии «Хизб ут-Тахрир»; здесь осуществляется **частичное оправдание** деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир»):

Данные словесные конструкции наблюдаются на с. 45 рецензируемого заключения, воспроизводятся в его подразделе «Ответ на вопросы 1, 2» на с. 48 в близком к тождественному виде.

Данные словесные конструкции формируют единое суждение, основанное на приведенных экспертом в его обоснование фрагментах речевого содержания исследуемой экспертами видеофонограммы (с. 45–46), представленных, аналогично всем предыдущим случаям, с дополнительным шрифтовым выделением отдельных их фрагментов, которое не характеризует супrasegmentные (интонационные, просодические, динамические и т. п.) параметры устной речи А. Дильмухаметова, но отражает смысловые акценты, расставляемые экспертом в высказываниях говорящего, и тем самым неизбежно вносит в продукты речевой деятельности А. Дильмухаметова искажения, проявляющиеся при восприятии третьими лицами цитируемых экспертом высказываний в их письменном представлении с теми особенностями, которые вносит шрифтовое выделение, что фактически делает Е. Е. Хазимуллину соавтором творчески перерабатываемых ею высказываний говорящего.

Входящие в эти цитаты высказывания А. Дильмухаметова использовались экспертом Е. Е. Хазимуллиной при получении промежуточных выводов, рассмотренных в подразделе 3.2.7 настоящего заключения.

Как показано в подразделе 3.2.7 настоящего заключения, следующий промежуточный вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- оценка А. Дильмухаметовым раскрываемых им в речи элементов идеологии указанной организации производится с точки зрения их применимости для установления *«нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»*

— **не является достоверным, не является надлежаще обоснованным.**

Словосочетание *идея создания нового государства* является в современном русском языке неоднозначным, прежде всего за счет разнообразия смыслов, потенциально выражаемых прилагательным *новый*. Так, по данным «Большого толкового словаря»:

НОВЫЙ, -ая, -ое; нов, -а, -о, новы и новы; новейший. **1.** Такой, который не существовал раньше, впервые созданный, выведенный, открытый или только что, недавно вышедший, появившийся, выросший и т.п. *Н-ое лекарство. Н. метод. Н-ое изобретение. Н-ая техника. Н. вид оружия. Разведение новой породы лошадей. Н-ая планета. Написал новую поэму. Н-ые слова. Н-ые знакомые. Строится н. город. Н. урожай. Н. картофель, хлеб. Н. свет* (Америка как часть света). *Н-ое слово в чём-л.* (последнее достижение в какой-л. области науки, техники, культуры). **2.** Только что, недавно сделанный, приобретённый, купленный или прибывший, поступивший куда-л. *Н-ая мебель. У меня н-ая юбка. Переезжаем на новую квартиру. Колонна новых автобусов. В магазине есть новые книги.* // Не бывший или мало бывший в употреблении. *Этот костюм ещё совсем н. Для операции нужны только н-ые скальпели. Зажги новую свечу. Будем играть новой колодой карт.* **3.** для кого. Незнакомый, неизвестный; ранее неизведанный. *Н-ое для кого-л. дело. Попробовал н-ое кушанье. Посетить н-ые места. Видел новых для меня птиц. Н-ые ощущения, впечатления. Н-ое чувство.* // Такой, который недавно по-

явился где-л. (в каком-л. качестве, роли). *В школе он человек н. Н-ое имя в живописи. У нас н-ые соседи. Экспонируются н-ые породы собак.* **4.** Появившийся вместо прежнего, ранее бывшего, заменивший или предназначенный заменить его; следующий, очередной. *Н. учитель. Н-ая редакция книги. Н-ое поколение. Н. заезд отдыхающих. Придётся искать новую дачу. Это его н-ая жена. Послышался н. взрыв смеха. Н. год.* // Не такой, как прежде; иной, другой. *Начать новую жизнь. Явиться в новом качестве. Находить н. смысл. Н-ые взгляды, н-ое мировоззрение. Н. стиль* (григорианский календарь - система летосчисления, введённая в 1582 г., принятая в России после Октябрьской революции вместо так называемого старого стиля, отстающего в настоящее время на 13 дней). *Новая экономическая политика (=НЭП).* **5.** Относящийся к ближайшему прошлому или к настоящему времени, эпохе; современный. *Н-ая и новейшая история. Литературный язык нового времени. Курс новой литературы.* ◊ **Новые звёзды.** Звёзды, светимость которых внезапно увеличивается во много раз, а затем медленно спадает. **Новый Завет** Христианские книги: Евангелия, деяния и послания апостолов, Апокалипсис. **Вписать новую страницу во что; Открыть новую страницу в чём.** Начать новый период, этап в чём-л. **Смотреть новыми глазами на кого-что.** Смотреть с новой точки зрения. **Как баран на новые ворота** (см. Баран). <**Новенький**, -ая, -ое. Уменьш.-ласк. (2 зн.). **Ново, нареч., в функц. сказ.** Незнакомо, не так, как прежде; по-другому, иначе. *Это для меня н. Новое, -ого; ср. (кроме 5 зн.).* **Поиски, открытия нового. Чувство нового. Борьба нового со старым. Что нового? В газетах много нового. Узнать н. Новизна** (см.). **По-новому, нареч. 1.** Так, как теперь, сейчас принято. *Делать что-л. по-новому.* **-2. в функц. сказ.** Не так, как прежде; по-другому, иначе. *У вас здесь всё по-новому.* **В новом свете, в зн. нареч.** По-другому; не так, как раньше; с другой точки зрения. *Увидеть что-л. в новом свете.* **По-новой, нареч. Разг.** Снова, ещё раз. **Новое дело, в зн. межд.** Выражает удивление, возмущение, несогласие с кем-, чем-л. и т.п.

Представляется, что такие словарные значения и оттенки значений прилагательного *новый*, как:

- ‘Такой, который не существовал раньше, впервые созданный, выведенный, открытый или только что, недавно вышедший, появившийся, выросший и т.п.’;
- ‘Незнакомый, неизвестный; ранее неизведанный’;
- ‘Появившийся вместо прежнего, ранее бывшего, заменивший или предназначенный заменить его; следующий, очередной’;
- ‘Не такой, как прежде; иной, другой’;

— каждое и каждый из которых является осмысленным в составе рассматриваемого словосочетания, приводят к необходимости констатировать возможность выражения словосочетанием *идея создания нового государства* существенно разных смыслов, имеющих существенно разное значение для данного уголовного дела.

Речь может идти, например:

- о ранее не существовавшем государстве, которое будет создано вместо Российской Федерации;
- о ранее не существовавшем государстве, которое будет создано вместо Республики Башкортостан как государства в составе Российской Федерации;

- о некоем возможном в будущем государстве, точный облик которого является незнакомым самому говорящему;
- об обновленном, не таком, как в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, государстве Башкортостан в составе Российской Федерации;
- об обновленном, не таком, как в период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, государстве Российская Федерация¹;
- etc.

Эксперт Е. Е. Хазимуллина не сообщает в спорном тексте рецензируемого заключения о том, какой именно смысл выражает в ее письменной речи словосочетание *идея создания нового государства*.

Даже если считать упоминание в речи А. Дильмухаметова концепции «нового федерализма» «идеей создания нового государства» в том или ином смысле, для утверждения (а равно для основательного предположения) о том, что «идея нового государства», которую имеет в виду А. Дильмухаметов, заимствована им именно у террористической организации «Хизб ут-Тахрир» и совпадает именно с этой идеей, не имеется каких бы то ни было оснований: как показано в подразделе 3.2.7 настоящего заключения, все элементы идеологии указанной организации, названные («раскрытые», если принять наблюдаемую в рецензируемом заключении терминологию Е. Е. Хазимуллиной) в речи А. Дильмухаметова, подвергаются им жесткой критике; говорящий последовательно противопоставляет свою концепцию «нового федерализма» идеологии организации «Хизб ут-Тахрир», использует повествование об элементах идеологии указанной организации как выгодный для представления его собственных взглядов контрастный фон.

С такими же основаниями и с таким же успехом можно было бы говорить о том, что частичным оправданием деятельности организации «Хизб ут-Тахрир» являются любые высказанные кем бы то ни было идеи о создании того или иного нового государства, на каком бы континенте и даже на какой бы планете оно бы ни планировалось в сколь угодно отдаленном будущем.

С учетом изложенного, вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной о частичном оправдании деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир» в продуктах речевой деятельности А. Дильмухаметова не является достоверным, не является надлежаще обоснованным.

Таким образом, следующий вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной, описанный в подразделе 3.2.2 настоящего заключения:

- использование А. Дильмухаметовым для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов нейтральных наименований является намеренным — **не является достоверным, не является надлежаще обоснованным.**

3.2.11. С учетом изложенного в подразделах 3.2.1–3.2.10 настоящего заключения, можно констатировать следующее.

---

¹ В качестве обновления государства Российская Федерация может рассматриваться, к примеру, процесс принятия поправок к Конституции РФ, происходящий в период времени, к которому относится настоящее экспертное исследование и составление настоящего заключения специалистов.

Следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- организация «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») признана террористической и ее деятельность является запрещенной на территории РФ;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о фактах признания организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») террористической и запрета ее деятельности на территории РФ;
- А. Дильмухаметов использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов нейтральные наименования;
- А. Дильмухаметов не использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов наименования, отличные от нейтральных либо позитивных;
- А. Дильмухаметов изображает членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как жертв «террора» — либо наиболее острой формы борьбы против политических противников с применением насилия, либо чрезмерной жестокости применяемых в их отношении мер наказания;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется государством;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, является массовым;
- А. Дильмухаметов резко негативно оценивает действия судов и правительства в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как неправовые;
- А. Дильмухаметов сообщает, что члены партии «Хизб ут-Тахрир» — мусульмане;
- характеризуя практику уголовного преследования членов указанной организации и выносимые им приговоры, А. Дильмухаметов высказывает суждение о том, что это преследование осуществляется незаконно, используя для этой характеристики словесные конструкции *«ни за что»*, *«по принципу вероисповедания»*, и сообщает, что в результате этого преследования нарушаются права членов указанной организации *«не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»*;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о том, что главная цель организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») состоит в установлении исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о вовлечении организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств;

- А. Дильмухаметов отрицает террористическую сущность деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»);
- А. Дильмухаметов называет членов указанной организации «заблудшими или одурманенными» мусульманами, ни в чем неповинными ребятами

— являются достоверными, **НЕ являются надлежаще обоснованными.**

Следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов позитивные наименования;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется по религиозному и национальному признаку;
- А. Дильмухаметов снимает ответственность с членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»)
- А. Дильмухаметов с использованием следующих словесных конструкций: «по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», «при таком законодательстве» — оценивает раскрываемые им в речи элементы идеологии указанной организации как неприменимые временно;
- оценка А. Дильмухаметовым раскрываемых им в речи элементов идеологии указанной организации производится с точки зрения их применимости для установления «нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»;
- в продуктах речевой деятельности А. Дильмухаметова выявлено частичное оправдание деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир»

— **НЕ являются достоверными, НЕ являются надлежаще обоснованными.**

Следующие выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- А. Дильмухаметов недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах, применяемых организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») для «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах вовлечения организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств,

— **НЕ являются достоверными, НЕ являются обоснованными, являются полностью голословными.**

Следующий вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- использование А. Дильмухаметовым для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов нейтральных наименований является намеренным

— **не является надлежаще обоснованным;** оценка достоверности данного вывода не представляется возможной. Специалисты полагают, что этот вывод относится к обстоятельствам, не имеющим значения для разрешения данного уголовного дела.

Следующий вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной:

- раскрываемые в речи А. Дильмухаметова элементы идеологии указанной организации относятся к числу основных элементов ее идеологии

— **НЕ является надлежаще обоснованным**; оценка достоверности данного вывода не относится к компетенции лингвистов.

Вывод эксперта Е. Е. Хазимуллиной о целенаправленности речевых действий спикера, зафиксированных исследуемой экспертами видеофонограммой, **является обоснованным и достоверным**, однако, исходя из общей задачи судебно-экспертной деятельности, состоящей в содействии суду в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение по конкретному делу, **не является полным**. Чрезвычайно важным и необходимым представляется следующее отсутствующее в спорном тексте рецензируемого заключения **уточнение**: целенаправленность является общим свойством речевой деятельности как таковой; суждение о целенаправленности обращения в целом не дает достаточных оснований для приписывания свойства быть целенаправленным каждому высказыванию и каждому фрагменту высказывания в его составе.

3.2.12. Текст раздела «Ответ на вопросы 1, 2» (с. 46–49) в его начальной части (с. 46–48, по абзац 2 включительно, представляет собой воспроизведение в тождественной или незначительно модифицированной форме обобщающих суждений и промежуточных выводов эксперта Е. Е. Хазимуллиной, рассмотренных в разделе 3 настоящего заключения выше.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни одно из этих суждений и ни один из этих промежуточных выводов не содержат каких-либо сведений, которые были бы изложены в форме, соответствующей формулировкам поставленных перед экспертом-лингвистом вопросов следствия в степени, достаточной для их признания полным или частичным ответом на какой-либо из этих вопросов.

За описанной начальной частью следуют 4 абзаца (с. 28), не имеющих столь прямых, непосредственных соответствий в разделах спорного текста рецензируемого заключения, содержащих описание хода проведенных экспертом Е. Е. Хазимуллиной исследований, а именно:

Высказывания А. Дильмухаметова направлены на формирование у целевой аудитории убежденности:

- 1) в несправедливости, неправомерности судебных решений в отношении партии «Хизб ут-Тахрир», ее членов;
- 2) в правильности части идей этой организации, справедливости и допустимости ее действий;
- 3) в необходимости лишь отложить на время участие в деятельности партии «Хизб ут-Тахрир».

С выводом 1) о наличии в речи А. Дильмухаметова высказываний, направленных на формирование убежденности в несправедливости, неправомерности судебных решений в отношении партии «Хизб ут-Тахрир», ее членов, следует согласиться как с выводом **достоверным**, поскольку данный вывод соответствует следующим промежуточным выводам, обладающим, как показано выше, свойством достоверности:

- организация «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») признана террористической и ее деятельность является запрещенной на территории РФ;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о фактах признания организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») террористической и запрета ее деятельности на территории РФ;

- А. Дильмухаметов резко негативно оценивает действия судов и правительства в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как неправоновые;
- характеризуя практику уголовного преследования членов указанной организации и выносимые им приговоры, А. Дильмухаметов высказывает суждение о том, что это преследование осуществляется незаконно, используя для этой характеристики словесные конструкции «ни за что», «по принципу вероисповедания», и сообщает, что в результате этого преследования нарушаются права членов указанной организации «не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями».

Впрочем, следует заметить, что от этих же промежуточных выводов рассматриваемый вывод 1) унаследует свойство **не быть надлежаще обоснованным** в тексте рецензируемого заключения.

Вывод 2) о наличии в речи А. Дильмухаметова высказываний, направленных на формирование убежденности в правильности части идей этой организации, справедливости и допустимости ее действий коррелирует в тексте рецензируемого заключения со следующими промежуточными выводами эксперта, на которых он, следовательно, основан в логике спорного текста рецензируемого заключения:

- оценка А. Дильмухаметовым раскрываемых им в речи элементов идеологии указанной организации производится с точки зрения их применимости для установления «нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»;
- в продуктах речевой деятельности А. Дильмухаметова выявлено частичное оправдание деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир».

Как показано в подразделе 3.2.10 настоящего заключения специалистов, эксперт Е. Е. Хазимуллина усматривает частичное оправдание деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир» исключительно в том, что, как она утверждает, «спикер лично **солидаризируется с членами партии «Хизб ут-Тахрир»** (прежде всего как с татарами и башкирами, в т. ч. гражданами Башкортостана) в идее создания нового государства... (его не устраивает лишь тип этого нового государства в идеологии «Хизб ут-Тахрир»; здесь осуществляется **частичное оправдание** деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир»)».

Однако для утверждения (а равно для основательного предположения) о том, что «идея нового государства»¹, которую имеет в виду А. Дильмухаметов, заимствована им именно у террористической организации «Хизб ут-Тахрир», не имеется каких бы то ни было оснований: как показано в разделе 3.2.7 настоящего заключения, все элементы идеологии указанной организации, названные («раскрытые», если принять наблюдаемую в рецензируемом заключении терминологию Е. Е. Хазимуллиной) в речи А. Дильмухаметова, подвергаются им жесткой критике; говорящий последовательно противопоставляет свою концепцию «нового федерализма» идеологии организации «Хизб ут-Тахрир», использует повествование об элементах идеологии указанной организации как выгодный для представления его собственных взглядов контрастный фон.

С такими же основаниями и с таким же успехом можно было бы говорить о том, что частичным оправданием деятельности организации «Хизб ут-Тахрир» являются любые высказанные кем бы то ни было идеи о создании того или иного нового государства, на каком бы континенте и даже на какой бы планете оно бы ни планировалось в сколь угодно отдаленном будущем.

¹ «Идея нового государства» — формулировка эксперта.

С учетом изложенного, вывод 2) о наличии в речи А. Дильмухаметова высказываний, направленных на формирование убежденности в правильности части идей этой организации, справедливости и допустимости ее действий, всецело основанный на промежуточных выводах, не являющихся достоверными и не являющихся надлежаще обоснованными, наследует от них **свойство не быть достоверным, не быть обоснованным.**

Вывод 3) о наличии в речи А. Дильмухаметова высказываний, направленных на формирование убежденности в необходимости лишь отложить на время участие в деятельности партии «Хизб ут-Тахрир», коррелирует в тексте рецензируемого заключения со следующим промежуточным выводом эксперта, на котором он, следовательно, основан:

- А. Дильмухаметов с использованием следующих словесных конструкций: *«по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы»*, *«при таком законодательстве»* — оценивает раскрываемые им в речи элементы идеологии указанной организации как неприменимые временно.

Как показано в подразделе 3.2.7 настоящего заключения специалистов, интерпретация экспертом Е. Е. Хазимуллиной словесной конструкции *«по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы»* всецело основана на приведенных ею словарных данных о значениях номинативных единиц *по крайней мере* и *пока*. Обращение к лексикографическим источникам (в том числе тем, на которые непосредственно ссылается Е. Е. Хазимуллина при интерпретации этой словесной конструкции), показало, что обе рассматриваемые языковые единицы являются в современном русском языке неоднозначными.

Обращение к контексту этой словесной конструкции показало, что словарные значения как словоупотребления *по крайней мере*, так и словоупотребления *пока* выбраны экспертом произвольно, без учета контекста, с которым они вступают в противоречие (нарушая принцип синсемичности и не соответствуя наблюдаемым супрасегментным явлениям — паузации и интонации) при наличии возможности непротиворечивой интерпретации высказывания А. Дильмухаметова на основе иных словарных значений.

Смысловое содержание, выражаемое высказыванием А. Дильмухаметова, в котором использованы словоупотребления *по крайней мере* и *пока*, не соответствует описанию, данному экспертом Е. Е. Хазимуллиной на с. 22 спорного текста рецензируемого заключения: *«обратиться к «заблудшим или одурманенным» членам партии «Хизб ут-Тахрир», предостеречь их от временного («по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», «при таком законодательстве») вхождения в эту партию, участия, членства»*, основанному на ошибочном выборе актуальных для рассматриваемого контекста словарных значений.

В действительности же словесная конструкция *«по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы»* в рассматриваемом контексте представляет собой придаточное времени, вводимое **союзом** (именно союзом, а не наречием, вопреки мнению эксперта Е. Е. Хазимуллиной) *пока*, снабженное ограничительным выделением с помощью **частицы** (именно частицы, а не вводного оборота, вопреки мнению эксперта Е. Е. Хазимуллиной) *по крайней мере*, выражающей тот же смысл, что, например, в высказывании *«*Тебе нужно поспать, по крайней мере до 10 часов»* (говорящий здесь вовсе не требует, не подразумевает и не практикует какую-либо суггестию, направленную на то, чтобы адресат высказывания непременно поставил на 10 часов будильник). Подвергнутая ограничительному выделению словесная конструкция указывает тот период времени, на который побуждение говорящего распространяется в наибольшей степени.

С учетом изложенного, А. Дильмухаметов выражает в рассматриваемом высказывании **предостережение от вхождения в партию «Хизб ут-Тахрир» как такового**, каковое предостережение он считает наиболее актуальным и важным в период действия тех норм

антитеррористического и антиэкстремистского законодательства, которые упоминаются в его речи.

Можно констатировать, что вывод 3) о наличии в речи А. Дильмухаметова высказываний, направленных на формирование убежденности в необходимости лишь отложить на время участие в деятельности партии «Хизб ут-Тахрир», всецело основанный на промежуточных выводах, не являющихся достоверными и не являющихся надлежаще обоснованными, наследует от них **свойство не быть достоверным, не быть обоснованным.**

В завершающей части подраздела «Ответ на вопросы 1, 2» (с. 48–49, начиная с последнего абзаца на с. 48) эксперт Е. Е. Хазимуллина воспроизводит в незначительно модифицированной редакции наблюдаемое на с. 17–18 рецензируемого заключения цитирование и краткое описание «некоторых комментариев» (двух комментариев) пользователей, не являющихся частью видеозаписи, в отношении которой перед экспертами поставлены вопросы следствия, вновь отмечая конфликтогенный характер содержащейся в них информации и характеризуя их содержание.

Суждения эксперта, относящиеся к указанным комментариям, не используются ею в ходе исследования видеофонограммы, в отношении которой перед экспертами поставлены вопросы. В частности, указанные комментарии не рассматриваются экспертом в качестве контекста, в котором находилась спорная видеофонограмма по состоянию на 14 ноября 2018 г. (на дату проведения осмотра, результаты которого были предоставлены в распоряжение экспертов в виде копии Акта осмотра интернет-сайта).

В ходе исследования эксперт игнорирует установленное ею обстоятельство, а именно: один из комментариев, составляющих контекст спорной видеофонограммы в составе представленных на экспертизу материалов, «содержит пропаганду идей партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (с. 18, с. 49), причем указанная пропаганда неразрывно соединена с критикой воззрений А. Дильмухаметова, вступает в антагонистическое противоречие с идеей «демократических выборов, о которых говорит А. Дильмухаметов» (с. 18, с. 49). Описанное обстоятельство по меньшей мере ставит под сомнение совместимость взглядов А. Дильмухаметова с идеологией партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», что является потенциально существенным для выводов по поставленным перед экспертами вопросам, и, исходя из принципа всесторонности экспертного исследования, предполагающего необходимость принимать во внимание все факторы (признаки представленного объекта), свидетельствующие как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса, можно констатировать, что игнорирование описанного обстоятельства, установленного экспертом, в ходе дальнейшего исследования, является **экспертологическим признаком несоответствия рецензируемого заключения принципу всесторонности** экспертного исследования.

Сопоставление текста подраздела «Ответ на вопросы 1, 2» (с. 46–49) рецензируемого заключения с формулировками поставленных перед экспертом-лингвистом вопросов следствия показывает, что в указанном разделе **отсутствуют суждения эксперта, которые могли бы рассматриваться как ответы на поставленные перед ней вопросы, а именно (с. 18):**

1. «Содержатся ли в представленной на исследование видеозаписи «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31» высказывания о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании?»
2. «Содержатся ли в представленной на исследование видеозаписи «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31» высказывания, направленные

на формирование у лица убежденности в привлекательности идеологии терроризма, либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности?»

Так, в тексте подраздела «Ответ на вопросы 1, 2» полностью отсутствует квалификация каких-либо высказываний А. Дильмухаметова как высказываний о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

В частности, в качестве такой квалификации не может рассматриваться суждение о том, что исследуемая экспертами видеофонограмма «характеризуется признаком... осуществляется оправдание деятельности террористической организации...» (с. 46), поскольку, даже допустив, что эксперт проассоциировала формулировку «высказывания о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» с текстом Примечания 1 к статье 205.2 УК РФ, в котором используется словесная конструкция «заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», необходимо констатировать следующее:

- существительные *заявление* и *высказывание* не являются в современном русском языке синонимами, выражают смыслы, не являющиеся тождественными. В частности, не любое высказывание является заявлением; не любое высказывание о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании является заявлением о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании;
- в лингвистических разделах спорного текста рецензируемого заключения не имеется ни единого словоупотребления существительного *заявление* — ни как обозначения жанровой принадлежности какого-либо текста, ни как наименования одного из видов коммуникативных намерений, присущих отдельным высказываниям;
- словосочетания *оправдание деятельности террористической организации* и *оправдание терроризма* не являются в современном русском языке синонимами, выражают с точки зрения норм и правил современного русского языка как государственного языка РФ смыслы, не являющиеся тождественными.

В спорном тексте рецензируемого заключения, в том числе в разделах, содержащих описание методики лингвистического исследования, **отсутствуют сведения о специальных лингвистических признаках**, по которым эксперт намеревается определять наличие в речевом содержании представленной на экспертизу видеофонограммы высказываний, относящихся к категории «высказывания о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», **и о критериях** такого отнесения. Соответственно, информация о таких высказываниях не может быть обнаружена в выводах эксперта по наличию указаний на то, что те или иные высказывания характеризуются теми или иными признаками.

В тексте подраздела «Ответ на вопросы 1, 2» **полностью отсутствует также квалификация каких-либо высказываний А. Дильмухаметова как высказываний, направленных на формирование у лица убежденности в привлекательности идеологии терроризма либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности**, а равно не наблюдается констатации отсутствия в речи А. Дильмухаметова таких высказываний.

В частности, в качестве такой квалификации не может рассматриваться суждение о том, что «высказывания А. Дильмухаметова направлены на формирование у целевой

аудитории убежденности... в правильности части идей этой организации [партии «Хизб ут-Тахрир»]» (с. 48), поскольку, даже допустив, что эксперт проассоциировала формулировку «направленные на формирование у лица убежденности в привлекательности идеологии терроризма, либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности» с текстом Примечания 1.1 к статье 205.2 УК РФ, в котором используется словесная конструкция «направленный на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности», необходимо констатировать следующее: словосочетания *убежденность в правильности части идей террористической организации, справедливости и допустимости ее действий* и *убежденность в привлекательности идеологии терроризма либо представление о допустимости осуществления террористической деятельности* не являются в современном русском языке синонимами, выражают с точки зрения норм и правил современного русского языка как государственного языка РФ смыслы, не являющиеся тождественными.

При этом, даже допустив, что эксперт сочла используемые в вопросе № 1 формулировки неясными, некорректными или требующими ее выхода за пределы компетенции либо обнаружила какие-то иные основания, по которым она не может ответить на поставленные перед ней вопросы, следует констатировать, что в спорном тексте рецензируемого заключения отсутствуют какие-либо высказывания, содержащие мотивированный или не мотивированный отказ эксперта отвечать на какой-либо из вопросов следствия.

Описанное положение дел является специальным экспертологическим **признаком пренебрежения экспертом обязанностью дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ней вопросам.**

4. Относительно психологического понятийного и методического аппарата рецензируемого заключения

При проведении комплексной, психолого-лингвистической, судебной экспертизы перед экспертом психологом Е.А.Плехановой были поставлены следующие вопросы:

Какое психологическое воздействие оказывает видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31»?

На какую целевую аудиторию она направлена?

Содержание поставленных перед экспертом-психологом вопросов определяет экспертные задачи, подлежащие решению в ходе психологического исследования. По общему правилу, именно экспертные задачи должны учитываться при выборе экспертом понятийного аппарата и методов судебно-экспертного исследования.

В рецензируемом заключении (в его части, подготовленной экспертом психологом Е.А.Плехановой) имеются признаки недостаточности методологического подхода к проведению исследования, не применены методы, необходимые для проведения исследования рассматриваемых текстов (продуктов речевой деятельности) Айрата Дильмухаметова, нарушены принципы методологии научного исследования.

В разделе 2.3. рецензируемого заключения эксперт указывает, что:

Методологической основой исследования данных материалов стали:

- *положения общенаучного уровня, что предполагает учет универсальных принципов, средств и форм научного изучения, включая общие проблемы построения исследования;*
- *положения системного структурно-динамического подхода, сущность которого заключается в изучении психологической ре-*

альности как сложной системы. Это позволяет сосредоточиться как на изучении процессов формирования системы, выявлении механизмов ее функционирования, так и на изучении механизмов, порождающих новые системные качества, которые возникают в процессе взаимодействия отдельных элементов системы и не сводятся к свойствам отдельно взятых элементов, ее образующих. Структурно-динамические основания подхода позволяют исследовать внутреннее устройство системы, внутреннюю иерархическую и функциональную взаимосвязь элементов системы, а также динамику их изменений.

Вместе с тем, в рассматриваемом тексте заключения эксперта Е.А.Плехановой не имеется признаков именно системного структурно-динамического подхода, **не выделены критерии статики и/или динамики ни изучаемого объекта, ни личности А. Дильмухаметова, не выделены признаки изучаемой структуры, нет указаний на именно системность исследования.**

Какую именно *психическую реальность, рассматриваемую как сложную систему*, изучает эксперт Е. А. Плеханова, — неясно, в тексте заключения указаний на это не имеется. Возможно, под психической реальностью эксперт подразумевает предоставленный для экспертизы текст (видеозапись «Айрат ДИЛЬМУХАМЕТОВ «Персонально ваш» на Эхе Москвы в Уфе»), но тогда у эксперта нет достаточных и достоверных данных о **динамике** этого явления.

В рецензируемом **заключении не имеется упоминания о психических процессах, состояниях и свойствах**, личность А. А. Дильмухаметова не рассматривается отдельно ни как объект, ни как предмет исследования.

Эксперт в описании прослушанного и просмотренного ею видеофайла не выделяет его структурных элементов, не производит выявления структуры. Складывается впечатление, что эксперт Е.А.Плеханова упоминает о системном структурно-динамическом подходе, не вполне понимая значение этого специфического для психологических исследований термина. Ни о структурах, ни о динамике их элементов, ни о системности в рецензируемом заключении речь не идет. Само по себе упоминание системного структурно-динамического подхода в рецензируемой экспертизе представляется неуместным, так как в современной психологии (как клинической, так и социальной) данный подход направлен, как правило, на исследование личности.

Однако именно структурно-динамический подход к структуре личности (к изучению личности человека), как правило, действительно является базой качественного психологического исследования.

Следует понимать, что **структура** — совокупность устойчивых связей между множеством компонент объекта, обеспечивающих его целостность и самотождественность. Представление о структуре предполагает рассмотрение объекта как системы (*принцип системности*).

Конфигурация и характер связей внутри системы и есть ее структура, остающаяся неизменной при изменениях системы в определенных пределах, — например, при изменениях состава элементов.

<...> (В данной редакции заключения специалистов опущен объемный обзорный фрагмент, содержащий сведения справочного характера о принципах структурно-динамического подхода, принятых в отечественной фундаментальной психологии.)

Как мы видим из текста рецензируемого заключения, эксперт Е.А.Плеханова **не рассматривала в процессе проведения своего исследования указанную совокупность во-**

просов, и упоминание о системном структурно-динамическом подходе в перечне методологических принципов исследования не соответствует реальному содержанию исследовательской части рецензируемого заключения.

Эксперт Е.Е. Хазимуллина и эксперт Е.А. Плеханова были допрошены старшим следователем следственного отдела УФСБ России по республике Башкортостан майором юстиции Корепановым С.Н. в целях разъяснения заключений № 119 от 09 августа 2019 г и № 120 от 20 августа 2019 г. по уголовному делу № 1190780001000004.

В своих показаниях на допросе Е.А. Плеханова поясняет, почему она считает, что данный научный подход здесь применим, однако её объяснения касаются структурности, но не динамики и не являются убедительным аргументом, позволяющим нам снять вышеуказанные замечания.

Мы принимаем во внимание и принимали ранее, при рецензировании заключений № 119 и № 120, то обстоятельство, что эксперт проводит исследование в пределах поставленных перед ним вопросов.

Следствие не ставило перед экспертами вопросы об особенностях личности А. Дильмухаметова, и мы не ожидаем, что эксперт будет выходить за рамки поставленных вопросов.

Однако мы считаем неуместным упоминание этого подхода при проведении экспертного исследования в то время, когда его основные положения отражают принципы исследований другого характера и направленности.

В методологической части своего исследования эксперт Е.А.Плеханова указывает также:

При организации исследования мы опирались на следующие методологические принципы исследования:

- принцип единства психики и деятельности позволяет утверждать, что психика человека выступает как внутренний, идеальный план деятельности. Психические модели действительности, созданные в сознании человека, дают ему возможность ориентироваться в окружающей среде. Данный принцип позволяет изучить сущность психического через процессы и продукты деятельности и поведение человека;

- принцип достаточности требует точного определения конкретных психологических особенностей объектов психологического воздействия, на которые это воздействие направлено, и субъектов, осуществляющих это воздействие;

- принцип целенаправленности предполагает наличие ясно определенной цели, ради которой и организуется изучение субъекта психологического воздействия, а именно: раскрытие его внутренней сущности – мировоззрения, потребностей, мотивов и установок деятельности, специфики поведения. Исходя из четко обозначенной цели, составляется план и программа изучения субъекта психологического воздействия, которые позволяют выявить именно

те личностные и групповые психологические особенности, которые определены поставленной целью;
- принцип объективности дает возможность рассматривать изучаемые психические факты такими, какими они являются на самом деле путем их констатации.

Однако, полностью аналогично положению дел с заявленным экспертом структурно-динамическим подходом, все названные в последнем приведенном фрагменте заключения методологические принципы экспертом лишь продекларированы, их применение не оставило в исследовательской части заключения никаких следов.

Выбор не адекватных экспертным задачам методов научного исследования получает логичное дополнение и «развитие» в том, что, исходя из предположения об адекватном проведенному экспертом Е. А. Плехановой исследованию его описанию в рецензируемом заключении, экспертом **не применены необходимые для исследования продуктов речевой деятельности научные методы.**

Так, эксперт Е.А.Плеханова включает в число методов исследования **метод наблюдения**, давая его крайне ограниченное определение:

... метод наблюдения, сущность которого заключается в намеренном, систематическом и целенаправленном восприятии и фиксации психических явлений с целью дальнейшего изучения их специфических изменений при определенных условиях, их анализа и использования для потребностей практической деятельности. В рамках данного психологического исследования использовался такой вид наблюдения, как опосредованное наблюдение, что предполагало использование готовых собранных материалов, представленных на видеозаписи

Однако применение такого **метода психологического исследования, как наблюдение**, должно отвечать определенным требованиям, общепризнанным в психологии. Наиболее емко, полно и определенно суть этого метода, классификация видов наблюдения, категории наблюдения и основные ошибки наблюдателя изложены в книге В.А.Чикер «Методология и методы социально-психологических исследований».

Наблюдение — научно целенаправленное, организованное и определенным образом фиксируемое визуальное восприятие исследуемого объекта. С точки зрения Ж. Годфруа, этот метод относится к категории описательных методов (наряду с анкетами и тестами), которые не вмешиваются в изучаемое явление или событие, и соответственно описывают его как можно более объективно. Как пишут Д. Шульц и Э. Шульц, структуриализм как одно из направлений психологии избрал этот метод в качестве основного, подразумевая два условия его применения: внимательное отношение к явлению и фиксацию его проявлений.

В. А. Ядов считает, что наблюдение — **это прямая регистрация событий очевидцем, спланированное восприятие. Это преднамеренное, систематическое и целенаправленное восприятие психических явлений с целью их изучения.** В социальной психологии предметом наблюдения выступают акты поведения отдельного человека, группы или нескольких групп в определенных ситуациях, связанных с общением. Это метод, которым активно и давно пользуются во всех человекоориентированных профессиях и практиках, как правило, с точки зрения *дополнительного метода.* Наблюдение успешно

применяется тогда, когда требуется минимальное вмешательство в естественный процесс взаимоотношений. Это весьма объективный описательный метод, с его помощью психологическое явление может быть изучено максимально всесторонне.

Научное наблюдение отличается от **житейского** <...>.

(В данной редакции заключения специалистов опущен объемный обзорный фрагмент, содержащий сведения справочного характера о порядке проведения исследований методом «наблюдение».)

...В тексте рецензируемого заключения не имеется ни одного речевого факта или признака, которые свидетельствовали бы о том, что экспертом в ходе исследования действительно проводилось научное наблюдение. Сколь-нибудь значимое подмножество перечисленных выше необходимых составляющих элементов этого научного метода в рецензируемом заключении не упоминается и не используется.

Простой просмотр экспертом Плехановой (фактически в качестве обычного зрителя) предоставленных ей видеоматериалов, вероятно, действительно имевший место в ходе исследования, никак не может быть приравнен к научному методу «наблюдение».

Закономерно, что в содержательной части заключения имеются признаки следующих ошибок наблюдателя: *эффект ореола, ошибка центральной тенденции, логическая ошибка, фундаментальная ошибка атрибуции, эффект Розенталя, профессиональные, этнические и поло-ролевые предубеждения и стереотипы, отражающие схематичное и стандартизированное видение людей и социальных ситуаций.*

О том, что эксперт применила метод **наблюдения**, можно говорить лишь **в обыденном, житейском понимании** этого слова. Речь не идет о наблюдении как строгом научном методе, содержание которого допускает проверку данных, полученных с его помощью. Житейские наблюдения всегда произвольны, субъективны, каждый из «житейских» наблюдателей замечает что-то свое, в зависимости от индивидуальных склонностей и особенностей восприятия. Описанное положение дел представляет собой **специальный научно-методический и психологический признак нарушения при производстве экспертизы, по результатам которой было составлено рецензируемое заключение, принципов проверяемости выводов эксперта и объективности судебно-экспертного исследования, что не позволяет считать сделанные экспертом выводы обоснованными.**

Кроме того, метод наблюдения не может быть отнесен к числу валидных методов психологического анализа политических текстов (речи), если исследователь не наблюдает живое выступление оратора методом «включенного наблюдения». В данном случае эксперт работал с текстом (в формате видеофонограммы). Подобное наблюдение могло бы иметь научную (исследовательскую) ценность (при строгом соблюдении структуры наблюдения) лишь для решения вопросов о личностных особенностях выступающего, но не об интенционных характеристиках его выступления.

При исследовании устных политических текстов должны применяться количественно-качественные методы, предназначенные для этого специфического вида исследования:

- метод контент-анализа (в частности — измерение выраженности тревоги в речи методом контент-анализа Готшалка-Глезера),
- метод интент-анализа (в частности — интент-анализ конфликтного дискурса),
- метод трансформационной грамматики,
- мотивационный анализ,
- формирование частотного словаря,
- методы диагностики эмоциональной напряженности и т.д.

Также **методологически неверно и неуместно применен** упомянутый экспертом **праксиметрический метод**, который в заключении экспертом достаточно достоверно описывается как:

«праксиметрический метод суть которого заключается в анализе продуктов деятельности человека. Данный метод реализуется опосредованно, т. е. без непосредственного общения психолога и его клиента. Специалист имеет возможность изучить продукты письменной, речевой, графической и др. деятельности человека и на их основании сделать выводы о его психологических особенностях.»

В психологическом исследовании **праксиметрический метод** применяется не как самостоятельный и единственный метод анализа продуктов деятельности (в том числе и речевой). Этот метод используется исключительно как вспомогательный элемент комплексного методологического подхода к исследованию личности человека **наряду и в совокупности с бланковыми тестовыми методами, проективными методиками, структурированным наблюдением и прочими валидными способами проведения исследования, для обеспечения полноты исследования личности испытуемого.**

Использование **праксиметрического метода** характерно для проведения исследования личности в процессе дифференциальной диагностики, для выбора стиля, подхода и методик психотерапии, а также для всех ситуаций, где требуется выявление и изучение особенностей личности испытуемого (судебная экспертиза личности, вопросы управления персоналом, научные исследования и т.д.).

В рассматриваемом случае эксперт не исследовал особенности личности А.Дильмухаметова и не сделал в рецензируемом заключении никаких выводов о его психологических особенностях.

Упоминания о других (кроме **праксиметрического метода и метода наблюдения**) методах психологического исследования экспертом Е.А.Плехановой продуктов речевой деятельности в рецензируемом заключении не имеется.

Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что в разделе 2.3 рецензируемого заключения **представлены сведения о научном методологическом подходе и о примененных экспертом методах, не соответствующие описанию проведенных экспертом-психологом исследований.**

Описывая процедуру проведения психологического исследования, эксперт Е. А. Плеханова указывает, что ею были проведены:

1. Изучение представленных материалов;
2. Отбор и анализ высказываний, комментариев, фраз, эпизодов, содержащих признаки психологического воздействия;
3. Определение целевой аудитории.

Вместе с тем, как было показано выше, мы можем констатировать, что изучение представленных материалов проводилось на уровне обыденного восприятия, а не на уровне научного исследования.

Психологический анализ спорной видеофонограммы, описанный в рецензируемом заключении, последовательно отражает субъективность эксперта и содержит фундаментальную ошибку атрибуции; определение целевой аудитории было произведено экспертом вообще без указания на использованные методы.

Также методологические нарушения правил и порядка проведения экспертиз (порядка и методов проведения исследования) были допущены экспертом при подго-

товке ответа на второй поставленный следствием вопрос «На какую целевую аудиторию она (видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. ВзгляАД № 31») направлена?»

В рецензируемом заключении не имеется никаких указаний на способы и методы изучения целевой аудитории упомянутого обращения.

Отсутствуют признаки научного подхода к определению целевой аудитории.

Рецензируемое заключение содержит в части, относящейся к указанному вопросу, только предположения и субъективные умозаключения эксперта, никак **НЕ обоснованные**, ничем **НЕ подтвержденные** и **НЕ проверяемые**.

Отвечая на поставленные вопросы (Какое психологическое воздействие оказывает видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. ВзгляАД № 31»? На какую целевую аудиторию она направлена?) эксперт Е.А. Плеханова пишет:

«Исходя из теоретических и методологических оснований, в соответствии с разработанной программой изучения данных материалов, включающей комплекс теоретических и практических задач, а также различных процедур и технических приемов исследования, рассмотрим, оказывается ли психологическое воздействие на целевую аудиторию с помощью данной видеозаписи».

Эксперт в данном абзаце упоминает комплекс теоретических и практических задач, а также различных процедур и технических приемов исследования.

Вместе с тем, в нарушение порядка проведения экспертиз, в рецензируемом заключении не имеется указаний на конкретно применяемые методики, что делает его не верифицируемым, не позволяет выявить, насколько при подготовке заключения учтены принципы научности, проверяемости, повторяемости и т.д.

Материалы, представленные для подготовки рецензии, были дополнены материалами допросов эксперта Е.Е. Хазимуллиной и эксперта Е.А. Плехановой, которые были допрошены старшим следователем следственного отдела УФСБ России по республике Башкортостан майором юстиции Корепановым С.Н. в целях разъяснения заключений 119 от 09 августа 2019 г и № 120 от 20 августа 2019 г. по уголовному делу № 1190780001000004.

В связи с этим, полагаем необходимым при подготовке рецензии на заключение № 124 от 09.12.2019 учитывать профессиональную позицию экспертов, отраженную в материалах вышеуказанных допросов.

На листе дела 262 в протоколе допроса эксперта Е.А. Плехановой говорится, что:

«в психологии выделяются только 2 основных метода – наблюдение и эксперимент, все остальные являются вспомогательными и их выбор определяется нуждами исследования. Использовать метод эксперимента при изучении данных материалов невозможно, поэтому из основных методов был выбран метод наблюдения и дополнен адекватным вспомогательным методом – праксиметрическим. Все они – необходимы и достаточны для ответа на вопросы следствия и решение задач психологического исследования материалов».

Экспертом не учтено следующее обстоятельство: существуют разные подходы к классификации и описанию методов психологического исследования. Общеизвестной классификацией различных методов психологического исследования в отечественной психологии является классификация Б.Г. Ананьева. Он делит все методы на четыре большие группы:

- организационные;

- способы обработки данных;
- эмпирические;
- интерпретационные.

К организационным методам относятся сравнительные, лонгитюдные, комплексные. К группе эмпирических методов исследования относятся:

- наблюдение, в том числе самонаблюдение;
- психодиагностические методы, включая тесты, опросники, анкеты, социометрию, интервью и беседу;
- экспериментальные методы;
- анализ продуктов и процессов жизнедеятельности;
- биографические методы, подразумевающие анализ событий жизни человека, свидетельств и документов.

К методам обработки данных относятся:

- количественный или статистический анализ;
- качественный анализ, подразумевающий дифференциацию материала по вариантам, группам, описание различных случаев.

К интерпретационным методам относятся:

- генетический,
- структурный (Структурный метод выявляет горизонтальные структурные связи между изученными характеристиками человеческой личности).

Указание эксперта Е.А.Плехановой на то, что в психологии существует только два основных метода (наблюдение и эксперимент) противоречит этой классификации.

Как упоминалось ранее, количественные методы в рецензируемых заключениях экспертом Е.А. Плехановой не применялись, а качественный анализ представлен в форме описания экспертом своего непосредственного восприятия выступлений А. Дильмухаметова, и интерпретации этого восприятия.

Эксперт Е.А. Плеханова в своих разъяснениях, данных на допросе, показывает, что при реализации **несистематического наблюдения** (а таким, по словам эксперта, это наблюдение являлось) для психолога не важны фиксация причинных зависимостей и строгое описание явления.

Она считает, что для проводимого ею исследования *«значение имело создание некоторой обобщенной картины поведения индивида в определенных условиях: в нашем случае — оказание психологического воздействия на аудиторию Дильмухаметовым»*.

В методологической части всех изученных заключений Е.А. Плеханова так описывает примененный ею метод наблюдения:

«метод наблюдения, сущность которого заключается в намеренном, **систематическом** и целенаправленном восприятии и фиксации психических явлений с целью дальнейшего изучения их специфических изменений при определенных условиях, их анализа и использования для потребностей практической деятельности. В рамках данного психологического исследования использовался такой вид наблюдения, как **опосредованное наблюдение**, что предполагало использование готовых собранных материалов, представленных на видеозаписи».

Описания метода в экспертных заключениях № 119, 120 и 124 и показания, данные экспертом на допросе, противоречат друг другу. В описании метода говорится о **«систематическом** и целенаправленном восприятии и фиксации», а в протоколе допроса — о реализации экспертом **«несистематического наблюдения»**.

Е.А. Плеханова указывает на то, что при наблюдении ведется «фиксация» наблюдаемых психических явлений. Вместе с тем в разъяснениях, данных ею на допросе, Е.А. Плеханова показывает, что ею велись «черновые записи, в которых фиксируются все заметки, характеристики». Также она разъяснила, что при наблюдении проводятся нужные подсчеты, которые *«не попадают в итоговый вариант»*.

Процедуру наблюдения ни в заключении № 119, ни в заключении № 120, ни в рецензируемом в настоящий момент заключении № 124 от 09.12.2019 г. Е.А. Плеханова не отражает (хотя это необходимо для соблюдения принципов объективности исследования).

Однако эту процедуру Е.А. Плеханова приводит на допросе в разъяснениях по рецензиям на заключения № 119 и 120. Она пишет:

«В нашем исследовании вся процедура была соблюдена:

- 1) был определен предмет наблюдения (психологическое воздействие), объект (видеозапись), ситуация интервью;*
- 2) выбран способ наблюдения (опосредованный) и регистрация данных (на черновиках);*
- 3) выстроен план наблюдения (восприятие ситуации, фиксация фактов воздействия, их описание, в том числе влияние на целевую аудиторию, выводы);*
- 4) выбран метод обработки результатов (качественный анализ);*
- 5) обработка и интерпретация полученной информации в форме выводов».*

В исследовательской части заключений № 119, № 120 и в рецензируемом в настоящий момент заключении № 124 не имеется данных, подтверждающих проведение экспертом этой процедуры, не содержится плана наблюдения.

Эксперт Е.А. Плеханова полагает, что проблема соблюдения операциональной валидности исследования решена (*«преодолена»*) за счет участия двух экспертов, которые

«при написании заключения пришли в итоге к согласованным, непротиворечивым выводам по исследуемой проблеме: психологические / речевые воздействия (в т. ч. манипулятивные и суггестивные) на целевую аудиторию Дильмухаметовым оказывались».

При этом не указано, за счет чего участие двух экспертов с разной специальной и профессиональной компетенцией, которые пришли к *«согласованным непротиворечивым выводам по исследуемой проблеме»*, способствовало преодолению проблемы соблюдения операциональной валидности при методе «наблюдение», осуществляемом лишь одним из этих двух экспертов.

Федеральный закон № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально-полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве, в нём закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

В этом законе, в частности, отражены обязательные условия, соблюдение которых требуется при проведении экспертного исследования и подготовки заключения:

– «принцип объективности исследования. «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст.8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;

– принцип проверяемости выводов эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования. «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст.8);

Также примененные экспертом методики должны быть изложены в заключении в соответствии с требованиями п.9 ч.1 ст. 204 УПК РФ.

Что касается методик экспертного исследования, на которые в заключении ссылается эксперт Е.А. Плеханова, то необходимо отметить следующее: эксперт Е.А. Плеханова не указывает, по каким именно методикам (каким способом, по какому алгоритму) она относила выбранные ею фрагменты исследуемого ею выступления А.Дильмухаметова к тем или иным «психологическим приемам» или «психологическим уловкам».

В своей исследовательской части рецензируемого заключения она из раза в раз приводит выбранную из речи А. Дильмухаметова цитату и своё оценочное суждение по интерпретации этой цитаты.

Ход рассуждений, обоснованность суждений эксперта и сделанных экспертом выводов невозможно верифицировать, проверить и (или) повторить.

В допросе экспертов Е.Е. Хазимуллиной и Е.А. Плехановой (на л.д. 250-251 и 254-255) содержится мнение о том, что приведения в рецензируемых заключениях подробного описания методик не требуется.

Также эксперт считает, что не требуется при изучении политических текстов

метод контент-анализа, предназначенный для изучения текстовой и графической информации, позволяет переводить ее в количественные показатели для дальнейшей статистической обработки. Метод Готтшалка-Глезера (Gottshalk L.A., Gleser G.C., 1969) представляет собой систему кодификации тематических категорий, используемых в речи говорящего (например, тревоги). В связи с тем, что перед экспертом не стояла задача выявления тематических категорий, в том числе и тревоги Дильмухаметова, и статистическая обработка в экспертном исследовании не предполагалась, то и контент-анализ не проводился...

Необходимо отметить, что категории анализа при исследовании политического текста определяются не только при выявлении тревоги у исследуемого субъекта, с помощью этого методов выявляются и иные особенности продуктов речевой деятельности, и на основании полученных данных можно делать выводы о смыслах, ценностных ориентациях и мотивации говорящего.

Е.А.Плеханова в своих пояснениях в процессе допроса указывает, что перед ней не стояла задача исследовать особенности субъекта. Вместе с тем, на стр.54 рецензируемого заключения она приводит методологические принципы, положенные ею в основу исследования, а именно:

- принцип достаточности требует точного определения конкретных психологических особенностей объектов психологического воздействия, на которые это воздействие направлено, и **субъектов**, осуществляющих это воздействие;

- принцип целенаправленности предполагает наличие ясно определенной цели, ради которой и организуется изучение **субъекта** психологического воздействия, а именно: раскрытие его внутренней сущности – мировоззрения, потребностей, мотивов и установок деятельности, специфики поведения.

Однако, к сожалению, Е.А. Плеханова не руководствовалась при проведении своего исследования заявленными методологическими принципами. Объяснения, данные ею на допросе, также подтверждают это обстоятельство.

интент-анализ также является психологическим методом анализа речи, предполагающим экспертное оценивание характера намерений говорящего (интенций) по его речи и раскрытие скрытого подтекста выступлений, недоступных при других формах анализа. Данный вид анализа не использовался в экспертном заключении, т. к. вопрос следователя предполагал постановку совершенно определенной цели исследования – выявление психологических воздействий и характеристика целевой аудитории. В связи с этим намерения говорящего остались за пределами нашего психологического исследования по вполне объективным обстоятельствам – эта задача перед экспертом не ставилась.

Такой подход представляется ошибочным. Если исследователь определяет в изучаемых продуктах речевой деятельности признаки манипулятивных приёмов без выявления намерений говорящего эти приемы целенаправленно применять, то он может прийти к необоснованным, недостоверным субъективным выводам, основанным только на его субъективном восприятии ситуации.

Далее в своих пояснениях (как видно из протокола ее допроса) Е.А.Плеханова показывает, что

«перед экспертом не ставилась диагностическая задача изучения всех нюансов мотивации поведения Дильмухаметова, не было необходимости в прогнозах его деятельности в будущем, а тем более его коррекции. В рамках экспертной инициативы психологом отмечаются особенности проявления скрытой мотивации А. Дильмухаметова исключительно в общем контексте его выступления для пояснения следователю, суду, подследственному наиболее важных побуждений деятельности Дильмухаметова – его материальной заинтересованности. Этот аспект важен для понимания личности Дильмухаметова, причин его поступков и поведения, т. к. мотив является основным побуждением к деятельности любого человека».

Е.А. Плеханова считает, что «для идентификации суггестивных воздействий ни контент-анализ, ни интент-анализ не пригодны вообще» (л.д. 254-255), однако то, что воздействие речи Дильмухаметова носило именно суггестивный характер, не подтверждено выводами эксперта, основано на её личном субъективном восприятии выступления и внутреннем убеждении.

О том, что исследование проведено без достаточного методологического инструментария, мы уже говорили выше. В целях определения обоснованности либо необоснованности, достоверности либо недостоверности умозаключений и выводов экспертов мы считаем необходимым указать на наличие противоречий в позиции Е.Е. Хазимуллиной и Е.А. Плехановой, нашедшей отражение во всех трех рецензируемых экспертизах.

Если рассматривать рецензируемые заключения Е.Е. Хазимуллиной и Е.А. Плехановой в совокупности с их пояснениями, данными на допросах, то выясняется, что эксперты высказывают противоречивую информацию о том, исследуют они только наличие психологического воздействия в выступлениях А. Дильмухаметова без учета его личностных особенностей или же они исследуют его мотивы и побуждения.

В протоколах допросов зафиксировано мнение Е.Е. Хазимуллиной и Е.А. Плехановой о том, что для решения задач, поставленных следствием перед экспертами, не требуется изучение личности А. Дильмухаметова, но при этом они уверенно говорят о том, что именно, по их мнению, относится к его «наиболее важным побуждениям». Далее они также указывают, что один их выявленных ими аспектов «важен для понимания личности Дильмухаметова, причин его поступков и поведения, т. к. «мотив является основным побуждением к деятельности любого человека».

Для оценки обоснованности и релевантности выводов экспертов необходимо уточнить, что же было ими изучаемо в процессе исследования представленных им следствием материалов.

Мы полагаем, что при ответе на вопрос о психологическом воздействии и о характере этого психологического воздействия обязательным является изучение мотивов и намерений выступающего, поскольку в противном случае невозможно разграничить «психологическое воздействие» в рамках общения и обычной деловой коммуникации, с одной стороны, и психологическое воздействие, имеющее манипулятивный характер, с другой стороны.

Объяснения, данные экспертами в ходе допроса, позволяют предположить (как минимум, в отношении эксперта Е.А. Плехановой), что в соответствии с разработанной ею программой исследования она соблюдала следующую процедуру *проведения психологического исследования*.

- «1. Изучение представленных материалов;
2. Отбор и анализ высказываний, комментариев, фраз, эпизодов, содержащих признаки психологического воздействия;
3. Определение целевой аудитории.»

Из этого фрагмента заключения можно сделать выводы о том, что,

- во-первых, в заключении не отражено, по какому принципу производился отбор высказываний,
- во-вторых, в заключении не отражено, по каким именно методикам, с использованием какой методологии эксперт Е.А. Плеханова проводила анализ отобранных ею высказываний,
- в-третьих, в заключении не отражено, каким способом эксперт Е.А. Плеханова проводила разграничение «психологического воздействия» в рамках обычного межличностного общения и обычной деловой коммуникации, с одной стороны, и психологического воздействия, имеющего манипулятивный характер, с другой стороны.

Таким образом, налицо веские основания предполагать, что суждения и выводы эксперта носят субъективный, оценочный характер, основаны на субъективном непосредственном восприятии Е.А. Плехановой переданных ей материалов и не отвечают таким принципам научного исследования, как «повторяемость» и «проверяемость».

Использование неподтвержденных методик при проведении исследования ведет к недостоверным выводам. Как указано в книге «Судебная экспертиза: типичные ошибки» под редакцией доктора юридических наук, профессора Е.Р. Россинской, «заведомо ложное заключение – это умышленное действие, направленное на сознательное и целенаправленное игнорирование или умалчивание при исследовании существенных фактов и свойств объекта экспертизы. Оно может состоять в осознанных неверных действиях по проведению экспертизы, умышленно неверном применении или выборе методики экспертного исследования, заведомо неправильной их оценке. Осознание ложности своих выводов или неправильности действий исключает добросовестное заблуждение как такое психологиче-

ское состояние, при котором субъект не осознает неправильность своих суждений или действий, а искренне полагает, что он мыслит и действует правильно».

В рассматриваемом заключении не обнаружено достаточно достоверной информации, позволяющей отнести его к заведомо ложным заключениям, но выводы эксперта Е.А. Плехановой представляются нерелевантными в связи с перечисленными выше обстоятельствами.

5. Относительно содержания психологического исследования, описанного в рецензируемом заключении

По содержательной части исследования, касающегося решения вопроса об оказываемом на целевую аудиторию психологическом воздействии можно сказать следующее: эксперт Е.А. Плеханова для теоретического обоснования возможности отнесения «видеозаписи «Хизбы - террористы по разнарядке. ВзгляАД № 31» к материалам, *имеющим манипулятивный характер и содержащий в себе прямую или косвенную суггестию (вплоть до эриксоновского гипноза)* ограничивается в рецензируемом заключении лишь несколькими строчками глоссария, недостаточно полно определяя понятийный аппарат проводимого ею исследования.

Эксперт Е.А. Плеханова не приводит достаточного теоретического обоснования своей позиции. Однако из текста рецензируемого заключения видно, что эксперт не учитывает разницу между допустимым и социально одобряемым стилем общения, с одной стороны, и вредоносной манипуляцией, с другой стороны, не разграничивает характерологические особенности и различия таких явлений, как:

- психологическое влияние;
- психологическое воздействие;
- манипуляция.

Однако принятый в современной психологии научный подход к определению и анализу перечисленных явлений указывает на существенные различия между ними, подлежащие учету при организации и осуществлении исследования экспертом представленных на экспертизу материалов.

В рецензируемом заключении отсутствуют определения видов коммуникации людей, подлежащие обязательному учету при выделении в рассматриваемых материалах признаков, относящихся именно к манипулятивному стилю общения.

Так, одна из общепризнанных классификаций видов коммуникации основана на зависимости межличностного общения от различных мотивов и целей его участников.

Если целью общения выступают психологический контакт, психологические взаимоотношения собеседников, то говорят о мотивах общения, лежащих в пределах самого общения, или о модальном общении, в рамках которого люди получают удовольствие от самого процесса общения или занимаются «выяснением отношений».

Если же цели общения иные — передача информации, побуждение партнера по общению к какому-либо действию, желание изменить его взгляды, стремление оказать эмоциональную поддержку — в этих случаях говорят о мотивах общения, лежащих за его пределами. Это характерно для так называемого диктального общения, то есть общения, связанного с тем или иным предметным взаимодействием.

Характер цели и, как следствие, возникающая между партнерами психологическая дистанция позволяют выделить различные **уровни общения**, описанные, например, в работе В.Н. Куницыной и др. «Межличностное общение». Среди них:

- *ритуальный, или социально-ролевой уровень*. Целью общения на этом уровне является выполнение ожидаемой от человека роли, демонстрация знания

норм социальной среды. Общение при этом носит, как правило, анонимный характер, независимо от того, происходит оно между незнакомыми, знакомыми или близкими людьми;

- *деловой, или манипулятивный уровень.* Целью такого общения является организация совместной деятельности, поиск средств повышения эффективности сотрудничества. Партнеры при этом оцениваются не как уникальные, неповторимые личности, а с точки зрения того, насколько хорошо они могут выполнить поставленные перед ними задачи, то есть оцениваются их функциональные качества. Соответственно, общение является психологически отстраненным — доминирует Я-Вы контакт;
- *интимно-личностный уровень.* Цель — удовлетворение потребности в понимании, сочувствии, сопереживании. Для общения на этом уровне характерны психологическая близость, эмпатия, доверительность — доминирует Я-Ты контакт.

Манипуляцию часто отождествляют с влиянием. Действительно, в повседневном общении манипуляция и личное влияние бывают так тесно переплетены, что трудно отличить одно от другого. Поэтому необходимо рассмотреть феномен манипуляции более подробно, уточнив ее определение, механизмы воздействия и способы защиты.

Под манипуляцией **обычно понимается один из видов психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша.**

При попытке выделить критерии манипуляции или другого вида влияния очень сложно обойтись без нравственно-этических категорий, поскольку в житейском контексте психология и этика, психология и нравственность практически неразделимы.

Так, например, подбирая метафоры к понятию «манипуляция», часто говорят о стремлении «прибрать к рукам», «заарканить», «одурманить», «пригвоздить», «поймать на крючок» при сохранении иллюзии самостоятельности решений и действий адресата воздействия. После общения с манипулятором у человека остается чувство, что его «оболванили», что он «сам не свой» или «как выжатый лимон».

Метафоры же личного влияния будут другими — это способность «притягивать как магнит», «завораживать», «вдохновлять на подвиг», «давать импульс к прозрению», «способствовать перерождению», «пробуждать ото сна».

Как видим, во всех случаях использования метафор присутствует противопоставление манипуляции и личного влияния по категории «хорошее» — «плохое», «позитивное» — «негативное».

Этический компонент помогает нам отличить манипулятивное общение от общения, не являющегося манипулятивным.

Многие гуманисты называют нравственность основным критерием общения человека третьего тысячелетия.

Принципиальное **различие между манипулятивным воздействием и личным влиянием заключено в следующих трех критериях.**

Манипулирующее воздействие:

1. Скрытность и тайный характер намерений (использование другого как средства достижения собственных целей);
2. Стремление подчинить своей воле (получить односторонний выигрыш);
3. Разрушающий личность эффект воздействия (в первую очередь негативный эффект сказывается на личности адресата, но опосредованно — и на личности манипулятора).

Личное влияние:

1. Искренность и открытость чувств, эмоций, намерений и мотивов человека, оказывающего влияние;
2. Наличие в акте влияния собственной доброй воли и личных интересов взаимодействующих людей;
3. Обогащающий, развивающий эффект воздействия (в первую очередь, на личность того человека, на которого оказывается воздействие).

Ряд исследователей, например, видит разрушительный эффект манипуляции в расщеплении личности адресата, ее невротизации, повышении «роботообразности», податливости к внешнему влиянию. Средства манипулятивного воздействия при таком подходе группируются в соответствии с основными признаками манипуляции.

1. Тайный характер манипулятивного влияния обеспечивается *многовекторностью воздействия* — решением сразу нескольких подзадач. Например, отвлечение внимания адресата, ограничение внимания на требуемом содержании, снижение критичности адресата, повышение собственного ранга в его глазах, изоляция адресата со стороны других людей и т. п.

2. Для оказания *психологического давления* используется адекватное целям оружие воздействия: перехват инициативы, введение своей темы, сокращение времени для принятия решения, рекламирование себя или намеки на широкие связи и возможности, апелляция к присутствующим и т. п.

3. Проникновение в психическую сферу адресата происходит через *психический автоматизм* — структурно-динамическое образование, актуализация которого с высокой вероятностью приводит к стандартному результату, будь то мотивационное напряжение (стремление к успеху, деньгам, славе, сексуальному удовольствию) или какое-то действие.

«Струнами души», на которых играет манипулятор, может оказаться любой значимый мотив: переживание из-за невысокого роста, полноты, болезни, гордость объекта влияния за собственное происхождение, нетерпимость к какому-то типу людей, любопытство, хобби и т. д.

Играя на различных интересах и потребностях адресата и одновременно на его опасениях, несвободе или нерасторопности, манипулятор может довольно длительное время удерживать адресата в пределах своих возможностей и влиять на него.

4. *Эксплуатация личностных качеств адресата* представляет собой имитацию процесса принятия решения им самим. Первый шаг — создание (или актуализация) состояния конкуренции мотивов. Актуализировать можно лишь то, что уже имеется во внутреннем мире человека, — но там имеется очень многое — надо лишь суметь получить доступ к тому или иному устремлению человека. Как только доступ будет получен, устремление будет актуализировано, разбуженная энергия начнет действовать без внешней поддержки. Второй шаг — изменение побудительной силы конкурирующих мотивов (изменение ценности одного из них, изменение цены достижения, управление оценкой вероятности достижения целей и т. п.).

Относительно механизмов манипулятивного воздействия следует отметить, что они одинаковы при любом психологическом влиянии — это, в первую очередь, психические автоматизмы и мотивационное обеспечение.

Любые средства психологического воздействия (*включая манипулятивное*) — это приложение усилий со стороны отправителя воздействия.

С точки зрения технологии ничего больше сделать нельзя, далее энергия воздействия должна работать сама — от манипулятора ее прохождение уже не зависит. Повлиять на характер прохождения с помощью иных средств воздействия можно, а *провести* энергию нельзя.

При позитивном, развивающем влиянии наблюдаются сходные явления и факторы. Можно дать человеку импульс к изменению, но нельзя произвести это изменение (его творцом является только сам человек) — точно так же человек не может прожить ни минуты чужой жизни. В дополнение заметим, что чем большим количеством стереотипов обременено сознание человека, тем легче манипулятору достичь своей цели, поскольку он играет на несвободе личности.

Конечная направленность манипулятивного воздействия диктуется стремлением манипулятора переложить ответственность за содеянное по его же наущению на свою жертву. Именно это обстоятельство и определяет негативное отношение к манипуляции, вследствие наличия в ней разрушительного начала. Отсюда вытекает необходимость уметь распознавать манипуляцию и защищаться от нее.

Распознавание манипуляции.

1. Неизменно присущий всякому манипулятору признак — это **стремление овладеть волей** партнера.

Манипулятор всегда будет стремиться поставить вас в подчиненное, зависимое положение. Эту зависимость он будет черпать в человечески слабостях, страхах, в любых желаниях, от которых люди не свободны (желание денег, власти, славы, признания, любви).

2. Второй отличительный признак манипулятора — **обман, лицемерие** в его поведении: смущающие человека (группу людей) слащавое заискивание, стремление угодить, либо неотвязность и прилипчивость, либо ощущение, что собеседник чего-то не договаривает и «темнит».

3. Третье отличие манипулятора легко обнаружить в его суждениях, где будет звучать призыв не к объединению, а к **отъединению**.

Он будет убеждать вас в необходимости борьбы «за место под солнцем», в необходимости позиции силы — «чем больше твоя сила и способность контролировать других, тем выше ты поднимаешься как хозяин положения», «с людьми нужно не дружить, а ссорить их между собой, чтобы быстрее победить». Интрига — любимый конек манипулятора.

Другой для манипулятора — это всегда лишь средство достижения собственных целей.

Ведущим же фактором в сопротивлении внешнему давлению и манипулированию, по мнению многих психологов, выступает **личностный потенциал**, личностная сила, которая представляет собой **устойчивость к внешнему влиянию и одновременно силу воздействия на людей**. Она предполагает индивидуальную целостность и включает следующие переменные:

- «сложность» внутреннего мира, богатство смысловых связей с внешними контекстами,
- «укорененность» личностных структур (личность имеет глубокие корни),
- ясность внутренних приоритетов и одновременная уступчивость в принципиальных моментах,
- гибкость в средствах и устойчивость в целях;
- духовная зрелость, когда жизненные цели таковы, что лежат вне пределов достижения в рамках одной человеческой жизни.

Таким образом, личностный потенциал, включающий духовную зрелость и свободу человека от всякого рода стереотипов, является одновременно потенциалом личного влияния и противостояния чужому влиянию.

В заключение следует сказать, что приемлемость манипуляции зависит от того, используется ли она в качестве стратегии, как основное и постоянное средство воздействия, или же в качестве тактики, как ситуативное и косвенное средство воздействия.

В первом случае манипуляция выступает как специфическая установка на общение, хотя тактики, используемые человеком, могут быть и не манипулятивными — таковы, например, самораскрытие в беседе (эгоцентрическое), сочувствие и внимание, готовность помочь и т. д.

Во втором случае манипуляция выступает как средство косвенного побуждения для создания дополнительной мотивации (например, в воспитании и обучении) или как средство защиты от чьих-то нежелательных действий (в ситуации давления, аффективного нападения, принуждения).

Как тактика манипуляция используется в общении очень часто и всеми без исключения. В частности, любое использование метафоры, мифа (в обучении, лечении), любая контраргументация (например, в споре, ведении переговоров), любое преднамеренное переключение внимания и действий партнера технически представляют собой манипуляцию.

Как любой феномен, манипуляция соединяет в себе и положительные, и отрицательные стороны, и соответственно она может обернуться для человека как пользой, так и злом. То же можно сказать, например, о хитрости, которая является элементом манипулятивной тактики, но не тождественна ей.

Также важно понимать, что психологическое влияние в форме манипулятивного или (тем более) суггестивного воздействия манипулятором совершается осознанно. Человек не может применять манипулятивные приемы неосознанно, нечаянно.

Как было сказано выше, манипулятивный стиль — часть делового, формального стиля общения, коммуникации. Манипулятивный стиль превращается в подлинную манипуляцию в тех случаях, когда человек полностью отдает себе отчет, что он именно осознанно, злонамеренно манипулирует — желает ввести аудиторию в заблуждение, опирается на заведомо ложные сведения, сознательно и с определенным корыстным намерением подтасовывает факты для достижения своей цели.

Специалисты выделяют четыре характерные особенности манипуляции:

- Во-первых, манипуляция — программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции.
- Во-вторых, манипуляция — это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции.
- В-третьих, манипуляция — это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний.
- В-четвертых, к людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам.

Только в случаях, когда человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели и начинает действовать по новой программе — манипуляция была успешной.

Не является манипуляцией осуществляемая политиком коммуникация (даже если в его речи встречаются фрагменты, в которых можно опознать признаки психологического влияния, имеющие сходство с признаками манипулятивных приемов):

- если политик излагает свою позицию и при этом искренне уверен в ее правоте;

- если он, добросовестно заблуждаясь относительно фактов, излагает сведения, отличающихся от реального положения вещей, но искренне убежден в том, что он, по своему субъективному ощущению и представлению, говорит правду;
- если он не применяет приемов скрытого воздействия.

Эксперт Е.А.Плеханова в списке понятия (понятийный аппарат исследования, состоящим из четырех определений), присутствующем в рецензируемом заключении, определяет **манипуляцию** как

тип социального, психологического воздействия, социально-психологический феномен, представляющий собой стремление изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики. Поскольку, как правило, такие методы продвигают интересы манипулятора, часто за счёт других людей, они могут считаться эксплуатационными, насильственными, нечестными и неэтичными.

Манипулятора эксперт определяет как

личность, использующую других людей для достижения своих целей.

Если принять эти узкие определения, касающиеся исключительно неэтичного манипулирования (а не «нормальной», свойственной всем политическим выступлениям этичной манипуляции), то в рассматриваемом случае для признания тех или иных высказываний А. Дильмухаметова манипуляцией совершенно необходимо:

- установить факт осознания А. Дильмухаметовым совершения им психологического воздействия в форме манипуляции — выявить и специальными **методами определения интенциональной направленности** его речи подтвердить наличие в его речи *скрытой, обманной или насильственной тактики*;
- выявить и специальными **методами определения интенциональной направленности** его речи подтвердить *эксплуатационный, насильственный, нечестный и неэтичный характер* интенций (намерений) А.Дильмухаметова;
- выявить специальными **методами определения интенциональной направленности** речи А.Дильмухаметова, а также **мотивационным анализом** исследуемых материалов такие проявления его личностных особенностей, которые могут однозначно, проверяемо и достоверно определить наличие признаков *личности, использующей других людей для достижения своих целей.*

Однако, исходя из содержания рецензируемого заключения, подобных задач эксперт Е.А.Плеханова перед собой не ставила и не решала. Складывается впечатление, что при проведении экспертизы Е.А.Плеханова априорно рассматривала А. Дильмухаметова как манипулятора и его выступление расценивала как заведомую ложь, реализуемую через совокупность манипулятивных приемов, методов и технологий.

В рецензируемом заключении не приведено достоверных и надежных (относящихся к категории общепризнанных научных данных) источников, в которых описывались бы объективные, проверяемые методы и критерии отнесения отобранных экспертом фрагментов видеозаписи «*Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31*» к «манипулятивным» или «суггестивным» приемам. (Впрочем, рецензенты сомневаются в самом существовании подобных источников.)

В рецензируемом заключении эксперт-психолог приводит несистемные описания разнородных явлений, которые она (по её мнению) обнаружила, снабжая вырванные из

контекста выступления А. Дильмухаметова цитаты теми или иными ярлыками из приведенного выше списка манипулятивных приемов, не имеющими в психологии общепризнанной трактовки.

По каким структурным элементам речи А. Дильмухаметова эксперт Е.А.Плеханова производила отграничение приемов манипуляции от приемов обычного психологического влияния, в тексте рецензируемого заключения не изложено.

В серьезной психологической литературе упоминаний о терминах, используемых Е.А.Плехановой, не встречается, не имеется научного обоснования выделяемых ею приемов, за исключением работы Ю. А. Ермакова «Манипуляция личностью: Смысл, приемы, последствия» 1995 года, которая с некоторой натяжкой может быть отнесена к категории «относительно серьезных», и работ С.А. Зелинского, которые никак не могут быть отнесены к категории академической, собственно научной литературы. Регулярно встречаются эти и многим им подобные «термины» в так называемой «популярной» литературе, которая не относится к категории не только общепризнанных, но и вообще научных данных. Отдельные манипулятивные приемы рассматриваются (чаще не психологами, а специалистами по связям с общественностью) в контексте описания информационной войны — так называемого «черного PR» — и «войны компроматов».

В публикациях «популярного» жанра, как правило, можно найти множество эмпирических примеров, но чрезвычайно мало внимания уделяется технологическому инструментарию. Поэтому они, будучи содержательно насыщенными и во многом интересными, не имеют самостоятельной ценности ни как самостоятельное научное исследование, ни как такое научное исследование, результаты которого могут быть положены в основу прикладных, в том числе судебно-экспертных, исследований.

В рецензируемом заключении эксперт Е.А.Плеханова постоянно и повсеместно обнаруживает манипулятивность высказываний там, где её нет. Это создает у читателя экспертного заключения мнение о злонамеренности и опасно манипулятивном характере речи А. Дильмухаметова. Хотя в реальной действительности видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31», как и любой политический текст, не может не обладать признаками психологического воздействия, которое в академической психологии, собственно говоря, принято противопоставлять именно манипулятивности и от которого манипулятивность необходимо четко отграничивать. К сожалению, это противопоставление в рецензируемом заключении никак не прослеживается.

В результате для того, чтобы обеспечить полноту анализа рецензируемого заключения, специалист-психолог вынуждена выполнить то, чего не сделала эксперт Е.А.Плеханова. Ниже в настоящей рецензии будет приведено обнаруживаемое в «популярной» литературе описание терминов, которые Е.А.Плеханова использует как ярлыки для обозначения «манипулятивных» приемов, с помощью которых она интерпретирует выступление А. Дильмухаметова.

Примером подлинно манипулятивного воздействия на аудиторию может служить предпринятое в тексте рецензируемого заключения регулярное выделение слов «**психологическое воздействие**» полужирным шрифтом, что, видимо, по замыслу его составителей, призвано придать оценочным суждениям Е.А.Плехановой более серьезное звучание, а самим словам «**психологическое воздействие**» — более угрожающую коннотацию. Подобное форматирование следует трактовать как использованный экспертом «манипулятивный прием», адресатом которого являются органы следствия и суд. Эксперт-психолог не может не знать, что понятия «манипуляция» и «воздействие» не тождественны. Психологическое воздействие осуществляется любым говорящим и/или пишущим человеком, за исключением ситуаций интимного или полностью ритуального общения.

Перечень упоминаемых Е.А.Плехановой терминов, обозначающих приемы манипулирования, действительно можно найти в книге С. А. Зелинского «Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание», приведенной экспертом в списке литературы (с. 42), в которой автор (Зелинский) указывает на применение некоторых приемов воздействия на аудитории при работе режиссера в процессе создания творческого произведения (спектакля, фильма), произвольно экстраполируя затем эти методы на политические выступления.

К числу таких приемов, согласно указанному источнику, относятся:

- «оркестровка» — психологическое давление в форме постоянного повторения тех или иных фактов вне зависимости от истины;
- «селекция» («подтасовка») — отбор определенных тенденций — к примеру, только позитивных или негативных, искажение, преувеличение (преуменьшение) данных тенденций;
- «наведение румян» (приукрашивание фактов);
- «приклеивание ярлыков» (например, обвинительных, обидных и т.д.);
- «трансфер» («проекция»)
- перенос каких-либо качеств (положительных, отрицательных) на другое явление (или человека);
- «игра в простонародность», включающая, к примеру, максимально упрощенную форму подачи информации.
- «просеивание» информации (к примеру, для медиатекстов, претендующих на документальность, эффективно аргументированное выделение истинного и ложного, очищение информации от «румян» и «ярлыков» путем сопоставления с действительными фактами и т.д.);
- снятие с информации ореола «типичности», «простонародности», «авторитетности»;

Перечень этих или схожих «приёмов» можно найти и в монографии Ю. А. Ермакова, который анализирует наиболее известные и типичные приемы, используемые журналистами в контексте влияния на общественное сознание:

- «Утечка информации», т.е. организация преднамеренной утечки «важной» информации в СМИ. Эта уловка опирается на «предубежденность обывателя в том, что власти вершат свои дела втайне». Журналисты «запускают» в массовое сознание фальшивые документы, клеветнические измышления, инсинуации в отношении политических противников.
- Прием «идеологическая стереотипизация». Транслируемые стереотипы подменяют активное мышление, знание — иррациональной встройкой в примитивизированные пропагандой теоретические положения.
- Прием «блистательная неопределенность» (или «сияющее обобщение») заключается в надлении события, идеи, вещи, конкретной личности обобщающим родовым именем, которое символизирует «мир добра» и вызывает положительные чувства и эмоции. Таковы в сознании обывателя понятия «демократия», «свободный мир», «культура», «гуманизм», «духовность», «права человека» и т.п. Эти понятия часто прикрывают своим «сиянием» элементарные логические ошибки, на которых строится иллюзии и мифы, внедряемые пропагандистами в сознание реципиента (например, расширение понятия «западная цивилизация» до понятия «мировая цивилизация»).
- Прием «наклеивание ярлыков» — стремление опорочить идею (личность, предмет) посредством эпитетов и метафор, замещающих логическое доказательство и вызывающее нужное для журналистов отношение аудитории.

- Прием «перенос» (или «трансфер») строится на использовании представлений о чем либо, что имеет для объекта пропаганды бесспорный авторитет или высокую престижность. В его основе — ассоциация описываемых событий с уже сложившимися у аудитории ценностными стандартами, вызывающими положительную или отрицательную реакцию.
- К приему «перенос» примыкает прием «свидетельство» («по рекомендации») при котором используется референтное лицо.
- Прием «подтасовка карт» рассчитан на недостаточную осведомленность аудитории. Он заключается в тенденциозном подборе фактов, использовании фальшивых доводов или искусственно смонтированного зрительного ряда.
- Прием «игра в простонародье» (например, фотомонтажи контакта Сталина с народом).
- Прием «общая платформа» (или «фургон с оркестром») стимулирует конформизм реципиента, его желание быть как все. В ходе применения этого приема осуществляется унификация психологического состояния и культивирование единодушия аудитории.

Нетрудно видеть, что большинство упомянутых экспертом Е.А.Плехановой приемов сами по себе не обладают признаками манипуляции, будучи способными служить проявлением разных стилей психологического воздействия. Манипулятивность в них может проявиться лишь при наличии указанных нами выше условий:

1. Отношение выступающего к людям, составляющим его аудиторию как к объектам для удовлетворения его целей и желаний;
2. Фальшь и лживость выступающего (умышленная ложь, лгать нечаянно невозможно);
3. Соккрытие выступающим его подлинной цели, маскировка её под интересы аудитории.

Любое социальное проявление (речь, поведение и т.д.) оказывает психологическое воздействие. Виды этого воздействия разнообразны, в частности они могут быть как осознанными, так и не осознанными. О возможном неосознанном (не осознаваемом оратором) психологическом воздействии эксперт Плеханова упоминает на стр. 51 заключения:

«Психологическое воздействие — это преднамеренное или непреднамеренное влияние одного или нескольких людей на психологические состояния, чувства, мысли и поступки другого человека или группы людей».

Это положение основано на общепринятых научных и практических данных и подтверждается авторитетными учеными психологами, в частности, Доценко Е.Л., Сидоренко Л.Д., Куницына В.Н., Ильин Е.П.

Авторы, на которых ссылаются эксперты Е.Е. Хазимуллина и Е.А. Плеханова на вышеупомянутых допросах (например, присутствует апелляция к книге В.Г. Крысько «Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт)»), также в своих трудах указывают на возможный осознанный или неосознанный характер психологического воздействия.

О проявляющемся в речи выступающего характере психологического воздействия (манипулятивном или НЕ манипулятивном, специально направленном на формирование определенного отношения или мнения или нет, осознаваемом или нет) можно судить по следующим признакам.

В.Г. Крысько описывает психологическое воздействие как «социально-психологическую активность одних людей, осуществляемую в различных формах и раз-

личными средствами направленная на других людей и их группы с целью преобразования или изменения психологических характеристик личности (ее взглядов, мнений, отношений, ценностных ориентации, настроений, мотивов, установок и стереотипов поведения), групповых норм, общественного мнения или переживаний людей, опосредующих их деятельность и поведение».

В.Г. Крысько выделяет несколько видов «психологического воздействия»:

1. Информационно-психологическое воздействие

2. Психогенное воздействие

3. Психоаналитическое (психокоррекционное) воздействие

4. *Нейролингвистическое воздействие (нейролингвистическое программирование) - вид психологического воздействия, изменяющий мотивации людей за счет внесения в их сознание специальных лингвистических программ. Можно составлять тексты сообщений в средствах массовой информации таким образом и в такой форме (содержании), что они вызывают определенные реакции психики и поведения людей.*

5. Психотронное (парапсихологическое, экстрасенсорное) воздействие

6. Психотропное воздействие.

Также В.Г. Крысько указывает, что существуют определенные методы психологического воздействия:

- *Убеждение -- это логически аргументированное воздействие на рациональную сферу сознания людей.*
- *Внушение – это воздействие на сознание личности или группы людей, основанное на не критическом (и часто неосознанном) восприятии информации.*
- *Заражение – это воздействие, основанное на бессознательной подверженности людей (особенно в составе группы) эмоциональному влиянию в условиях непосредственного контакта.*
- *Подражание -способ усвоения традиций общества, механизм сознательного или бессознательного воспроизведения опыта действий и поступков другого человека (субъекта психологического воздействия), в частности его движений, манер, действий, поведения и т.д.*
- *Гипноз – бессознательное восприятие информации в процессе сна.*

Все эти виды и методы психологического воздействия относятся к осознаваемым и целенаправленным способам воздействия на сознание другого человека, других людей.

Вместе с тем недопустимо игнорировать и отрицать то обстоятельство, что каждый акт коммуникации между людьми является в то же самое время и актом психологического воздействия.

Именно поэтому (исходя из предположения о возможной целенаправленности действий лица, осуществляющего психологическое воздействие, и для объективной проверки истинности этого предположения) необходимо в рамках психологического исследования спорного текста (продукта речевой деятельности) определять цель сообщения, его интенционную направленность, мотивы и намерения автора.

Эксперт Е.А. Плеханова сама в исследовательской части заключения указывает на этот аспект исследования, подчеркивая разницу между «психологическим воздействием» и «манипуляцией» (с.51 рецензируемого заключения).

Манипуляцию эксперт определяет как «тип социального, психологического воздействия, социально-психологический феномен, представляющий собой стремление изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики. Поскольку, как правило, такие методы продвигают интересы манипулятора, часто за счёт других людей, они могут считаться эксплуатационными,

насилованными, нечестными и неэтичными».

В дальнейшем в исследовательской части рецензируемого заключения эксперт Е.А. Плеханова употребляет понятия «манипулятивный прием», «психологическая уловка», «логико-психологическая уловка», «используемый прием», но не отражает различия между ними.

Также эксперт Е.А. Плеханова указывает в рецензируемом заключении, что
«в выступлении А. Дильмухаметова используются риторические вопросы, которые представляют собой форму косвенного внушения».

Введя описанный понятийный инструментарий, Е.А. Плеханова не указывает, имеются ли различия между этими терминами, и, по смыслу её суждений, использует эти понятия практически как синонимы.

Можно констатировать, что эксперт Е.А. Плеханова:

- не разделяет отмеченные ею фрагменты, в которых она находит признаки психологического воздействия на *преднамеренное* или *непреднамеренное* влияние автора (выступающего),
- не указывает, в каких фрагментах выявленное ею психологическое воздействие имеет характер именно манипуляции, то есть *«стремления изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики».*

Мы полагаем, что такая неопределенность противоречит принципам проведения судебных экспертиз и является для жанра экспертного заключения неустранимой ошибкой.

Эксперт Е.А. Плеханова в рецензируемом заключении пишет:

«Жанр данной видеозаписи можно определить как аналитическое выступление. Автор дает свою интерпретацию событий, связанных с запретом деятельности «Хизб ут-Тахрир» в РФ, дает свою оценку деятельности этой организации и ее членов.

В целом данное выступление носит обличительный характер».

Экспертом не внесена (предварительно) ясность, что именно в данном рассматриваемом выступлении с точки зрения психологии как науки подлежит отнесению к обличительным выступлениям (продуктам речевой деятельности, носящим обличительный характер), описание выступлений обличительного характера (и их отличие от выступлений, такого характера не имеющих) не описано при изложении методики исследования.

Эксперт пишет о выявленной ею основной идее выступления А. Дильмухаметова:

«Основная идея заключается в оправдании деятельности запрещенной в РФ террористической организации «Хизб ут- Тахрир» и высказывании сожаления о том, что при нынешней законодательной системе невозможно оправдать ее деятельность законным путем».

Эксперт Е.А. Плеханова не указывает, каким именно способом она определила именно эту «основную» идею, как она выбрала этот вариант интерпретации из других возможных вариантов.

Также эксперт без подкрепления своего суждения данными, полученными в результате применения для исследования выступления указываемых ею методов и методик, полагает, что выступление носит обличительный характер, основывая этот промежуточный вывод на своем опыте эксперта, но не на определении «обличительности», что делает этот промежуточный вывод непроверяемым и сомнительным с точки зрения его объективности.

Также экспертом не приводятся обоснованные подтверждения оправдания А. Дильмухаметовым деятельности запрещенной в РФ террористической организации «Хизб ут-Тахрир».

Вместе с тем из видеообращения видно, что о деятельности этой организации А. Дильмухаметов говорит достаточно кратко, практически не оценивает эту деятельность, во всяком случае, положительно, выражает сожаление, связанное с тем, что при рассмотрении Верховным судом РФ гражданского дела о признании указанной организации террористической были допущены, по мнению Дильмухаметова, существенные нарушения.

Утверждение эксперта о том, что в видеообращении содержатся высказывания, имеющие характер сожаления о том, что при нынешней законодательной системе невозможно оправдать деятельность запрещенной в РФ террористической организации «Хизб ут-Тахрир» законным путем, не обосновываются экспертом отсылками к изучаемому ему материалу (непосредственно к выступлению, зафиксированному в видеозаписи).

Из этого оценочного суждения эксперта читатель может сделать вывод, не имеющих отношения к смыслу и намерениям выступающего.

Вопреки заявленному экспертом Е. А. Плехановой, А. Дильмухаметов не высказывает сожалений о том, что действующее законодательство не дает возможности оправдать деятельность террористической организации. Эта интерпретация не подтверждается непосредственно какими-либо речевыми фактами, рассматриваемой видеозаписью.

Из видеозаписи следует, что А. Дильмухаметов сожалеет, что из-за неправомерного, по его мнению, судебного решения люди, которые, опять же, по мнению выступающего, непричастны к терроризму, страдают.

Е.А. Плеханова пишет:

«Рассмотрим, с помощью каких приемов осуществляется психологическое воздействие на зрителя».

Эксперт в самом начале своего исследования по умолчанию подразумевает, что А. Дильмухаметов целенаправленно оказывал на свою аудиторию осознанное им психологическое воздействие, причем осуществлял это воздействие с помощью ряда «приемов».

В действительности для того, чтобы провести разграничение между релевантными типами высказываний (отделить ярко эмоциональное, но не манипулятивное высказывание от высказывания действительно манипулятивного) необходимо определить интенционную направленность высказывания, побудительный мотив говорящего, его цель.

Увы, этих вопросов эксперт в своем исследовании не касается.

В самом начале описания хода своего исследования представленной для экспертизы видеозаписи эксперт Е. А. Плеханова пишет:

Начинается видеозапись с самопредставления Айрата Дильмухаметова («00:06 – «Программа «Взгляд», Айрат Дильмухаметов, кандидат в Президенты Республики Башкортостан»). Подобный способ самопрезентации является **тактикой управления впечатлением о своей компетентности** в глазах других людей и называется «**Самопродвижение**» (**Self-promotion**). Суть ее заключается в сообщении зрителям о своих способностях и достижениях, чтобы выглядеть компетентным в их глазах. Только заявив о своей компетентности, благодаря выдвижению своей кандидатуры на пост президента Башкортостана, Айрат Дильмухаметов может претендовать на высокий социальный статус и авторитет в глаза аудитории,

что дает ему право высказывать свою позицию и мнение как авторитетные и непогрешимые.

В данном фрагменте эксперт приводит свое оценочное суждение, ничем не обосновывает свою позицию и не показывает, в чем требуемая этикой публичных выступлений озвучиваемая оратором информация о том, как его зовут и кем он является, отличается или схожа со *способом самопрезентации, «который является тактикой управления впечатлением о своей компетентности в глазах других людей и называется «Самопродвижение» (Self-promotion)»*.

Представляется чрезмерной подобная оценка столь обыденных элементов публичного выступления, которые присутствуют в речи любого публично выступающего человека. Нет данных, достоверно подтверждающих умозаключение эксперта о том, что представившись (кратко сообщив аудитории факты о себе и о контексте выступления), Дильмухаметов

«целенаправленно реализовывал намерение выглядеть компетентным в глазах аудитории, подчеркивал своё право претендовать на высокий социальный статус».

Экспертом не рассмотрена вполне самоочевидная вероятность того, что говорящий просто соблюдал формат публичного выступления, в полном соответствии с традициями выступлений подобного формата.

Кроме того, ничем не подтверждено суждение о том, что статус кандидата в президенты республики автоматически создает впечатление о высокой компетентности данного лица.

Впрочем, и при отсутствии у А. Дильмухаметова осознанного намерения каким-то образом подчеркнуть свой высокий статус у аудитории (любого зрителя, в то числе и у экспертов) мог возникнуть такой психологический эффект, как прайминг.

В психологии фиксирование установки (эффект предшествования, прайминг) — это механизм имплицитной памяти, обеспечивающий неосознанное и непреднамеренное влияние однократного воздействия стимула какого-либо вида на реакцию на последующий стимул. Зафиксированная установка является менее глубинным и общим явлением, чем психологическая установка — неосознанное психологическое состояние, внутреннее качество субъекта, базирующееся на его предшествующем опыте, предрасположенности к определённой активности в определённой ситуации.

По своим характеристикам объект памяти, реализующий фиксирование установки, является автоматически исполняемым объектом (процедурой) процедурной памяти.

Этот эффект может наблюдаться и при отсутствии осознанного намерения говорящего вызвать фиксированную установку.

Оценочным, не основанным на фактах является умозаключение эксперта о том, что Дильмухаметов имел осознанное намерение *«высказывать свою позицию и мнение как авторитетные и непогрешимые»*. Умозаключение эксперта об этом обстоятельстве не представляется ни обоснованным, ни достоверным. Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, представленные в рассматриваемом фрагменте спорного текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

Далее эксперт Е.А. Плеханова пишет, что

«Используется Айратом Дильмухаметовым прием «**Эффект правдоподобия**», который основывается на такой составляющей психики, когда человек склонен верить информации, не противоречащей ранее имеющейся у него или его представлениям по рас-

смастриваемому вопросу. Айрат Дильмухаметов ссылается на статьи Конституции, указывает даты рассмотрения дел в Верховном суде РФ, повествует о ходе рассмотрения дел по террористическим организациям, тем самым давая понять читателям, насколько он компетентен в данных вопросах.

Проверить же достоверность информации, в частности, о ходе ведения судопроизводства по признанию ряда организаций террористическими, у читателя возможности нет».

Итак, Е.А. Плеханова считает, что высказывание А. Дильмухаметовым мнения о неправомерности решения по делу «Хизб ут-Тахрир» можно отнести к манипулятивным приемам. В частности, эксперт полагает, что здесь был применен прием «Эффект правдоподобия».

Она совершенно верно описывает особенности функционирования человеческой психики. Описываемые ею моменты отражены, например, в работах Л.Фестингера.

Е.А. Плеханова пишет:

«Особенность функционирования человеческой психики заключается в том, что если мы сталкиваемся с информацией, с которой внутренне не согласны, то мы сознательно перекрываем подобный канал получения информации. А если наталкиваемся на информацию, не противоречащую нашему пониманию подобного вопроса, мы продолжаем впитывать ее, что усиливает ранее сформированные паттерны поведения и установки в подсознании»

Но при этом эксперт Е.А. Плеханова делает, основываясь на приведенных ею базовых положениях фундаментальной психологии, неверные и не основанные на материалах дела выводы. Она считает, что манипуляция становится возможной из-за того, что

«манипулятор Айрат Дильмухаметов сознательно вклинивает в правдоподобную информацию часть ложной, которая автоматически воспринимается читателем как настоящая. Следовательно, происходит **фабрикация фактов**.

Эффект манипулирования происходит в результате мелких отклонений, используемых при подаче материала, но действующих всегда в одном направлении.

Манипуляторы говорят правду только тогда, когда правда может быть легко проверена. Такой легко проверяемой информацией являются сведения о том, что в отношении этих людей из «Хизб ут-Тахрир» вынесены приговоры.

Остальная информация преподносится в нужном им ключе. Утверждается, что уголовное преследование незаконно, судебное решение не правомочно, сам ход судебного заседания проводился с нарушением всех процедур и др.

Зритель в итоге не получает никакой подтверждающей информации, кроме слов А. Дильмухаметова».

В рецензируемом заключении не указано, каким образом эксперт Е.А. Плеханова установила, что мнение А. Дильмухаметова о том, что *«судебное решение не правомочно, сам ход судебного заседания проводился с нарушением всех процедур»* ложно. Какие-либо сведения о том, почему именно слова об упоминаемом А. Дильмухаметовым судебном решении ложны, в рецензируемом заключении не приведены. Информация о том, что судебное заседание было проведено без нарушения всех процедур, также не приведена.

Впрочем, сомнительным представляется и соответствие специальной компетенции

эксперта установление истинности или ложности подобных суждений по вопросам, относительно которых вполне нормальной является ситуация, когда разные юристы высказывают различные точки зрения. Едва ли не любая апелляционная жалоба и практически любое апелляционное представление содержат суждения о допущенных судом первой инстанции процессуальных нарушениях при рассмотрении дела. В документах, представляемых противоположной стороной, в этой ситуации факт допущенных нарушений отрицается и опровергается, при этом обе стороны приводят определенные доводы, на которых их суждения основаны.

В силу изложенного невозможно признать обоснованным суждение эксперта о том, что А. Дильмухаметов сообщает своим слушателям ложь.

Е.А. Плеханова пишет, что эффект правдоподобия усиливается тем, что в социуме имеются определенные установки и стереотипы.

«При использовании данной техники ложь становится наиболее эффективной, когда опирается на заложенный в подсознании стереотип: полиция, суд – это репрессивные органы».

Из рассмотренного фрагмента спорного текста рецензируемого заключения можно вывести следующее предположение: эксперт Е.А. Плеханова не приводит достаточно веских аргументов, что А. Дильмухаметов лжет. При этом она признает наличие в обществе («заложенного в подсознании») стереотипа: *«полиция, суд — репрессивные органы»*.

Е.А. Плеханова не рассматривает той возможности, что у самого А. Дильмухаметова может на имплицитном уровне существовать такая социальная установка, он сам может находиться «внутри» такого стереотипа.

И в этом случае в его приведенных экспертом словах ни лжи, ни манипулятивного (осознанного) приема не имеется. Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

Е.А. Плеханова считает, что

«пользуясь юридической терминологией и оперируя соответствующими понятиями, статьями Конституции РФ, знанием принципов судопроизводства, автор смешивает правдоподобную информацию с ложной, что не дает зрителю возможности отделить одно от другого:

«02:16 – ... в рамках гражданского судопроизводства, гражданского (!), я подчеркиваю, в закрытом судебном режиме, в закрытом (!) судебном режиме по иску генерального прокурора Российской Федерации, с участием, а-а-а, ФСБ и Минюста РФ, прошло судебное заседание, а-а, из там трех судей Верховного суда Российской Федерации, «Лебедевского». А, генпрокурор, не помню, кто тогда был, а-а, выкатил представление, что вот есть ряд организаций, а-а, которых надо запретить и признать террористическими. Ну, у нас есть а-основные нерушимые, а-а, принципы судопроизводства: это равноправие, это открытость, это гласность, это состязательность сторон, и вот эти все принципы, они все были попорчены, абсолютно все! Там, а-а-а-а, в ходе вот этого одного всего лишь судебного заседания скопом признали, а-а-а, террористическими целый ряд организаций, там, я не з-помню, где-то десять с-с чем-то».

Е.А. Плеханова при разборе данного фрагмента выступления не указывает, где именно происходит смешение правдоподобной информации с ложной, и что из приведенной цитаты является именно ложной (заведомо недостоверной, о чем известно выступающему) информацией. Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

В следующем фрагменте эксперт Е.А. Плеханова описывает обнаруженный ею прием «рассеивание».

«Прием **«Рассеивание» (контекстуальное внушение)** используется оратором, когда он **намеренно в ходе своего выступления выделяет голосом, интонацией, паузами** ключевые слова, содержащие уничижительное отношение к РФ, ее правоохранительной и судебной системе: «00:24 – *Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир»*», «01:41 – *И вот в этой стране, у которой такая, ну, в целом неплохая конституция в плане прав и свобод человека и гражданина, действует абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправосудное решение Верховного суда Российской Федерации*» и др. (подчеркнуто экспертом)».

Высказанная экспертом оценка отношения Айрата Дильмухаметова как «уничижительного» представляет собой произвольную трактовку данного фрагмента экспертом, её оценочным суждением.

Как видно из приведенного фрагмента, в тексте рецензируемого заключения экспертом подчеркнуты некоторые слова А. Дильмухаметова, эксперт обращает на них особое внимание читателя. Это — слова, в которых решение Верховного суда Российской Федерации описывается выступающим как «абсолютно, с правовой точки зрения, дикое, неправосудное».

При этом эксперт Е.А. Плеханова игнорирует то обстоятельство, что любое решение любого суда может при его проверке оказаться неправосудным и подлежать отмене, если не пропущен срок давности по его обжалованию.

Ничего подтверждающего «уничижительное» отношение к РФ, ее правоохранительной и судебной системе в таком предположении не имеется.

Напротив, любой человек, уважающий наше государство, его судебную и правоохранительную системы заинтересован в неуклонном соблюдении закона, в том, чтобы все решения всех судов были безупречны как в соблюдении материальных, так и процессуальных правовых норм, и в существовании механизма исправлений допущенных ошибок.

Эксперт считает, что якобы примененный здесь выступающим манипулятивный прием

«...дает возможность зрителю при просмотре программы обращать внимание на данные слова, которые способствуют формированию у него негативных установок по отношению к РФ, ее правоохранительной и судебной системе».

Эксперт выше уже говорила о стереотипах (о том, что в социуме «заложено в подсознании»), но не проводит различие между критикой недостатков и сознательным формированием у зрителя негативных установок, не описывает какие-либо критерии такого различения и не излагает сведений о применении этих критериев. Промежуточные выво-

ды эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

Эксперт Е.А. Плеханова считает, что

«Подобное психологическое воздействие носит **скрытый характер** и не осознается человеком как воздействие. В некоторых случаях ключевые слова повторяются по два раза или автор сам обращает внимание зрителя на эти слова: «02:16 – ... в рамках гражданского судопроизводства, гражданского (!), я подчеркиваю, в закрытом судебном режиме, в закрытом (!) судебном режиме по иску генерального прокурора Российской Федерации, с участием, а-а-а, ФСБ и Минюста РФ, прошло судебное заседание». Все это дает автору возможность акцентировать внимание зрителей, направить его в соответствии со своей логикой и убеждениями. Прием «**Рассеивание**» способствует реализации метода «**Старой реакции**».

В данном фрагменте рецензируемого заключения № 124 не раскрывается, по каким признакам эксперт видит в этих словах А. Дильмухаметова именно «скрытый» характер воздействия, выступающий выражает свои мысли явно, не завуалировано. Также эксперт Е.А. Плеханова не указывает, какой именно посыл, содержащийся в речи, по её мнению скрыт, замаскирован.

Фактически же в этом фрагменте А. Дильмухаметов сообщает аудитории о закрытом характере судебного рассмотрения, что соответствует действительности. Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

Кроме того, в рецензируемом заключении эксперт Е.А. Плеханова пишет о том, что она обнаружила в выступлении А. Дильмухаметова сочетание приёма «Рассеивание» и метода «Старой реакции», которые (по её мнению) выступающий осознанно применил для того, чтобы распространить эту реакцию на «все действия государства и правоохранительных органов». Эксперт пишет

«Метод «**Старой реакции**», используемый автором данного выступления, заключается в том, что на данное послание у зрителя должна возникнуть сильная эмоциональная реакция. Впоследствии эту же реакцию можно спровоцировать у него аналогичным раздражителем (аналогичной ситуацией). Таким образом у человека автоматически сработает старая реакция, хотя условия и ситуация могут значительно отличаться от той, в которой реакция проявилась впервые. Так, вызывая у зрителей гнев и неприязнь к действиям РФ и правоохранительных органов в отношении к членам запрещенной организации «Хизб ут-Тахрир», можно распространить эту реакцию на все действия государства и правоохранительных органов в целом, а также распространить эту реакцию на содержание и других видеосюжетов и публикаций автора».

Обнаружение в данном контексте экстраполяции — результат субъективного оценочного суждения эксперта. Во-первых, не установлено, что Дильмухаметов имел осознанное намерение вызвать у зрителей именно «гнев и неприязнь» к действиям «РФ и правоохранительных органов». Во-вторых, без доказанного осознанного намерения вы-

ступающего применить тот или иной «прием» или «метод» невозможно сделать обоснованный вывод о том, что выступающий манипулирует аудиторией. В-третьих, эксперт не рассматривает возможность того, что Дильмухаметов не применяет указанные экспертом «приёмы» и «методы» и не оказывает скрытое воздействие на аудиторию, а явно и открыто выражает свое негодование тем, что ему представляется нарушением законов Российской Федерации.

Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

Эксперт Е.А. Плеханова считает, что А. Дильмухаметов

«...использует в данном выступлении прием манипуляции числами, который заключается в том, что, если человек воспринял какое-либо абсурдное количественное утверждение, его уже почти невозможно вытеснить логическими аргументами. Число имеет свойство застревать в сознании человека необратимо, распространяя свое действие и на текст сообщения в целом».

Создается впечатление, что эксперт любое встречающееся в выступлении (речи, тексте) упоминание о числах или цифрах склонен расценивать как манипуляцию числами.

Эксперт пишет:

«Сообщая зрителям о статьях Конституции РФ, определенных датах и др., автор косвенно внедряет в сознание зрителей мысль о многолетнем противостоянии с репрессивным государственным устройством, беззащитности людей перед государством, при этом внимание зрителя сосредоточивается на цифрах, которые он не может опровергнуть такими же убедительными фактами, тем самым манипуляция достигает своей цели: «08:21 – Раньше, а-а-а, там в нулевых годах, давали по полтора-два года членам этой партии, потом, а и судили их по двести восемьдесят второй статье, потом ввели для них двести восемьдесят вторую прим два, по-моему, и стали они получать три-четыре года, потом стали их, им накидывать, а-а-а, статью двести семьдесят восьмую...»

«Попытка вооруженного захвата власти» через тридцатую, а-а-а, они соглашались, подписывались, получали ниже низшего, но это, это, это было уже пять тире семь лет, а потом, по-моему, в тринадцатом или в четырнадцатом году ввели специальную статью двести пять прим пять «Участие в террористической организации» — и всё, а там огромные, дикие срока, ужасные просто!».

Эксперт для привлечения читающего к своему промежуточному выводу об обнаружении приема «манипуляция числами», выделяет часть текста рецензируемого заключения жирным шрифтом:

Логического осмысления всех этих доказательств не происходит, т. к. на сознание зрителя свое воздействие уже оказали числа. При этом надо отметить, что данный прием особенно эффективно срабатывает на несформированном сознании молодых людей, которые являются основными потребителями информации в Интернет-пространстве.

Если перед нами фактология, соответствующая действительности, то зрителю её вовсе не требуется опровергать, находится он под воздействием манипулятивного приема

или просто получает некую информацию. Номера статей (в данном рассматриваемом контексте) не требуется осмысливать логически. Перечисление дат и номеров статей нельзя относить к приему «манипуляция числами».

Авторитетный автор, исследующий технологии манипуляции массовым сознанием, С.Г. Кара-Мурза (С. Г. Кара-Мурза «Манипуляция сознанием. Век XXI») так говорит о манипуляции числами:

«Магическая сила внушения, которой обладает число, такова, что, если человек воспринял какое-либо абсурдное количественное утверждение, его уже почти невозможно вытеснить логическими аргументами. Число имеет свойство застревать в мозгу необратимо. Своё очарование число распространяет и на текст, который его сопровождает. Поэтому часто манипуляторы сознанием вставляют в текст бессмысленные или даже противоречащие тексту цифры — и всё равно остаются в выигрыше, ибо на сознание воздействует сам вид числа».

В данном рассматриваемом случае цифры не являются ни бессмысленными, ни противоречивыми, вывод о наличии в этом фрагменте манипулятивного приема «манипуляция числами» опирается на субъективное восприятие рассматриваемой видеозаписи экспертом и является её субъективным оценочным суждением. Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

В рецензируемом заключении эксперт Е.А. Плеханова также указывает, что

«...А. Дильмухаметов в своем выступлении использует прием **«Утверждение»**, когда информация подается в виде готовых шаблонов, которые активно задействуют имеющиеся в подсознании стереотипы. Утверждение в любой речи означает отказ от обсуждения, что и делает А. Дильмухаметов. Он утверждает, что мусульман дискриминируют, репрессируют и противостоять этому невозможно, таким образом, манипулятор приучает своих зрителей и слушателей мыслить стереотипами и не включать интеллект при анализе информации, эмоционально внедряя в сознание слушателей свои идеи».

Отсутствуют данные, подтверждающие умозаключение эксперта о том, что А. Дильмухаметов отказывается от обсуждения поднятых им вопросов.

Отсутствуют также данные, подтверждающие то, что в видеозаписи «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31» А. Дильмухаметов говорит о именно дискриминации мусульман.

А. Дильмухаметов действительно выражает сожаление тем обстоятельством, что башкиры и татары, участники запрещенной в Российской Федерации организации «Хизб ут-Тахрир», были осуждены и приговорены к длительным срокам заключения.

Дильмухаметов полагает, что сроки заключения слишком велики. Но на протяжении всей записи в речи выступающего (17 мин.17 сек.) не имеется прямого утверждения о дискриминации мусульман.

А. Дильмухаметов говорит не о невозможности противостоять дискриминации и репрессиям в отношении мусульман, а о том, что в существующем правовом пространстве из-за пропуска срока давности невозможно пересмотреть представляющееся ему неправосудным решение Верховного Суда Российской Федерации.

Без пересмотра решения Верховного Суда Российской Федерации о признании организации «Хизб ут-Тахрир» террористической организацией невозможно изменить

участь лиц, осужденных за участие в её деятельности, и об этом А. Дильмухаметов тоже говорит со скорбью и печалью.

Тщательное изучение видеозаписи вызывает обоснованные сомнения в том, что эксперт Е.А. Плеханова при просмотре этой видеозаписи вела научное наблюдение.

Выражение лица, мимика, пантомимика, интонации говорящего, паузы в его показываю его печаль, скорбь, возмущение несправедливостью приговоров и скорбь о своем бессилии чем-то помочь родственникам осужденных.

При этом ни мимика, ни пантомимика, ни интонации не подтверждают предположение о том, что А. Дильмухаметов подает информацию в *«виде готовых шаблонов, которые активно задействуют имеющиеся в подсознании стереотипы»*. Какие именно это стереотипы, эксперт не указывает.

Моменты наблюдения, касающиеся выражения лица, мимики, пантомимики, интонации говорящего, не нашли отражения в рецензируемом заключении, эксперт Е.А. Плеханова не дала им необходимой профессиональной специальной оценки.

В видеозаписи не обнаружено признаков того, что Дильмухаметов именно *«внедряет в сознание слушателей свои идеи»*, мнение эксперта Е.А. Плехановой об этом построено на субъективном восприятии рассматриваемой видеозаписи экспертом и является её субъективным оценочным суждением. Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

Эксперт пишет о том, что

«Манипулятивный прием «Образ врага» используется для искусственного создания угрозы, что приводит к накалу страстей у зрителей, а в отдельных случаях может способствовать погружению зрителей в состояния, схожие с измененными состояниями сознания. В результате использования данного приема облегчается манипуляция другими людьми. Так, в анализируемой видеозаписи постоянно фигурирует образ не названного, но подразумеваемого врага. Таким врагом являются, по мнению автора, РФ и представители силовых структур, судебной системы, препятствующие распространению идеологии «Хизб ут-Тахрир»: «00:24 – Пишут мне женщины, жены, а-а, мамы тех мусульман, которые попали под каток, а-а-а, репрессий по делу организации «Хизб ут-Тахрир»», «01:10 – ... уже, а-а, свыше пятнадцати лет, а-а, в этой стране, в которой есть конституция», «05:54 – Всё судебное решение высшей (!) судебной инстанции этой страны напоминает собой просто оперативную справку спецслужбы», «09:21 – Вот во что вылилось вот это абсолютно неправосудное, юридически безграмотное решение Верховного суда Российской Федерации» и др. Здесь образ врага выстраивается через описание неправомερных действий судебных, правоохранительных органов. Автор при упоминании РФ использует выражение «эта страна», противопоставляя, дистанцируясь от РФ и ее законов».

В рассматриваемой видеозаписи не имеется признаков такого воздействия, которое могло бы вызвать *«накал страстей у зрителей»*, и тем более, воздействия, которое могло бы способствовать погружению зрителей в состояния, схожие с измененными состояниями сознания.

Вместе с тем из рассматриваемой видеозаписи выступления А. Дильмухаметова сле-

дует, что интенции, проявленные в выступлении, направлены не на формирование «образа врага», а являются критикой несоблюдения норм Конституции Российской Федерации.

Эксперт Е.А. Плеханова считает, что А. Дильмухаметов «дистанцируется» от Российской Федерации и её законов, но это суждение является субъективным, основано на субъективном восприятии видеозаписи экспертом.

Говоря про *«неправосудное, юридически безграмотное решение Верховного суда Российской Федерации»*, А. Дильмухаметов отнюдь не дистанцируется от законов России, напротив, он сожалеет об их несоблюдении.

Сама формулировка «неправосудное решение» прямо говорит о том, что он в принципе верит в возможность правосудия, а также об убежденности Дильмухаметова в том, что при неуклонном соблюдении законов Российской Федерации проблемы «неправосудных решений судов» встречались бы крайне редко или даже были бы не возможны.

Не наблюдается сколь-нибудь убедительных оснований считать, что А. Дильмухаметов видит врага в Российской Федерации и создаёт у своих зрителей «образ врага» в отношении нашего государства, России. Более вероятная интерпретация состоит в том, что Дильмухаметов сожалеет о несоблюдении законов, которое приводит к неправосудным решениям.

Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

Эксперт Е.А. Плеханова считает, что манипулятивный характер психологического воздействия выступления А. Дильмухаметова на зрителей может быть подтвержден следующим:

«В данной видеозаписи используется манипулятивный прием **«Перетасовка»** или **«подтасовка карт» (card stacking)**. Содержание данного приема заключается в отборе и тенденциозном преподнесении только положительных или только отрицательных фактов и доводов при одновременном замалчивании противоположных. Его основная цель, используя односторонний подбор и подачу фактов, свидетельств, доводов, показать привлекательность или, наоборот, неприемлемость какой-либо точки зрения, программы, идеи и т. п. В данной видеозаписи автор рассуждает о деятельности «Хизб ут-Тахрир», утверждая, что террористической деятельностью эта организация не занимается, и нет никаких фактов, доказывающих обратное. Также А. Дильмухаметов ссылается на юридическое определение понятия «терроризм» и утверждает, что это определение к деятельности «Хизб ут-Тахрир» не подходит: *«06:57 – Ни одного факта террористической деятельности нет»*, *«07:50 – Так вот, вот в этом определении «Хизб ут-Тахрир» никогда, а она существует с пятьдесят какого-то года и со.., была создана где-то на Ближнем востоке, никогда, а-а-а, террористической деятельностью не занималась и террор как метод политической борьбы не рассматривала»*. Подобная подача информации позволяет автору «подтасовывать» факты, преподнося ее в выгодном ракурсе.

Мнение эксперта Е.А. Плехановой об этом фрагменте построено на её субъективном восприятии рассматриваемой видеозаписи и является субъективным оценочным суждением эксперта.

Если эксперту Е.А. Плехановой известно, что именно в данном фрагменте является подтасовкой, ей следовало представить информацию об этом. Эксперт Е.А. Плеханова

говорит о том, что содержание приема **«Перетасовка»** или **«подтасовка карт» (card stacking)** состоит в том, что говорящий отбирает и тенденциозно преподносит только положительные или только отрицательные факты и доводы при одновременном замалчивании противоположных. Однако данных о том, что именно в данном случае замалчивается, эксперт не приводит. Е.А. Плеханова считает, что А. Дильмухаметов «подтасовывает факты», ссылаясь на юридическое определение понятия «терроризм» и утверждая, что это определение к деятельности «Хизб ут-Тахрир» не подходит.

Таким образом, информации о том, какие именно факты подтасованы Дильмухаметовым, в рецензируемом заключении не имеется.

Кроме того, для вынесения подобных суждений необходимы специальные знания, отличные от психологических и не соответствующие виду экспертизы, по результатам которой составлено рецензируемое заключение (в области юриспруденции).

Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются ни обоснованными, ни достоверными.

Эксперт полагает, что А. Дильмухаметов формирует установку на противостояние, как активное, так и пассивное, государственной системе, желание оказывать сопротивление и бороться с врагом, который не называется прямо, но подразумевается, — это РФ и ее законы, а также создает у зрителей образ врага в лице Российской Федерации.

«Вся видеозапись в целом выстроена таким образом, что реализует манипулятивный прием **«Сопротивление, или разыгрываемый протест»**, заключающийся в том, что видеоролик будоражит в душе объекта манипуляций – зрителей, чувства, направленные на преодоление возникшего барьера, в стремлении добиться своего. Дело в том, что психика устроена таким образом, что человек в большей мере хочет того, что ему или запрещают, или же для достижения чего необходимо приложить усилия. Несмотря на то, что в конце видеозаписи А. Дильмухаметов говорит о мифичности и недостижимости идей «Хизб ут-Тахрир», его позиция основывается на том, что РФ как враг сильна и ее не победить: *«16:17 – Не знаю, думаю, что, а-а, участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве не имеет никакого смысла, более того, оно наносит определенный, а- а-а, вполне конкретный вред. И вообще хочу сказать, что, ня-а-а, в сложившихся условиях ни одна политическая сила, вменяемая, она вообще не должна ставить вопросы насилия, не просто, я про террор, я вообще здесь не говорю, вопросы насилия и неправовую форму в повестку дня вообще не должна. Это нанес.., нанесет только вред, и это приведет только к укреплению данного полицейского государства, что абсолютно недопустимо»*. То есть видеосюжет формирует у зрителя установку на противостояние, как активное, так и пассивное, государственной системе, желание оказывать сопротивление и бороться с врагом, который не называется прямо, но подразумевается – это РФ и ее законы».

Действительно, в литературе описываются подобные приемы манипуляции сознанием. Но при этом определено о наличии такого манипулятивного приема можно говорить только при доказанном намерении и доказанной осознанной цели говорящего такой приём осуществить.

Мнение эксперта о том, что позиция А. Дильмухаметова состоит в том, что *«РФ как враг сильна и ее не победить»*, основано на субъективном восприятии выступления и не подтверждено материалами дела.

В видеозаписи рассматриваемый фрагмент выступления (начиная с 15.58) можно характеризовать как содержащий сожаление о том, что люди, связанные с «Хизб ут-Тахрир», осуждены на длительный срок, хоть и имеют право на справедливое судопроизводство, на правосудное решение (*«те ребята, которые получают эти дикие сроки, они тоже наши граждане»*).

То, что в рассматриваемом фрагменте не имеется признаков манипуляции такого рода, о котором пишет эксперт, но присутствуют признаки сожаления и бессилия, сострадания родственникам осужденных, подтверждают:

- мимика Дильмухаметова (его выражение лица и выражение глаз),
- направление взгляда Дильмухаметова,
- его ритм речи,
- его интонации, которые характерны для интенций размышления и сожаления,
- паузы, в которых выступающий подбирает слова для наиболее точного выражения своих мыслей.

В рассматриваемом фрагменте не наблюдается каких-либо признаков манипулятивного поведения. А. Дильмухаметов действительно предостерегает людей от участия в деятельности запрещенной в России организации «Хизб ут-Тахрир».

В финале своего выступления А. Дильмухаметов подчеркивает, что он считает что *«участие, членство вот в таких вот, а-а, партиях при таком законодательстве не имеет никакого смысла, более того, оно наносит определенный, а-а-а, вполне конкретный вред»*. Он предостерегает людей от участия в деятельности запрещенных организаций. Также А. Дильмухаметов выражает свою позицию, что политическая борьба должна вестись легальными способами, говорит о недопустимости насилия и неправовых форм борьбы.

Характеристики речи, манеры обращения к аудитории, признаки эмоционального отношения А. Дильмухаметова к вопросу, зафиксированные в рассматриваемой видеозаписи, соответствуют заявленному им смыслу сказанного. Скрытого подтекста, скрытого намерения «формировать у зрителя установку на противостояние» в данном финальном фрагменте выступления не имеется.

Намерения и цели А. Дильмухаметова, его побудительные мотивы в ходе исследования этого фрагмента экспертом Е.А. Плехановой в рецензируемой экспертизе не анализировались.

Мнение эксперта Е.А. Плехановой о том, что Дильмухаметов применяет манипулятивный прием с целью сформировать у зрителей *«установку на противостояние»*, не подтверждаются материалами дела. Промежуточный вывод эксперта по этому фрагменту не основан на материалах дела, его невозможно признать релевантным, обоснованным и достоверным.

Эксперт Е.А. Плеханова считает, что А. Дильмухаметов использует в выступлении косвенную суггестию (с помощью риторических вопросов).

В выступлении А. Дильмухаметова используются **риторические вопросы**, которые представляют собой **форму косвенного внушения**, т. к. обладают способностью усиливать действие любого внушения. Особенность использования риторических вопросов как способа психологического воздействия заключается в том, что

человек их таковыми не воспринимает, в то время как воздействие вопросов на психику является научно доказанным фактом. Используемые в видеозаписи риторические вопросы носят **иронический** характер («04:39 – *То есть они что, должны были быть зарегистрированы, что ли?*»), давая зрителю возможность скептически отнестись к позиции суда; используются риторические вопросы для **углубления состояния незначительности** человека («13:44 – *Кто вас вообще допустит, а если вы туда выйдете, что вам нарисуют, да и вообще, кто будет голосовать?*»); используются скрытые вопросы, представляющие собой высказывания, **неявно содержащие в себе вопрос и возможность выбора** («13:26 – *Во-вторых, на какие выборы вы, а-а, собрались выходить: на «хайдарвалеевские» выборы или на «эллапонфиловские?»*»).

Эксперт говорит о косвенном внушении, но что за идею, по мнению эксперта, А. Дильмухаметов хочет внушить аудитории, Е.А. Плеханова не указывает.

Суггестия — прямая или косвенная — осуществляется суггестором осознанно, с определенной целью. В рассматриваемом случае нельзя говорить о суггестии без определения и выявления намерения выступающего это суггестивное воздействие осуществить. Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

В рецензируемом заключении эксперт Е.А. Плеханова систематически рассматривает обычные коммуникативные приемы, свойственный любому политическому выступлению, но расценивает их как манипулятивные. Эксперт считает, что используемый А. Дильмухаметовым прием

«Игра в простонародность» состоит в попытках установления доверительных отношений с читающей аудиторией как с близкими по духу людьми на основании того, что как сам манипулятор, так и идеи его правильны, поскольку ориентированы на простого человека: «00:11 *И... тема для сегодняшней программы, э-э, навеяна письмами, которые приходят в личку, а именно, это уже в течение, наверно, последнего месяца*», «04:53 – *Я понимаю, что это, конечно, звучит, а-а-а, дико, и я ничего не троллю, но надо было хотя бы на это судебное заседание представить официально повестку, уведомить вот этим всем организациям, дела которых будут рассматриваться, чтобы какие-то представители этих организаций участвовали в судебном процессе, то есть на тот момент-то они еще не были, а-а, запрещены, они не были признаны террористическими, чтобы хотя бы предоставить слово: «Что вы скажете в свою защиту?»*», «06:11 – *Ну, я говорю, черт с ним, с этим, с этой «Шурой», с, а-а, с «Аль-Каидой», там еще с какими-то другими, какая-то еще там организация «Дом двух святых», аравийская*». В своем выступлении А. Дильмухаметов использует просторечные слова, что позволяет ему достигать понимания у людей разного образовательного уровня, показывая, что он также близок к ним.

Ранее Е.А. Плеханова (как мы отмечали выше) дает такое определение манипуляции и манипулятору:

«Манипуляция — тип социального, психологического воздействия, социально-психологический феномен, представляющий собой стремление изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики. Поскольку, как правило, такие методы продвигают интересы манипулятора, часто за счёт других людей, они могут считаться эксплуатационными, насильственными, нечестными и неэтичными.

Манипулятор — личность, использующая других людей для достижения своих целей».

В рассматриваемом фрагменте эксперт не анализирует, для достижения каких своих целей Дильмухаметов *«использует других людей»*, не указывает, в чем эти цели состоят, какие интересы он продвигает.

Эксперт не указывает, в чем в данном случае проявляется его *«стремление изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики»*.

Эксперт не указывает, что именно дает ей основание полагать, что в данном фрагменте присутствуют признаки скрытой, обманной и/или насильственной тактики.

Эксперт не указывает также, в чем именно идеи манипулятора неправильны или лживы.

Кроме того, эксперт Е.А. Плеханова делает акцент на том, что Дильмухаметов использует *«просторечные слова, что позволяет ему достигать понимания у людей разного образовательного уровня, показывая, что он также близок к ним»*, хотя из видеозаписи следует, что А. Дильмухаметов использует *«просторечные слова»* не только в рассматриваемом фрагменте.

Эксперт Е.А. Плеханова считает, что в видеозаписи А. Дильмухаметов использует еще один манипулятивный прием.

Манипулятивный прием «Эффект наблюдения, или поиск общих черт». Основывается на постоянном подчеркивании схожести между автором и объектом манипуляции – зрителем. Это делается ненавязчиво, тем самым частично ослабляются защитные функции психики объекта манипуляций, что дает оратору возможность протолкнуть свою идею и оказать воздействие на зрителя. Основное воздействие заключается в том, чтобы ненавязчиво отождествить автора и ведущего программы и всех людей, поставить между ними знак равенства. Для этого в тексте используются слова и выражения: *«мы помним», «мы знаем», «мы видим», «Мы прекрасно понимаем»*. Таким образом, автором используются суждения, высказывания, фразы, требующие единообразия в поведении, создающие впечатление, будто так делают, считают, думают все. Посредством данного приема у человека вызывается чувство уверенности в том, что большинство членов определенной социальной общности, с которой он себя идентифицирует или мнение которой значимо для него, принимают подобные ценности, идеи, программы и т. п. Данный прием в некоторых психологических источниках называют еще **«Общая платформа»**.

В приведенном фрагменте мы видим обычный коммуникативный прием, свойственный современным политическим выступлениям.

Распространенным коммуникативным приемом, свойственным любому публичному выступлению, является использование автором суждений, позволяющих создать кон-

такт и ощущение единства с аудиторией.

Для того, чтобы расценить его как *манипулятивный*, требуется обнаружить в нем скрытую, обманную, насильственную тактику, позволяющую манипулятору использовать других людей в своих целях. В каких целях Дильмухаметов, по мнению эксперта, *«стремился»* использовать других людей, в рецензируемом заключении не указано.

Критериев различения коммуникативного приёма (характерного для выступлений политиков) и манипулятивного приёма эксперт не приводит.

Чем именно подтверждается не коммуникативный, а именно *манипулятивный* характер психологического воздействия А. Дильмухаметова на зрителей, в рецензируемом заключении не указано.

Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой, сформулированные в данном фрагменте текста рецензируемого заключения, не являются обоснованными.

Эксперт Е.А. Плеханова считает, что

В выступлении А. Дильмухаметова используется **логико-психологическая уловка «Нарушение закона достаточного обоснования»**, суть которой заключается в том, что верные и имеющие отношение к тезису доводы являются недостаточными, потому что носят частный характер и не дают оснований для выводимого заключения: *«11:06 – И то, что мы видим, — это самый лютый, просто, а-а, антиконституционный беспредел, который происходит именно по принципу вероисповедания»*. Факт, что люди осуждены за террористическую деятельность, отвергается, и делается вывод, что это дискриминация по религиозному принципу. Суть уловки состоит в нарушении таких правил аргументов, как достоверность, достаточность и непротиворечивость. В данном примере налицо и так называемая «психологика», суть которой заключается в том, что аргументация здесь существует не сама по себе, а выдвигается конкретным человеком, Айратом Дильмухаметовым, которую в определенных условиях воспринимают конкретные люди, обладающие (или не обладающие) некими знаниями, социальным статусом, личностными качествами, относящиеся к определенному вероисповеданию и т. д. Поэтому частный случай, возведенный в ранг закономерности, недостаточно обоснованное положение А. Дильмухаметова проходит, т. к. манипулятору удается оказать влияние на объект воздействия – зрителей, с помощью своего авторитета.

Мы полагаем, что в данном фрагменте эксперт ошибочно расценивает высказывание А. Дильмухаметова как психологическую уловку. В рамках проводимого в процессе подготовки рецензируемого заключения у эксперта, скорее всего, не имелось сведений о том, что *«верные и имеющие отношение к тезису доводы являются недостаточными, потому что носят частный характер и не дают оснований для выводимого заключения»*.

Представляется, что в рамках проводимого исследования, у эксперта нет возможности сделать обоснованный и достоверный вывод о том, что Дильмухаметов с помощью этой уловки экстраполирует имеющий место частный случай на общее положение вещей.

В пределах своей ограниченной специальной компетенции эксперт Плеханова не может сделать вывод о том, происходит ли *«антиконституционный беспредел»* по

принципу вероисповедания.

Также у эксперта Е.А. Плехановой нет и не может быть подлежащей использованию в судебно-экспертной деятельности информации (выходящей за рамки её ограниченной профессиональной компетенции как психолога) о том, действительно ли были соблюдены все требования законодательства при привлечении к уголовной ответственности лиц, связанных с организацией «Хизб ут-Тахрир».

Таким образом, промежуточный вывод эксперта Е.А. Плехановой

- может оказаться абсолютно верным, а её интерпретация ситуации — корректной,
- а может оказаться совершенно не основанным на реальном положении вещей и недостоверной произвольной трактовкой.

Следует отметить, что в случае невозможности разрешить поставленный перед ним вопрос в пределах специальной компетенции, обозначенной в постановлении о назначении экспертизы, эксперт не должен выносить суждений по этому вопросу, ему следует лишь отразить это обстоятельство в своем заключении.

Промежуточные выводы эксперта Е.А. Плехановой по этому фрагменту невозможно считать обоснованными.

Также эксперт Е.А. Плеханова считает, что в выступлении А. Дильмухаметова используется психологическая уловка **«Недосказанность с намеком на особые мотивы»**,

«...суть которой заключается в том, чтобы продемонстрировать некую многозначительную недосказанность, намекнуть на то, что в данном случае можно сказать гораздо больше, но это не делается по каким-то особым мотивам, в частности, по причине ясности этого факта для всех: *«12:00 – Хотя все мы прекрасно понимаем, какая у нас судебная система и в какой стране мы живем»*.

Ранее эксперт высказывала суждение о стереотипах, которые *«записаны в подсознании социума»*, говорила о том, что в обществе существуют стереотипы, в соответствии с которыми *«полиция, суд – это репрессивные органы»*.

Однако в данном случае эксперт Е.А. Плеханова не анализирует рассматриваемый фрагмент с целью установить, какой из двух следующих равновероятных вариантов отвечает реальности:

- либо Дильмухаметов действительно целенаправленно и осознанно применяет упомянутую уловку,
- либо он сам действует неосознанно, в рамках указанного стереотипа, и транслирует вытекающее из этого стереотипа представление аудитории, так как сам находится под его влиянием.

Поскольку такого разграничения не проводилось, эксперт не имеет оснований делать вывод о том, что в данном фрагменте содержится психологическая уловка.

Эксперт Е.А. Плеханова приходит к ошибочному выводу о том, что *«...данная видеозапись, содержит в себе разнообразные приемы манипуляции и суггестивного внушения на психику зрителей, поэтому и оказывает на них психологическое воздействие»*.

Тем самым Е.А. Плеханова противоречит ему же принятым определениям и положениям фундаментальной психологии. Любой акт коммуникации, а не только приемы манипуляции и приёмы суггестивного внушения, оказывают на людей, воспринимающих этот акт коммуникации, психологическое воздействие. Любое взаимодействие между людьми, любой эпизод межличностного общения приводит к преднамеренному или непреднамеренному влиянию, оказываемому одним или несколькими людьми на психологические состояния, чувства, мысли и поступки другого человека или группы людей.

Следует также принимать в внимание, что наличие манипулятивных приемов и приёмов суггестивного воздействия в рассматриваемой видеозаписи экспертом не было доказано.

Таким образом, мнение эксперта Е.А. Плехановой о том, что «данная видеозапись, содержит в себе разнообразные приемы манипуляции и суггестивного внушения на психику зрителей, **поэтому и оказывает на них психологическое воздействие**», ненаучно, не является релевантным.

Отвечая на вопрос следствия **«Какое психологическое воздействие оказывает видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31»?**», Е.А. Плеханова пишет:

«Таким образом, представленная видеозапись **оказывает психологическое воздействие на целевую аудиторию, т. е. зрителей**. Используемые приемы психологического воздействия на зрителей – манипулятивные и суггестивные.

Манипулятивные приемы: «Соппротивление, или разыгрываемый протест», «Эффект наблюдения, или поиск общих черт», «Образ врага»,

«Лидер мнений», «Эффект правдоподобия», метод «Старой реакции»,

«Перетасовка» или «подтасовка карт» (card stacking), «Недоказанность с намеками на некие особые обстоятельства», «Общая платформа», «Игра в простонародность», прием «Утверждение», манипуляция числами, использование логико-психологической уловки, связанной с несоблюдением закона достаточного основания, а также тактики «Самопродвижение» (Self- promotion) для управления впечатлением о своей компетентности в глазах других людей. **Суггестивные приемы** — риторические вопросы разного типа, метод эриксоновского гипноза «Рассеивание».

С помощью манипулятивных техник осуществляется скрытое управление человеком против его воли, приносящее односторонние преимущества только манипулятору.

С помощью суггестивных техник зрителям внушаются идеи, которых придерживается сам автор – А. Дильмухаметов.

В результате подобных воздействий **становится возможным изменение образа мыслей зрителя**, особенно если воздействию были подвергнуты люди молодого возраста.

Данное воздействие направлено на целевую аудиторию, которой являются как мужчины, так и женщины с различным образовательным уровнем. В основном материалы ориентированы на молодых людей, исповедующих ислам или-и придерживающиеся идеологии «Хизб ут- Тахрир», а также скептически воспринимающих все происходящее в стране, считающих свои взгляды оппозиционными власти, настроенных все подвергать сомнению и критике и полностью разделяющих позицию автора. К возможным проблемам целевой аудитории можно отнести проблему самовыражения и несформированность мировоззрения»

В процессе рецензирования заключения № 124 мы установили, что, рассматривая видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31», эксперт Е.А.Плеханова:

- не указывает разницу между видами психологического воздействия (влияние, манипуляция, суггестия) и их отличиями;
- интерпретирует разные коммуникативные моменты видеозаписи выступления «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31» как имеющие характер манипуляции, игнорируя другие возможности интерпретации;
- бездоказательно утверждает сознательное применение А. Дильмухаметовым манипулятивных приемов и суггестивных техник;
- подчеркивает наличие психологического воздействия в таких продуктах речевой деятельности, в которых оно и должно обязательно присутствовать.

Отраженное в ответе на первый вопрос суждение эксперта не может быть признано релевантным: в каждом акте коммуникации есть элемент психологического воздействия, что нормально, является обыденным фактом общения, социально приемлемо.

Необходимо также принять во внимание, что эксперт Е.А. Плеханова, описывая подтвержденные в итоге материалами дела «манипулятивные» и «суггестивные» приемы, в результате не дает ответа на вопрос, поставленный перед ней следствием: «Какое психологическое воздействие оказывает видеозапись «Хизбы - террористы по разнарядке. Взгляд № 31?»

По меньшей мере, однозначного ответа на этот вопрос в рецензируемом заключении не имеется. Эксперт утверждает, что такое воздействие она обнаружила, и полагает, что оно оказывалось с помощью описываемых ею приемов. Но на что направленно это воздействие, в своем выводе эксперт не указывает.

При ответе на второй вопрос эксперт Е.А. Плеханова описывает признаки целевой аудитории, которая является потенциальным зрителем данных видеоматериалов.

Суждения эксперта Е.А.Плехановой о качественных характеристиках целевой аудитории не имеют обоснования в виде отсылок к предоставленным в распоряжение экспертов материалам дела, являются **предположениями**, не подтвержденными результатами применения каких-либо научно обоснованных методик, описанных в спорном тексте рецензируемого заключения или хотя бы названных экспертом и доступных для изучения в специальных источниках.

Эксперт пишет о том, что она выявила параметры целевой аудитории данной видеозаписи А. Дильмухаметова. По её мнению:

«тематика анализируемых материалов может привлекать внимание людей разного пола...», «...возрастной диапазон целевой аудитории является довольно широким», «...образовательный уровень граждан, на которых ориентированы данные материалы, также может быть разным: среднее незаконченное среднее, среднее, среднее профессиональное, высшее образование. Выявленный возрастной диапазон позволяет это утверждать».

Эксперт Е.А. Плеханова предполагает, что

«Жизненные ценности и основные интересы: представители целевой аудитории в большинстве своем могут являться мусульманами или людьми, сочувствующими идеологии «Хизб ут-Тахрир».

Также представителям целевой аудитории этих материалов может быть свойственна критичность по отношению к происходящему в стране, неприязненное отношение к представителям власти, неверие в справедливость и желание ее восстановить любыми способами.

Готовность к принятию авторской позиции может быть свой-

ственно тем гражданам, которые придерживаются или сочувствуют идеологии «Хизб ут-Тахрир», скептически воспринимают все происходящее в стране, считают свои взгляды оппозиционными власти, настроены все подвергать сомнению и критике».

Также эксперт считает, что

«При этом позиция автора на выжидательность может приниматься теми, кто рассчитывает осуществлять свою противоправную деятельность на долгосрочной основе».

Эксперт Е.А. Плеханова пишет, что выявила

«возможные проблемы целевой аудитории:

1) проблема самовыражения социально одобряемым способом может приводить к социальной изоляции личности от общества и поиск такого социального пространства, в котором он был бы однозначно принят;

2) несформированность мировоззренческой позиции в силу разных причин, включая возраст или незнание основ традиционного ислама».

Далее эксперт пишет:

«Таким образом, проведенный психологический анализ представленной на исследование видеозаписи позволяет утверждать, что она оказывает психологическое воздействие на целевую аудиторию, зрителей. Характер используемых методов и приемов воздействия – манипулятивный и суггестивный. С помощью манипулятивных техник осуществляется скрытое управление человеком против его воли, приносящее односторонние преимущества только манипулятору. Также в представленных материалах было выявлено использование суггестивных техник, позволяющих внушать людям необходимые автору идеи. В результате подобных воздействий в дальнейшем изменить образ мыслей человека практически невозможно, особенно если воздействию люди были подвергнуты в молодом возрасте».

С учетом изложенного, эксперт определила характеристики целевой аудитории, исходя из своих предположений о том, как именно якобы выявленные ею «манипулятивные» и «суггестивные» приемы воздействия могут на кого-то повлиять в реальной действительности.

При этом эксперт Е.А.Плеханова, не основываясь ни на каких научно подтвержденных данных, полагает, что люди, входящие в целевую аудиторию А.Дильмухаметова, имеют проблемы самовыражения социально одобряемым способом.

Она считает, что указанная проблема может приводить к социальной изоляции личности от общества и поиску такого социального пространства, в котором эта личность была бы однозначно принята. Это — ничем не обоснованное в тексте рецензируемого заключения суждение, характеризующееся признаками субъективности и предвзятости.

Суждения эксперта Е.А.Плехановой о том, что люди, входящие в целевую аудиторию, отличаются «несформированностью» мировоззренческой позиции в силу разных причин, откровенно голословны. Следовательно, данные суждения эксперта никак НЕ могут быть признаны обоснованными.

Предположения эксперта, положенные ею в основу вывода по второму вопросу, состоят в том, что входящие в целевую аудиторию люди «скептически воспринимают все происходящее в стране, считают свои взгляды оппозиционными власти, настроены все подвергать сомнению и критике и при этом (соглашаясь с выжидательной позицией авто-

ра) рассчитывают осуществлять свою противоправную деятельность на долгосрочной основе».

Людам, входящим в целевую аудиторию А. Дильмухаметова, Е.А. Плеханова походя приписывает намерения осуществлять противоправную деятельность, но на чем основывается это её предположение, не указывает.

Не подтверждено никакими научными методами исследования также предположение эксперта о том, что люди, входящие в целевую аудиторию исследуемой экспертами видеофонограммы, имеют какие-либо проблемы.

В рецензируемом заключении, при ответе на вопрос о том, на какую целевую аудиторию направлена видеозапись выступления А. Дильмухаметова, лишь в одном фрагменте спорного текста рецензируемого заключения эксперт Е.А. Плеханова приводит ход своих рассуждений:

Возраст: данные материалы видеозаписи ориентированы на молодых людей в возрасте от 18 лет до 35 лет, которые состоят в организации «Хизб ут-Тахрир» или сочувствуют ее идеологии, а также содержат обращение к родителям этих ребят, чей возраст, соответственно от 45 лет и старше. Таким образом, возрастной диапазон целевой аудитории является довольно широким.

В остальной части ответа на вопрос о целевой аудитории Е.А. Плеханова формулирует свои предположения как установленные факты, не считая нужным сообщать о том, как именно она каждый из них установила.

В процессе допроса в целях разъяснения заключений № 119 от 09 августа 2019 г и № 120 от 20 августа 2019 г. по уголовному делу № 1190780001000004 (л.д. 262-264) эксперт Е.А. Плеханова пояснила следующее относительно недостаточности применяемого ею методологического подхода к определению целевой аудитории:

«Действительно, при характеристике целевой аудитории нами были в форме предположений описаны **возможные** ее проблемы. Мы исходили из позиций, какие психологические особенности свойственны людям, склонным противостоять большинству, имеющим оппозиционные настроения, негативистические тенденции личности. Именно эти параметры легли в основу описания **возможных проблем** целевой аудитории».

Эксперт Е.А. Плеханова таким образом подтверждает, что её суждения о целевой аудитории А. Дильмухаметова являются не надлежащим образом полученными научно обоснованными данными, а предположениями.

Также в процессе допроса Е.А.Плеханова указывает, что

При изучении целевой аудитории была разработана наша авторская методика с опорой на исследования различных аспектов этого психологического феномена в психологии и смежных науках. Были выделены основные параметры, свойственные целевой аудитории, такие как пол, возраст, образование, жизненные ценности и основные интересы, стиль коммуникации, готовность к принятию авторской позиции, возможные проблемы целевой аудитории.

Все они позволяют изучить целевую аудиторию как единый социальный объект, имеющий свои индивидуальные характеристики. Данные параметры учитываются при психологическом анализе социальных групп, в том числе и целевой аудитории. Изучить целевую

аудиторию данных видеоматериалов другими методами невозможно.

Да, при психологическом анализе социальных групп (в социальной психологии, в психологии рекламы, в политической психологии) эти параметры учитываются, но не на основе предположений, а на основе реального исследования путем анкетирования, интервью, неструктурированного наблюдения. В других отраслях знания используются свои специфические методы.

Отсутствие возможности изучить что-либо общепризнанными в науке методами при производстве судебной экспертизы, по мнению специалистов, составивших настоящее заключение, должно приводить к обоснованному отказу от ответа на поставленный перед экспертом вопрос, а не к формулированию в категоричной, утвердительной форме вывода, основанного на предположениях. К сожалению, в рецензируемом заключении наблюдается именно последний вариант.

Упомянутая экспертом Е. А. Плехановой на допросе авторская методика в рецензируемом заключении, как и ранее, в экспертных заключениях №119 и №120, не представлена и не описана, что полностью исключает возможность проверки полученных экспертом Е. А. Плехановой результатов посредством воспроизведения проведенного ею исследования — применения тех же методов к тем же материалам.

Разъяснение эксперта Е.А. Плехановой показывает, что эта авторская методика более всего напоминает разновидность когнитивного моделирования.

Е.А. Плеханова фактически показывает на допросе, что, кроме как с помощью формирования субъективного представления на основе своего субъективного опыта и субъективных предположений, изучить «целевую аудиторию данных видеоматериалов невозможно».

Это суждение в принципе логично. Вопрос, поставленный перед экспертом-психологом, в определенной степени выходит за пределы её специальной компетенции, относится к другим отраслям знания, в которых существуют специальные подходы для изучения целевой аудитории, например медиаметрический анализ (*Воскресенская Н.Г., Фирулина Е.Г. Медиаметрические исследования целевой аудитории: методика количественного анализа: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2014*).

Е.А. Плеханова сообщает на допросе также следующее: она считает, что

«Рецензенты, настаивая на каком-то специальном исследовании целевой аудитории с помощью каких-то неведомых методик, пытаются довести ситуацию до абсурда»

Таким образом, Е.А. Плеханова показывает, что она приняла к производству экспертизу и начала исследование по вопросу, поставленному перед ней следствием, не имея надлежащего методологического обеспечения, зная заведомо, что не владеет методиками изучения целевой аудитории (*неведомые методики*), опираясь только на собственное восприятие видеозаписи и на предположения о том, кого могло бы привлечь представленное на экспертизу выступление.

Аналогичным образом, опираясь лишь на свое представление о видеозаписи, эксперт предположила, что у этой воображаемой целевой аудитории есть описанные в рецензируемом заключении проблемы.

Поскольку всё исследование целевой аудитории построено на предположениях, предположительный характер умозаключений и выводов должен был бы быть отражен в тексте рецензируемого заключения.

Если для подготовки ответа на вопрос экспертом Е.А. Плехановой использовалась

«наша авторская методика с опорой на исследования различных аспектов этого психологического феномена в психологии и смежных науках», то для того, чтобы понимать ход рассуждений эксперта, необходимо, чтобы

- либо эта методика была опубликована в установленном порядке,
- либо эта методика была полностью и подробно описана непосредственно в тексте рецензируемого заключения.

В противном случае (наблюдаемом в действительности) ход рассуждений эксперта не ясен, его данные невозможно ни проверить, ни повторить.

Соответственно, выводы Е.А. Плехановой по вопросу о том, на какую целевую аудиторию направлена видеозапись, невозможно признать ни обоснованными, ни достоверными.

Выводы по результатам исследования текста психологической части рецензируемого заключения

1. Выводы эксперта Е.А.Плехановой невозможно признать достоверными и обоснованными, поскольку они сделаны на основе житейского восприятия представленных ей материалов, без применения или с неправильным применением исследовательских методов и необходимых для проведения исследований подобного рода методик. Текст рецензируемого заключения содержит признаки неверного методологического подхода к исследованию. Метод «наблюдение» применен экспертом без учета принципов, лежащих в основе метода наблюдения как метода научного психологического исследования. Целевая аудитория выступления А. Дильмухаметова исследовалась ненадлежащим образом (не исследовалась с помощью научных методов), выводы эксперта основаны не на фактах или данных, полученных в результате применения научно обоснованной методики, но лишь на субъективном восприятии материала экспертом Е. А. Плехановой и на её предположениях.
2. Эксперт Е.А.Плеханова расценивает выступление А. Дильмухаметова как содержащее ложь, но это суждение не подтверждено исследуемыми экспертом материалами, выводы эксперта в этой части не являются ни обоснованными, ни достоверными.
3. Мнение эксперта Е.А. Плехановой о том, что основная идея выступления заключается в оправдании деятельности запрещенной в РФ террористической организации «Хизб ут-Тахрир» и высказывании сожаления о том, что при нынешней законодательной системе невозможно оправдать ее деятельность законным путем», не подтверждено исследуемыми экспертом материалами. Выводы эксперта Е.А. Плехановой в этой части не являются обоснованными.
4. Е.А. Плеханова считает, что А. Дильмухаметов в своем выступлении, пользуясь юридической терминологией и оперируя соответствующими понятиями, статьями Конституции РФ, знанием принципов судопроизводства, смешивает правдоподобную информацию с ложной, что не дает зрителю возможности отделить одно от другого. При этом эксперт не указывает, каким именно образом происходит это смешение и какая именно информация является ложной (заведомо недостоверной, о чем известно выступающему). Выводы эксперта Е.А. Плехановой в этой части не являются обоснованными.

5. Мнение Е.А. Плехановой о том, что «вызывая у зрителей гнев и неприязнь к действиям РФ и правоохранительных органов в отношении к членам запрещенной организации «Хизб ут-Тахрир», можно распространить эту реакцию на все действия государства и правоохранительных органов в целом, а также распространить эту реакцию на содержание и других видеосюжетов и публикаций автора», необоснованно, данная экстраполяция представляет собой субъективное оценочное суждение эксперта, не подтвержденное исследуемыми экспертом материалами.
6. Не обоснован надлежащим образом вывод эксперта о том, что Дильмухаметов имел осознанное намерение вызвать у зрителей именно «гнев и неприязнь» к действиям «РФ и правоохранительных органов». Выводы эксперта Е.А. Плехановой в этой части не являются обоснованными.
7. В видеозаписи не обнаружено признаков того, что Дильмухаметов «внедряет в сознание слушателей свои идеи», мнение эксперта Е.А. Плехановой об этом построено на субъективном восприятии экспертом исследуемой ею видеозаписи и является её субъективным оценочным суждением. Выводы эксперта Е.А. Плехановой в этой части не являются обоснованными.
8. В тексте рецензируемого заключения не наблюдается описания убедительных оснований считать, что А. Дильмухаметов видит врага в Российской Федерации и создаёт у своих зрителей «образ врага» в отношении нашего государства, России. Экспертом не приняты во внимание речевые факты и невербальное поведение А. Дильмухаметова, свидетельствующие о том, что он сожалеет о том, что несоблюдение законов приводит к неправосным решениям. Выводы эксперта Е.А. Плехановой в этой части не являются обоснованными.
9. Е.А. Плеханова считает, что А. Дильмухаметов «подтасовывает факты», ссылаясь на юридическое определение понятия «терроризм» и утверждая, что это определение к деятельности «Хизб ут-Тахрир» не подходит. Информации о том, какие именно факты подтасованы Дильмухаметовым, в рецензируемом заключении не имеется. Выводы эксперта Е.А. Плехановой в этой части не являются обоснованными.
10. Мнение эксперта Е.А. Плехановой о том, что видеосюжет формирует у зрителя установку на противостояние, как активное, так и пассивное, государственной системе, желание оказывать сопротивление и бороться с врагом, который не называется прямо, но подразумевается — это РФ и ее законы», не подтверждаются материалами дела. Выводы эксперта Е.А. Плехановой в этой части не являются обоснованными.
11. Мнение эксперта Е.А. Плехановой о том, что Дильмухаметов применяет манипулятивный прием с целью сформировать у зрителей «установку на противостояние», не подтверждаются материалами дела. Выводы эксперта Е.А. Плехановой в этой части не являются обоснованными.
12. Эксперт Е.А. Плеханова без должного обоснования расценила стилистические особенности речи А. Дильмухаметова как манипуляцию и суггестию, однако описания

каких-либо объективно выявляемых, верифицируемых признаков, подтверждающих это суждение, в рецензируемом заключении не имеется. В действительности подобные признаки в продуктах речевой деятельности, исследованных экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой, не проявляются. Выводы эксперта Е.А. Плехановой в этой части не являются обоснованными.

13. Эксперт Е.А.Плеханова, не основываясь на материалах дела, приписала целевой аудитории А. Дильмухаметова проблему самовыражения и несформированность мировоззренческой позиции в силу разных причин. Также людям, входящим в целевую аудиторию, Е.А. Плеханова приписывает намерения осуществлять противоправную деятельность, но на чем именно основывается это её предположение, не указывает. Выводы эксперта Е.А. Плехановой в этой части не являются обоснованными, откровенно голословны.

ВЫВОДЫ рецензентов

(В настоящем заключении комиссии специалистов в форме научно-методической рецензии словосочетанием *рецензируемое заключение* обозначается экспертное заключение № 124 от 09 декабря 2019 года, составленное по результатам комплексной психолого-лингвистической экспертизы, проведенной экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой по материалам уголовного дела № 11907800001000004.

В настоящем заключении специалистов содержится специальная оценка спорного текста экспертного заключения № 124 на основе критериев, полностью аналогичных критериям, примененным специалистами в ходе тех исследований текста экспертных заключений № 119 и № 120, которые были описаны специалистами в заключениях № СЭ-199/19 и № СЭ-206/19. Специалисты полагают необходимым особо подчеркнуть, что имеющиеся у специалиста-психолога В. В. Константиновой документально подтвержденные специальные знания в области юриспруденции **НЕ применялись** в заключениях № СЭ-199/19 и № СЭ-206/19, а равно **НЕ применяются** в настоящем заключении для выражения каких-либо суждений правового характера. Оценка спорного текста представленного экспертного заключения Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой, являющегося частью материалов данного уголовного дела, производится специалистами **исключительно в терминах специальных научных (относящихся к областям лингвистики, психологии, теории и практики судебно-экспертной деятельности) и методических признаков**, которые, по мнению специалистов, могут свидетельствовать о его соответствии либо несоответствии требованиям, установленным законодательством о судебно-экспертной деятельности (в том числе указанным специальным законом и УПК РФ) в качестве обязательных при производстве судебно-экспертных исследований и составлении заключения эксперта. Вводя то или иное правовое понятие, законодатель в большинстве

случаев использует при определении его содержания совокупность признаков, многие (как правило, большинство) из которых не носят правового характера. Установление наличия таких признаков в случаях, когда эти признаки носят специальный характер, соответствующий компетенции эксперта или специалиста, не следует путать с правовой квалификацией обладающего установленными специальными признаками объекта. Таковую правовую квалификацию тех или иных объектов производит суд с учетом существенно разнородных обстоятельств, включая признаки квалифицируемых объектов, носящие как фактический, так и специальный характер.)

1. Применяемые в рецензируемом заключении понятийный аппарат и методика лингвистического исследования основаны на частично устаревших методических источниках, являются неполными и недостаточными для адекватного решения экспертных задач.

2. Данное экспертом-лингвистом Е. Е. Хазимуллиной в рецензируемом заключении обозначение «методов исследования» является неточным и неполным; некоторые заявленные экспертом методы отсутствуют в языкознании как общепризнанные методы лингвистического исследования.

Описанное положение дел препятствует верификации полученных в ходе экспертизы результатов и представляет собой **специальный** (научно-методический) **признак несоответствия** рецензируемого заключения **принципу проверяемости выводов** эксперта, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»).

3. Понятийный аппарат и методы исследования, заявленные и примененные экспертом-психологом Е. А. Плехановой в ходе исследования, по результатам которого составлено рецензируемое заключение, а также описанные в ходе ее допроса, зафиксированного представленным протоколом допроса эксперта Е. А. Плехановой, составленного старшим следователем следственного отдела УФСБ России по Республике Башкортостан майором юстиции С. Н. Корепановым 06.02.2020, НЕ основаны на общепризнанных научных данных, НЕ обладают признаком валидности.

4. Значительная часть суждений (промежуточных выводов), лежащих в основе итогового вывода эксперта Е. Е. Хазимуллиной по поставленному перед ней вопросу, НЕ являются обоснованными.

5. Часть суждений (промежуточных выводов), лежащих в основе итогового вывода эксперта Е. Е. Хазимуллиной по поставленному перед ней во-

просу и играющих для этого вывода существенную роль, **НЕ являются достоверными.**

6. Промежуточные выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной по результатам проведенной верификации характеризуются следующим образом.

6.1. Выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной в следующей части:

- организация «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») признана террористической и ее деятельность является запрещенной на территории РФ;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о фактах признания организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») террористической и запрета ее деятельности на территории РФ;
- А. Дильмухаметов использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов нейтральные наименования;
- А. Дильмухаметов не использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов наименования, отличные от нейтральных либо позитивных;
- А. Дильмухаметов изображает членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как жертв «террора» — либо наиболее острой формы борьбы против политических противников с применением насилия, либо чрезмерной жестокости применяемых в их отношении мер наказания;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется государством;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, является массовым;
- А. Дильмухаметов резко негативно оценивает действия судов и правительства в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») как неправо-вые;
- А. Дильмухаметов сообщает, что члены партии «Хизб ут-Тахрир» — мусульмане;
- характеризуя практику уголовного преследования членов указанной организации и выносимые им приговоры, А. Дильмухаметов высказывает суждение о том, что это преследование осуществляется незаконно, используя для этой характеристики словесные

конструкции *«ни за что», «по принципу вероисповедания»,* и сообщает, что в результате этого преследования нарушаются права членов указанной организации *«не только исповедовать, но и вообще поступать со своими религиозными убеждениями»;*

- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о том, что главная цель организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») состоит в установлении исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов по состоянию на период времени, к которому относится создание исследуемой экспертами видеофонограммы, знал о вовлечении организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов отрицает террористическую сущность деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»);
- А. Дильмухаметов называет членов указанной организации *«заблудшими или одурманенными»* мусульманами, ни в чем неповинными ребятами

— являются достоверными, НЕ являются надлежаще обоснованными.

6.2. Выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной в следующей части:

- А. Дильмухаметов использует для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов позитивные наименования;
- «террор» в отношении членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»), о котором сообщает А. Дильмухаметов, осуществляется по религиозному и национальному признаку;
- А. Дильмухаметов снимает ответственность с членов организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения»);
- А. Дильмухаметов с использованием следующих словесных конструкций: *«по крайней мере, пока такие дракан.., драконовские законы», «при таком законодательстве»* — оценивает раскрываемые им в речи элементы идеологии указанной организации как неприменимые временно;
- оценка А. Дильмухаметовым раскрываемых им в речи элементов идеологии указанной организации производится с точки зрения их

применимости для установления *«нового федерализма», «новой, ЧЕТВЕРТОЙ БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»;*

- в продуктах речевой деятельности А. Дильмухаметова выявлено частичное оправдание деятельности террористической организации «Хизб ут-Тахрир»

— **НЕ являются достоверными, НЕ являются надлежаще обоснованными.**

6.3. Выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной в следующей части:

- А. Дильмухаметов недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах, применяемых организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») для «устранения» существующих правительств;
- А. Дильмухаметов недоговаривает, утаивая и искажая информацию о конкретных методах вовлечения организацией «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») других людей в исполнение действий по установлению исламского государства Халифат посредством «устранения» существующих правительств,

— **НЕ являются достоверными, НЕ являются обоснованными, являются полностью голословными.**

6.4. Выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной в следующей части:

- использование А. Дильмухаметовым для характеристики деятельности организации «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» («Партия исламского освобождения») и ее членов нейтральных наименований является намеренным

— **НЕ являются надлежаще обоснованными;** оценка достоверности данного вывода не представляется возможной. Специалисты полагают, что этот вывод относится к обстоятельствам, не имеющим значения для разрешения данного уголовного дела.

6.5. Выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной в следующей части:

- раскрываемые в речи А. Дильмухаметова элементы идеологии указанной организации относятся к числу основных элементов ее идеологии

— **НЕ являются надлежаще обоснованным;** оценка достоверности данного вывода, а равно сам этот вывод **НЕ относятся к компетенции лингвистов.**

6.6. Выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной в следующей части:

- о целенаправленности речевых действий спикера, зафиксированных исследуемой экспертами видеофонограммой,
— **является обоснованным и достоверным**, однако, исходя из общей задачи судебно-экспертной деятельности, состоящей в содействии суду в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение по конкретному делу, **не является полным**. Чрезвычайно важным и необходимым представляется следующее отсутствующее в спорном тексте рецензируемого заключения **уточнение**:

- целенаправленность является общим свойством речевой деятельности как таковой; **суждение о целенаправленности обращения в целом не дает достаточных оснований для приписывания свойства быть целенаправленным каждому высказыванию и каждому фрагменту высказывания в его составе.**

7. Итоговые выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной по поставленным перед ней вопросам по результатам проведенной верификации характеризуются следующим образом.

7.1. Итоговые выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной в следующей части:

- о наличии в речи А. Дильмухаметова высказываний, направленных на формирование убежденности в несправедливости, неправомерности судебных решений в отношении партии «Хизб ут-Тахрир», ее членов,
— **являются достоверными, НЕ являются надлежаще обоснованными.**

7.2. Итоговые выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной в следующей части:

- о наличии в речи А. Дильмухаметова высказываний, направленных на формирование убежденности в правильности части идей этой организации, справедливости и допустимости ее действий
— **НЕ являются достоверными, НЕ являются надлежаще обоснованными.** Данный вывод основан на предположении, которое не доказано экспертом и для которого предоставленные в распоряжение экспертов материалы не дают каких-либо оснований, о том, что идея нового государства, которую имеет в виду А. Дильмухаметов, заимствована им именно у террористической организации «Хизб ут-Тахрир».

С такими же основаниями и с таким же успехом можно было бы говорить о том, что частичным оправданием деятельности организации «Хизб ут-Тахрир» являются любые высказанные кем бы то ни было идеи о создании того или иного нового государства, на каком бы континенте и даже на какой бы планете оно бы ни планировалось в сколь угодно отдаленном будущем.

7.3. Итоговые выводы эксперта Е. Е. Хазимуллиной в следующей части:

- о наличии в речи А. Дильмухаметова высказываний, направленных на формирование убежденности в необходимости лишь отложить на время участие в деятельности партии «Хизб ут-Тахрир», — **НЕ являются достоверными, НЕ являются надлежаще обоснованными.** Данный вывод всецело основан на интерпретации экспертом Е. Е. Хазимуллиной словесной конструкции «*по крайней мере, пока такие дракан..., драконовские законы*», каковая интерпретация проведена с использованием данных о словарных значениях многозначных слов, причем принятые экспертом во внимание значения выбраны ею произвольно, без учета контекста, с которым они вступают в противоречие (нарушая принцип синсемичности и не соответствуя наблюдаемым в речи А. Дильмухаметова супrasegmentным явлениям — паузации и интонации) при наличии возможности непротиворечивой интерпретации высказывания А. Дильмухаметова на основе иных словарных значений.

В результате двух грубых ошибок, допущенных экспертом при производстве лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа, в рецензируемом заключении оказался **существенно искажен смысл высказывания**, в котором в действительности А. Дильмухаметов выражает адресованное неопределенному кругу лиц исламского вероисповедания предостережение от вхождения в партию «Хизб ут-Тахрир» как такового, каковое предостережение он считает наиболее актуальным и важным в период действия тех норм антитеррористического и антиэкстремистского законодательства, которые упоминаются в речи А. Дильмухаметова, в то время как эксперт вследствие допущенных ею ошибок усмотрела в данном высказывании явное предостережение от временного вхождения в партию «Хизб ут-Тахрир» и скрытый призыв к вступлению в эту партию в будущем.

7.4. Ни одно из суждений, выраженных экспертом Е. Е. Хазимуллиной в подразделе «Ответ на вопросы 1,2» в тексте рецензируемого заключения, **НЕ содержит** каких-либо сведений, которые были бы изложены в форме, соответствующей формулировкам поставленных перед экспертом-лингвистом вопросов следствия в степени, достаточной для их признания **полным или частичным ответом** на какой-либо из поставленных перед экспертом-лингвистом вопросов.

В тексте рецензируемого заключения **отсутствуют** также какие-либо **высказывания, содержащие** мотивированный или не мотивированный **отказ** эксперта отвечать на какой-либо из вопросов следствия.

Описанное положение дел является специальным экспертологическим признаком пренебрежения экспертом обязанностью дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ней вопросам.

8. Содержащиеся в рецензируемом заключении итоговые **выводы эксперта-психолога Е. А. Плехановой НЕ являются обоснованными, а равно НЕ являются достоверными**, поскольку сделаны на основе житейского восприятия представленных ей материалов, без применения или с неправильным применением исследовательских методов и необходимых для проведения исследований подобного рода методик. Исходя из содержания рецензируемого заключения, **исследование представленных на экспертизу материалов общепризнанными научными методами как таковое экспертом Е. А. Плехановой проведено не было**. В частности, эксперт Е.А.Плеханова:

- **без должного обоснования** расценила стилистические особенности речи А. Дильмухаметова как **манипуляцию и суггестию**, хотя признаков этих психических явлений в рассматриваемых материалах **в действительности не обнаруживается**;
- расценила выступление А. Дильмухаметова как содержащее **ложь, смешение правдоподобной информации с ложной**, однако объективно выявляемых, верифицируемых признаков, подтверждающих это суждение, в рецензируемом заключении **не описано**; **в действительности** подобные признаки в продуктах речевой деятельности, исследованных экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой, **не проявляются**;
- **не основываясь на материалах дела**, приписала целевой аудитории А. Дильмухаметова **ущербность**, однако представленными материалами дела данное суждение эксперта **не подтверждается**.

9. В рецензируемом заключении наблюдаются множественные суждения эксперта-психолога Е. А. Плехановой, свидетельствующие о ее **выходе за пределы ограниченной процессуальной компетенции**. В частности, эксперт Е. А. Плеханова неоднократно высказывает суждения, требующие специальных знаний в области юриспруденции.

10. Проведенная Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой экспертиза представлена в рецензируемом заключении как **механическая сумма двух исследований, единолично проведенных экспертами разных специальностей**, что свидетельствует об **отсутствии реального комплексного характера** проведенной Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой судебной экспертизы.

11. Изложенное в п. 1–10 настоящего нумерованного списка выводов позволяет со всей определенностью утверждать, что представленное **экспертное заключение № 124 от 09 декабря 2019 года**, составленное по результатам комплексной психолого-лингвистической экспертизы, проведенной экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой по материалам уго-

ловного дела № 11907800001000004, **НЕ соответствует требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.**

12. Изложенное в п. 1–10 настоящего нумерованного списка выводов позволяет со всей определенностью утверждать, что представленное **экспертное заключение № 124 от 09 декабря 2019 года**, составленное по результатам комплексной психолого-лингвистической экспертизы, проведенной экспертами Е. Е. Хазимуллиной и Е. А. Плехановой по материалам уголовного дела № 11907800001000004, **НЕ соответствует с точки зрения достоверности суждений, описывающих форму и содержание продуктов речевой деятельности, подвергнутых экспертами исследованию, реальному содержанию исследованной экспертами видеофонограммы.**

Приложение: копии документов, подтверждающих квалификацию специалистов, на 9 л.

Специалисты

И. В. Жарков

В. В. Константинова